

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

- Меруерт Абусентова** Историческая преемственность и традиции казахской государственности: взгляды и проблемы 7

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

- Татьяна Шендик** Постиндустриальное общество: ориентиры для партийного строительства 16
- Асем Калкаманова** Развитие электронного правительства как стратегия легитимизации: контент-анализ 34
- Мерей Муратова, Мейрамгуль Иссаева** Социальное партнерство в Казахстане: механизмы взаимодействия государства с неправительственными организациями при решении социальных вопросов 52

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Бауыржан Темирбаев, Ксения Загал, Салтанат Ахметжанова** Инвестиционный климат Казахстана: тенденции изменения 64
- Анара Кусаинова, Айжан Ауеш** Роль службы управления персоналом и ее значение по достижению эффективности государственной службы Республики Казахстан 83
- Галия Даулиева, Мехмет Исламоглу, Аружан Ералиева** Государственное управление цифровой экономикой в Республике Казахстан 96

РЕЦЕНЗИЯ

- Мурат Лаумулин** Обзор литературы по Центральной Азии: 2020-2021 гг. 110

KAZISS

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Абен Асел**,
руководитель Представительства КИСИ
при Президенте РК в г. Алматы

Ответственный за выпуск: Алмас Арзикулов
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова
Верстка: Павел Романенко

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Нур-Султан, ул. Бейбит-шилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в ТОО «Надежда 2050». г. Кошкетау, улица Баймуханова, 3.
Тираж: 300 экземпляров

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Меруерт Әбусейітова	Қазақ мемлекеттілігінің тарихи сабақтастығы мен дәстүрлері: көзқарас мен мәселелер	7
---------------------	--	---

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Татьяна Шендик	Постиндустриалды қоғам: партиялық құрылыс бағдарлары	16
Әсем Калкаманова	Электрондық үкіметтің дамуы заңдастыру стратегиясы ретінде: контент-анализ	34
Мерей Мұратова, Мейрамгүл Иссаева	Қазақстандағы әлеуметтік серіктестік: әлеуметтік мәселелерді шешуде мемлекет пен үкіметтік емес ұйымдардың өзара әрекеттесу механизмдері.	52

АКТУАЛДЫ ЭКОНОМИКА

Бауыржан Темірбаев, Ксения Загал, Салтанат Әхметжанова	Қазақстанның инвестициялық климаты: өзгерістердің беталыстары	64
Анара Құсайынова, Айжан Ауеш	Персоналды басқару қызметінің рөлі және оның Қазақстан Республикасы мемлекеттік қызметінің тиімділігіне қол жеткізудегі маңызы	83
Ғалия Дәулиева, Мехмет Исламоғлы, Аружан Ералиева	Қазақстан Республикасындағы цифрлық экономиканы мемлекеттік басқару	96

РЕЦЕНЗИЯ

Мұрат Лаумулин	Орта Азия бойынша шетелдік әдебиеттерге шолу: 2020-2021 ж.	110
----------------	--	-----

KAZISS

Қазақстан Республикасының
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Әбен Әсел**,
Алматы қаласы ҚСЗИ
Өкілдігінің басшысы

Шығаруға жауапты: Алмас Арзықұлов
Редактор-корректор: Ақмарал Бөкірова
Беттеу: Павел Романенко

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Нұр-Сұлтан қ., Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.

Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997

жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318

Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға

сілтеме жасалынуы міндетті.

Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі

мүмкін. «Надежда 2050» ЖШС баспасынан басылып шығарылды

Көкшетау қ., Баймұқанов, 3. Таралымы: 300 дана.

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

- Meruert Abusseitova** Historical continuity and traditions of the Kazakh Statehood: views and problems. 7

POLITICS AND SOCIETY

- Tatyana Shendik** Post-industrial society: references for party construction 16
- Assem Kalkamanova** E-governance development as a legitimization strategy: a content analysis 34
- Merey Muratova,
Meiramgul Issaeva** Social partnership in Kazakhstan: mechanisms of interaction between the state and non-governmental organizations in addressing social issues. 52

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

- Bauyrzhan Temirbayev,
Ksenia Zagal,
Saltanat Akhmetzhanova** Investment climate of Kazakhstan: trends of change 64
- Anara Kussainova,
Aizhan Auyesh** The role of the personnel management service and its significance for achieving the effectiveness of the civil service of the Republic of Kazakhstan 83
- Galiya Dauliyeva,
Mehmet Islamoglu,
Aruzhan Yeraliyeva** Government administration of the digital economy in the Republic of Kazakhstan 96

REVIEW

- Murat Laumulin** Review of foreign literature on Central Asia: 2020-2021 110

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Aben**,
Head of the representative
office of KazISS in Almaty

Responsible for publication: Almas Arzikulov

Editor-corrector: Akmaral Bakirova

Layout: Pavel Romanenko

Address: 4 Beibitshilik str., Nur-Sultan, 010000, Republic of Kazakhstan.

Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.

The journal was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318

All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.

Printed by «Nadegda 2050» LLP, Kokshetau, Baimukanov street, 3.

Copies: 300.

Редакционный совет

Зарема Шаукенова	– председатель Редакционного совета, директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, доктор социологических наук, профессор, академик НАН РК
Асел Абен	– шеф-редактор, руководитель Представительства КИСИ при Президенте РК в г. Алматы, доктор PhD экономических наук
Анна Альшанская	– редактор, старший научный сотрудник отдела социальных исследований КИСИ при Президенте РК
Рахман Алшанов	– президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
Гульмира Илеуова	– директор ОФ Центр социологических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
Гульнар Насимова	– заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
Вячеслав Додонов	– главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук
Андрей Чеботарёв	– директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
Марат Шайхутдинов	– первый заместитель Секретаря Совета Безопасности РК, доктор исторических наук, профессор
Мартин Брусис	– доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
Синтия Каплан	– профессор Калифорнийского университета (США)
Геннадий Чуфрин	– академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Редакциялық кеңес

Зарема Шәукенова	–	Редакциялық кеңестің төрағасы, ҚР Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының (ҚСЗИ) директоры, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі
Әсел Әбен	–	бас редактор, Алматы қаласы ҚСЗИ Өкілдігінің басшысы, экономика ғылымдарының Ph.D докторы
Анна Альшанская	–	редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ-дың әлеуметтанулық зерттеулер бөлімінің аға ғылыми қызметкері
Рахман Алшанов	–	«Тұран» ағарту корпорациясының президенті, ҚР жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
Гүлмира Илеуова	–	«Стратегия» Әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы ҚК-ның директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Гүлнар Насимова	–	Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
Вячеслав Додонов	–	ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ-дың бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
Андрей Чеботарёв	–	«Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
Марат Шайхутдинов	–	ҚР Қауіпсіздік Кеңесі хатшысының бірінші орынбасары, тарих ғылымдарының докторы, профессор
Мартин Брусис	–	әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Еуропаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг-Максимилианның Мюнхен Университеті (Германия)
Синтия Каплан	–	Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
Геннадий Чуфрин	–	РҒА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор

Editorial Board

Zarema Shaukenova	–	Chairperson of Editorial Board, Director of Institute for Strategic Studies under President of Kazakhstan (KazISS), Doctor of Sociology, Professor, Academician of National Academy of Sciences Republic of Kazakhstan
Assel Aben	–	Chief Editor, Head of the representative office of KazISS in Almaty, doctor of Ph.D in economics
Anna Alshanskaya	–	Editor, Senior Research fellow of the Department of Sociological Research of KazISS under President of Kazakhstan
Rakhman Alshanov	–	President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economics, Professor
Gulmira Ileuova	–	Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociology
Gulnar Nasimova	–	Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University (KazNU), Doctor of Political Science, Professor
Vyacheslav Dodonov	–	Chief Research Fellow of KazISS under President of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
Andrey Chebotarev	–	Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Science
Marat Shaikhutdinov	–	First Deputy Secretary of Security Council of Kazakhstan, Doctor of History, Professor
Martin Brusiš	–	Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
Cynthia Kaplan	–	Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
Gennady Chufrin	–	Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

МРНТИ:
03.20

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАДИЦИИ КАЗАХСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ВЗГЛЯДЫ И ПРОБЛЕМЫ

Меруерт Абусейтова

Директор республиканского информационного центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки МОН РК, член - корр. НАН РК, доктор исторических наук, профессор
E-mail: mabusseitova@hotmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.01>

Аннотация. В статье представлен анализ новых письменных источников и архивных материалов, привезенных с археографических экспедиций из зарубежных стран по исторической преемственности и традиции казахской государственности.

Ключевые слова: *Казахстан, история, государство, традиции, преемственность, культура, степные кочевники, история этнического развития*

ҚАЗАҚ МЕМЛЕКЕТТІЛІГІНІҢ ТАРИХИ САБАҚТАСТЫҒЫ МЕН ДӘСТҮРЛЕРІ: КӨЗҚАРАС МЕН МӘСЕЛЕЛЕР

Меруерт Әбусейітова

Р.Б.Сүлейменов атындағы Шығыстану институты жанындағы республикалық тарихи материалдарды зерттеу орталығының директоры, ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі, тарих ғылымының докторы, профессор

Аңдатпа. Мақалада қазақ мемлекеттілігінің тарихи сабақтастығы мен дәстүрі бойынша шет елдерден археологиялық экспедициялардан әкелінген жаңа жазба деректер мен мұрағаттық материалдарға талдау жасалған.

Түйінді сөздер: *Қазақстан, тарих, мемлекет, дәстүр, сабақтастық, мәдениет, дала көшпенділері, этникалық даму тарихы*

HISTORICAL CONTINUITY AND TRADITIONS OF THE KAZAKH STATEHOOD: VIEWS AND PROBLEMS

Meruert Abusseitova

Director of the Republican Center for the Study of Historical Materials of R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Corresponding Member, Doctor of Historical Sciences

Abstract. The article presents an analysis of new written sources and archival materials brought from archaeographic expeditions from foreign countries according to the historical continuity and tradition of Kazakh statehood.

Keywords: *Kazakhstan, history, state, traditions, continuity, culture, steppe nomads, history of ethnic development*

Введение

Изучение истории преемственности, последовательности и изменений в истории Великой степи в рамках периодизации позволяет интегрировать политические творения степных кочевников в глобальное и всеобъемлющее видение истории, а также формировать историю и культуру Великой степи как отдельную эпоху в длительной евразийской истории. Исследования показывают, как эти изменения происходили локально и регионально, а также в более широком географическом масштабе. Исследование истоков этногенетического процесса, проблем этногенеза в целостности, с основным упором на преемственность культуры древних насельников региона и казахов предполагает, во-первых, что под этнической историей Казахстана понимается история народов и племен, населявших регион с палеолита до наших дней; во-вторых, этногенез казахского народа представляет историю тех племен и народов, которые участвовали в образовании казахской народности; в-третьих, историю этнического развития уже сформировавшегося казахского народа нужно изучать как историю этнокультурного взаимодействия с различными типами сред: природной, социокультурной и собственно этнической.

Методы исследования

В статье представлены новые методологические подходы на междисциплинарном уровне по изучению этнополитической истории, истории преемственности казахской государственности в контексте взаимоотношений восточной и западной цивилизаций.

Результаты исследования и их обсуждение

Фундаментальное изучение ассимиляционно-интеграционных исторических процессов взаимоотношений и взаимодействий с природной, био-

логической средой, историко-лингвистических связей, политико-государственных и историко-культурных взаимовлияний народов Великой степи, а также ретроспективный анализ их социокультурного взаимодействия позволяет выявить то синкретическое культурное единство, которое присутствует в регионе с древнего времени по настоящий период.

Так, с III–II тыс. до н. э. происходит становление единой культурной общности на территории Евразии, которая вырабатывает общую мировоззренческую модель, основанную на единстве представлений индоиранской, тохарской и древнетюркской общностей. Это прежде всего историческое, географическое, культурное и языковое единство народов, населяющих регион.

Пространственно-хронологическая преемственность материальной и духовной культуры народов Великой степи фиксируется как археологическими материалами, письменными источниками, так и визуальными артефактами.

Этногенез и этническая история, образование государственных объединений, формирующаяся идентичность – это результат тысячелетних этногенетических, миграционных процессов, тесно связанных, прежде всего, с Центрально-Азиатским регионом.

Основное внимание обращено на исследование истории взаимоотношений кочевников с Китаем, а также на момент подъема гегемонии тюрков в VI в., когда именно степи стали более мощным двигателем исторических перемен.

Историко-культурные взаимодействия кочевых и оседлых народов на границах степного коридора позволили кочевникам оставить след в письменной исторической традиции, составленной историками, географами, путешественниками, дипломатами.

Важным является исследование культурно-исторических событий не просто как некой событийной канвы, а как упорядоченного закономерного процесса, приводящего к формированию культурной идентичности казахов и других этносов Центральной Азии. В данном контексте представляется актуальным применение новых методологических подходов по изучению ключевых периодов этногенеза и культурной идентичности – истории Тюркского эля, Западно-Тюркского и Восточно-Тюркского, Тюркешского и Карлукского каганатов как важных составляющих процесса формирования базовой тюркской этнокультурной и цивилизационной идентичности. Отдельные вопросы истории этногенеза народов Центральной Азии, их государственности, социальной организации, места и роли во всемирном историческом процессе всё еще требуют к себе пристального внимания.

Новые выявленные материалы констатируют историческую роль народов Евразии в мировой истории. Это памятники древнетюркской письменности (в Казахстане, Кыргызстане, Хакасии, Монголии) [1], нумизматические памятники VII–VIII вв. с тюркскими руническими надписями (в Турфане, Бесбалыке, Каракоруме), уникальные списки рукописей «Му‘изз

ал-ансаб» – генеалогии ханов-чингизидов, «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «Джами ат-таварих» Кадырали Джалаири и др.

Новые материалы по географическому расселению и этническому составу кочевых народов Великой степи, обнаруженные в курганах хуннского периода (VI в. до н. э. – I в. н. э.), а также представляющие древнетюркский пласт (VIII–IX вв. н. э.), позволили установить социально-ранговую иерархическую систему тюрков от родоплеменной до каганско-княжеской и кочевой аристократической и получить представление о прото-, древне- и среднетюркском периодах истории предков казахского (и, шире, тюркских народов). Особо отметим символику атрибутов власти в каменных изваяниях, представляющих богатый материал о военной иерархии, военном деле, расселении этносов (этногеографии), мировоззрении тюрков и др., которые позволили установить систему наследования верховной власти у древних тюрков.

В настоящее время в архивах и библиотеках сохранились древние этнические карты, являющиеся свидетельством тысячелетних этногенетических миграционных процессов, тесно связанных с Центрально-Азиатским регионом. Происходил процесс взаимодействия кочевых и земледельческих государств (империй), таких как Ассирия, Урарту, Римская империя, Византия, Тартария, Персия, Китай [2]. Письменные свидетельства об исторических событиях сохранились в камнеписных памятниках (стелах, балбалах) правителей, каганов, а также в записках, описаниях историков, географов, путешественников, дипломатов. Это работы античных авторов Геродота, Страбона, Тацита, Плиния о киммерях, скифах, сарматах, о быте, хозяйстве, нравах и обычаях жунов, юечжей, хунну.

В Национальной библиотеке Флоренции была проведена работа по фонду Леоне Казтани. Историческая преемственность и традиции государственности прослеживаются в уникальном каталоге «Хронография мусульманского мира» в пяти томах (1781 лист), составленном им в 1912 г. и содержащем ценные сведения о династиях Омейядов, Аббасидов, Сельджукидов и Чагатай-хана, до завоевания Египта османским султаном Салимом I [3]. «Хронография мусульманского мира» представляет собой системный документ, где зафиксированы и расписаны по годам важные события, происходившие в исламском мире.

Можно отметить, что проведенная нами в результате археографических экспедиций в зарубежные архивы и библиотеки системная обработка полученных материалов, их обобщение и качественный анализ имеют важное значение для восстановления исторической памяти, в частности, истории становления и развития Тюркского каганата, существования исторической преемственности и единых этногеографических связей тюркских племен до эпохи Чингиз-хана и Казахского ханства.

Новые методологические подходы по изучению истории Улуса Джучи, Чагатая, а также ценные письменные сведения и визуальные артефакты позволили разработать проблемы этнополитической истории и этнокультур-

ных связей племенных союзов кыпчаков, аргынов, канглы, дулатов, керейтов, джалаиринов, найманов, конратов и др.[4], преемственности казахской государственности. Исследование конкретных археологических, востоковедных памятников [5] – доказательство генетической, этнокультурной и исторической преемственности населения Великой степи с древности до наших дней, выявление в процессе сбора аналогий внутри историко-культурного ареала, в котором выделены пространственные зоны с разной степенью сохранности (узнаваемости, близости) древних и современных «сходных» объектов у тюркоязычных и других народов. В разных временных и пространственных точках (или зонах) этого ареала существовали разные формы трансформации изучаемых археологических, этнографических и т. п. явлений, которые требуют дальнейшего длительного исследования. Поэтому междисциплинарная работа остается еще и источником для методологических наблюдений, которые дают возможность поразмышлять, например, над тем, как могут изменяться явления (обряды, верования или формы изделий) при сохранении исходной сути архаичного содержания, и когда еще узнаваемая, но явно исторически изменившаяся форма явления уже несет в себе принципиально новое содержание. Тщательная разработка историко-культурного материала, аргументируемый междисциплинарный анализ способствуют синтезу исторического анализа.

Основополагающая схема построения истории – хронологическая, и поэтому время является категорией изложения судьбы и легитимности правителей и их деяний. Представления о времени и опыт познания времени у казахов (тюрков) в средневековье и современности практически не изучены. Хронисты средневековья используют понятие «тарих», означающее в основном «историю» (историческую книгу). Первоначальное значение слова «тарих» – дата (какого-нибудь значительного события), не в виде числа, а словами в виде хронограммы, где отдельные буквы означают числовое значение. К примеру, в «Тарих-и Рашиди» запечатлены хронограммы о событиях, сопровождаемые историческими рассказами как по хиджре, так и по древнему тюркскому календарю с так называемым «животным циклом», состоящим из 12 частей – эта традиция сохранилась у казахов (деление жизни человека на отрезки, «қоян жылы» и т. д.).

Не менее важно возрождение и развитие культурной самобытности при всем разнообразии культурных процессов, происходящих в центрально-азиатских социумах. Это возможно при максимальном удовлетворении духовных запросов общества и конкретного человека в отдельности, сохранении культурного наследия народа, охватывающего как материальные, так и нематериальные произведения, выражающие творчество народа, его язык, обычаи, верования.

Таким образом, возникает своеобразная иерархия крупных культурных пластов в эволюционном развитии народов Евразии. Здесь наиболее полно

отражающим поликультурную ситуацию в регионе может быть подход быстрой адаптации к меняющейся культурной ситуации в мире при сохранении национальной культурной самобытности.

Заключение

Трехтысячелетняя общность исторических судеб, отчетливо проявляющаяся в многочисленных исторических источниках и памятниках, является очевидной константой исторического времени Евразии. Не случаен поэтому тот факт, что тысячи лет истории сегодня актуализируют идею евразийства и интеграционные процессы в постсоветской Евразии.

Другим современным трендом, имеющим свои глубокие исторические корни в богатой культуре Евразии, является идея диалога – между различными этнокультурными группами, религиями и цивилизациями. История Евразии показывает, что ни одна цивилизация не может развиваться в отрыве от иных, что они носят взаимодополняемый характер.

Роль историков состоит в том, чтобы найти точки соприкосновения между социально-культурными реалиями, геополитическими интересами и современными ценностно-нормативными приоритетами на основе истории народов Евразии.

Эволюция развития исторической науки показывает, что оно в большей степени должно являть собой квинтэссенцию, объединение широкого спектра смежных дисциплин – истории, источниковедения, востоковедения, антропологии, языкознания, культурологии, социологии, международных отношений, политологии и др.

Взаимосвязь цивилизаций Центральной Азии отчетливо прослеживается через историко-культурные пласты. В настоящее время, в период независимости Казахстана, актуализации этнического самосознания и одновременно в связи с идеями культурной интеграции Центральной Азии, развитие толерантности является важным и необходимым исследовательским направлением в исторической науке. Проведение историко-сравнительного анализа с традициями народов Центральной Азии, выявление динамики общих и особенных признаков в этом явлении духовной культуры является важной проблемой историко-культурного значения.

Отношения в гуманитарных областях имеют огромное, а в некоторых случаях, и приоритетное значение в налаживании диалога Восток–Запад по сравнению с политическими и экономическими проблемами. В связи с этим, особое значение имеют исторические исследования, касающиеся истории Казахстана в контексте взаимоотношений восточной и западной цивилизаций.

При всей продуманности и разработанности шагов в политической и экономической областях наши усилия в этих направлениях сдерживаются объективными факторами. И поэтому быстрых успехов в области политической и экономической при большой несовместимости экономических

систем, видимо, ожидать не приходится. В этой связи, в гуманитарной области можно обеспечить достаточно быстрый рывок вперед. Тем самым можно существенно повлиять на общественное сознание народов, снизить их недоверие друг к другу. В этом плане актуальным является разработка программ совместного изучения учеными тех проблем, в которых наиболее наглядно проявляется общность исторических идей Востока и Запада.

В свою очередь, сотрудничество с зарубежными учеными и экспертами играет чрезвычайно важную роль в координации усилий и установлении тесных связей не только между учеными различных стран Востока и Запада, но и между существующими научными школами, методологическими направлениями по исследованию мировой истории.

Список литературы:

1. Базылхан Н. Көне түріктердің этномәдени-тарихи деректері (VI–IX ғғ.). Алматы, 2014.
2. Empires and exchanges in Eurasian late antiquity. Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250–750. Edited by Nicola di Cosmo, Michael Maas. Cambridge, 2018.
3. Chronographia Islamica óssia riassunto cronologico della storia di tutti i popoli musulmani dall'anno I all'anno 922 della Higraph (622–1517 dell'Era Volgare) corredato della bibliografia di tutte le principali fonti stampate e manoscritte by Cae tani, Leone, 1869–1935. T. 1–5. Publication date 1912. Все сведения подкреплены детальной библиографией, имеются уникальные ссылки на старые рукописи, которые хранятся в Петербурге, Вене, Константинополе, Берлине, Лондоне, Оксфорде, Париже, Мадриде, Тунисе и Каире.
4. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992; Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 362–369.
5. Тысячелетние источники по истории Казахстана / Под ред. М. Х. Абусеитовой. Алматы: Шығыс пен Батыс, 2019.

References:

1. Bazylkhan N. Ethnocultural and historical data of the ancient Turks (VI–IX centuries). Almaty, 2014.
2. Empires and exchanges in Eurasian late antiquity. Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250–750. Edited by Nicola di Cosmo, Michael Maas. Cambridge, 2018.
3. Chronographia Islamica óssia riassunto cronologico della storia di tutti i popoli musulmani dall'anno I all'anno 922 della Higraph (622–1517 dell'Era Volgare) corredato della bibliografia di tutte le principali fonti stampate e manoscritte by Cae tani, Leone, 1869–1935. T. 1–5. Publication date 1912. All information is supported by a detailed bibliography, there are unique links to old manuscripts that are stored in St. Petersburg, Vienna, Constantinople, Berlin, London, Oxford, Paris, Madrid, Tunisia and Cairo.
4. Utemish-haji. Chingiz-name. Alma-Ata, 1992; Khazanov A. M. Nomads and the outside world. Almaty: Dyk-Press, 2002. P. 362–369.
5. Millennial sources on the history of Kazakhstan. Ed. M. Kh. Abuseitova. Almaty: Shygys pen Batys, 2019.

Об авторе

Абусеитова Меруерт Хуатовна

– выдающийся ученый казахстанской науки, историк-востоковед, чьи научные интересы связаны с историей и культурой кочевых обществ, историей взаимодействия культур и религий Казахстана со странами Центральной Азии и Востока. Она

автор многочисленных трудов на казахском, русском, английском, турецком, французском и персидском языках. За неоценимый вклад в развитии исторической и востоковедческой науки Казахстана была награждена высокими государственными наградами – орденами «Құрмет» (2004) и «Парасат» (2007), а также нагрудными знаками и медалями.

В октябре 2021 года Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК отметил **70-летний юбилей** Меруерт Хуатовны.

Поздравительное слово директора КИСИ при Президенте РК Шаукеновой З. К. юбиляру и Институту востоковедения МОН РК

Казахстанское востоковедение является ровесником независимости Казахстана. Как известно, в переломном 1991 году был создан Институт востоковедения в составе НАН РК. Заслуга формирования полноценного академического института принадлежит выдающемуся отечественному историку Рамазану Бимашевичу Сулейменову, чье имя вполне заслуженно носит Институт.

В силу известных обстоятельств в советский период казахстанские востоковеды готовились в Москве, Ленинграде, Ташкенте и Новосибирске. Лишь в конце 1980-х годов в КазГУ был открыт факультет востоковедения, который возглавил профессиональный арабист, будущий директор Института востоковедения Абсаттар Багисбаевич Дербисалиев.

Вместе с тем, в системе Академии наук Казахстана в области востоковедения на протяжении второй половины XX века успешно работали историки, лингвисты и особенно тюркологи, археологи и этнографы. Именно они заложили основы казахстанской ориенталистики. К таким специалистам следует отнести таких выдающихся историков как Ю.А. Зуев и В.П. Юдин. Заслуга популяризации и сохранения памяти об этих ученых принадлежит М.Х.Абусеитовой, бережно хранящей научное наследие своего учителя Вениамина Юдина.

Достижения Меруерт Хуатовны в востоковедении общеизвестны. Абусеитова Меруерт Хуатовна возглавляла Институт востоковедения им.

Р.Б. Сулейменова на протяжении 15 лет с 1998 года по 2013 г. С 2014 года по настоящее время является директором Республиканского информационного центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения, заведует кафедрой ЮНЕСКО «Наука и духовность».

Особо приятно сказать несколько слов о связи наших институтов. В свое время совместно с М.Х. Абусеитовой и под ее руководством работали ряд сотрудников КИСИ при Президенте РК, многие представители профессорско-преподавательского состава таких вузов как КазНУ им. аль-Фараби, ЕНУ им. Л.Гумилева и ряда других.

Хотелось бы добавить, что и КИСИ – в основе своей политологический – также вносит свой вклад в развитие востоковедения: издаются монографии, в том числе историографические, а также многочисленные статьи по истории и обзоры по зарубежной ориенталистике.

Даже беглое знакомство с историографическим и источниковедческим наследием, изданным и введенным в оборот Меруерт Хуатовной и связанным с историей изучения Центральной Азии и Казахстана, показывает, что в разные времена это пространство играло колоссальную роль в истории человечества. Отразить эту выдающуюся роль Центральной Азии и стало жизненной целью Меруерт Хуатовны.

В этой связи следует отметить, что эра письменных источников, над которыми десятилетиями работала М.Х. Абусеитова, осветившая нам эпоху начиная с первого тысячелетия до н.э. и вплоть до наших дней, дала мировой науке совершенно новые возможности. При этом основной массив письменных источников, в т.ч. усилиями профессора Абусеитовой, уже введен в оборот.

Личный вклад М.Х. Абусеитовой в развитие нашей ориенталистики огромен. 300 публикаций, которые опубликованы на казахском, русском, английском, французском, турецком и персидском языках, посвященные исследованию письменных восточных источников, впервые выявленных в зарубежных рукописных фондах и введенных в научный оборот.

И наконец, самым важным результатом деятельности профессора М.Х. Абусеитовой стало создание научной востоковедной школы, представителями которой являются многие историки-востоковеды, известные как в Казахстане, так и широко за рубежом.

Позвольте еще раз поздравить своего друга и коллегу Меруерт Хуатовну Абусеитову с 70-летним юбилеем, пожелать крепкого здоровья, оптимизма, прекрасной научной формы, новых успехов и достижений!

МРНТИ
11.15.23

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Татьяна Шендик

Заместитель директора Белорусского института стратегических исследований, кандидат политических наук (Минск, Беларусь)
Е-мейл: shendik@bistr.by

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.02>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с общественно-политическими последствиями цифровой трансформации общества, в частности, эволюционного развития политических партий. Раскрывая общие тенденции такой трансформации, автор, на основе анализа трудов теоретиков постиндустриализма, в качестве основных ориентиров для партийного строительства определяет: беспрецедентное развитие науки и технологий, влияние символического знания на систему распределения власти; возрастающую роль информационных потоков, диверсификацию форм передачи информации; демассификацию общества и его сетевую организацию; разрушение прежних идентичностей, размывание классов и социальных групп; деконструкцию идеологий, их трансформацию в прикладные политические технологии; перенос политической активности на интернет-платформы и в медиaprостранство.

С учетом воздействия данных факторов, на основе методологии сравнения политических партий, предложенной К. Джандой, изложен собственный взгляд автора на особенности институционализации, проблемной ориентации, социальной поддержки, организационной сложности, централизации власти, автономии, согласованности, вовлеченности, стратегии и тактики, правительственного статуса политических партий постиндустриального общества.

Ключевые слова: *постиндустриальное общество, партийное строительство, политическая партия, цифровая партия, сетевая коммуникация, облачная демократия*

ПОСТИНДУСТРИАЛДЫ ҚОҒАМ: ПАРТИЯЛЫҚ ҚҰРЫЛЫС БАҒДАРЛАРЫ

Татьяна Шендик

Беларусь стратегиялық зерттеулер институты директорының орынбасары,
саяси ғылымдарының кандидаты (Минск, Беларусь) E-mail: shendik@bisr.by

Аңдатпа. Мақала қоғамның цифрлық трансформациясының әлеуметтік-саяси салдарларына, атап айтқанда, саяси партиялардың эволюциялық дамуына қатысты мәселелерді қарастыруға арналған. Өртүрлі факторлардың әсерін ескере отырып, К.Джанда ұсынған саяси партияларды салыстыру әдістемесіне сүйене отырып, автордың институционализация ерекшеліктеріне, проблемалық бағыттылығына, әлеуметтік қолдауына, ұйымдық күрделілігіне, биліктің орталықтандырылуына, автономиясына, стратегиясы мен тактикасы, мемлекеттік мәртебесі қатысуы постиндустриалды қоғамның саяси партиялары бірізділігіне қатысты өзіндік көзқарасы берілген.

Түйін сөздер: *постиндустриалды қоғам, партиялық құрылыс, саяси партия, цифрлық партия, желілік коммуникация, бұлттық демократия*

POST-INDUSTRIAL SOCIETY: REFERENCES FOR PARTY CONSTRUCTION

Tatyana Shendik

Deputy Director of the Belarusian Institute of Strategic Research, Candidate of Political Sciences, e-mail: shendik@bisr.by

Abstract. This article focuses on the issues related to the socio-political consequences of digital transformation of society, in particular, the evolutionary development of political parties. To reveal the general trends of such transformation, the author bases her thesis on the analysis of post-industrial theorists, and sets out the following basic guidelines for party building: unprecedented development of science and technology, influence of symbolic knowledge on the system of power distribution; increased role of information flows, diversification of information transmission forms; demassification of society and its network organisation; destruction of former identities, erosion of classes and social groups; deconstruction of ideologies, their transformation into applied political technologies; shift of political activity to Internet platforms and media space.

Considering the impact of these factors, and using the methodology of comparing political parties proposed by K.Janda, the author sets out her view on the features of institutionalisation, problem orientation, social support, organisational complexity, centralisation of power, autonomy, coherence, involvement, strategy and tactics, governmental status of political parties in post-industrial society.

Keywords: *post-industrial society, party building, political party, digital party, network communication, cloud democracy.*

Введение

В ходе совещания по вопросам деятельности политических партий в Беларуси в апреле 2021 года Глава белорусского государства А.Г. Лукашенко справедливо отметил: *«Закон, регулирующий деятельность политических партий, должен обеспечивать решение всех вопросов, которые уже возникли и которые могут возникнуть в будущем»* [1].

Между тем, содержание дискуссии, которая ведется на различного рода площадках, показывает, что подавляющие рассуждения о роли и месте политических партий в современном обществе, не то, чтобы не раскрывают закономерности их актуального состояния в мире, а нередко апеллируют к представлениям о массовых партиях индустриального общества с классическим набором функций. В этих представлениях партия, как правило, является хорошо структурированной, иерархически выстроенной, идеологизированной организацией с четким позиционированием в спектре «левые – правые», выражающей политическую волю того или иного класса. Как структурный элемент демократической политической системы такие партии выполняют функции политической социализации и рекрутирования, артикуляции и агрегирования интересов, политической коммуникации, электоральную и стабилизирующую общество функции. Это соответствует взглядам классиков партологии М. Острогорского, М. Дюверже, З. Нойманна и раскрывает идеологический (Э. Бёрк), организационно-структурный (Р. Михельс, М. Дюверже), функциональный (Д. Сартори), социально-классовый, марксистско-ленинский, интегративный (Дж. Лапаламбар, М. Вайнер) и их методологии анализа специфики партии.

Вместе с тем, та же самая академическая традиция также связывает функциональную и организационную динамику политических партий с изменениями в обществе. В этом смысле политическая партия – один из самых динамичных субъектов политики, который находится в состоянии перманентной трансформации. Это продукт общества, в котором она возникает и развивается. Что, очевидно, затрудняет в настоящее время разработку общей теории партий в политической науке.

Методы исследования

В ходе проведения исследования применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также институциональный, системный и синергетический подходы, методы сравнительного исторического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Эволюция форм партийной организации

Со времен промышленной революции мир существенно изменился. Массовое производство породило общество изобилия и потребления, что благоприятствовало снижению социальной дифференциации и разъединенности, а процесс секуляризации политики в то же время стал причиной падения значимости идеологий и смягчения религиозных практик. Граждане открывали для себя свободу от прежних традиционных лояльностей, их вовлеченность в политику и особенно в партийную активность ослабевала, фиксировалась эрозия массовых партий. Продуктом заката индустриального общества стало развитие всеохватывающих (catch-all) партий (О. Киркхаймер), своего рода мультивекторных объединений, которые предлагают избирателям разнообразное «политическое меню».

В современном индивидуализированном постиндустриальном обществе возникают «постмодернистские» представления о политических партиях и даже сами такие политические партии. Осмысливая данные тенденции партологи современности определяют: «профессионально-электоральные» партии (А. Панебьянко), «франшизные партии» (Карти), «картельные партии» (Р. Кац, П. Мэйр), «государство-центристские партии» (П. Игнаци), медиа-партии (К. фон Бойме), цифровые партии (П. Гербаудо) клиентеллистские партии, партии-предприятия и др.

В следствие трансформации ценностных идеологий в прикладные политические технологии, освоения инструментария политического маркетинга, социального программирования, замены партийной коммуникации средствами массовой коммуникации и информации, в современных обществах, которые принято считать демократическими, партии отнюдь не являются прямыми агентами демократии и все менее обременяют себя тесными связями с массами и представительством интересов различных социальных групп. По мнению П. Игнаци партии, отвернувшись от общества, двинулись в государство, чтобы получить от него больше ресурсов, в том числе для своих членов, становясь при этом заложником государства. Центр партийной власти переместился от рядовых членов к руководству и тем, кто занимает ключевые посты в государстве [2].

Анализируя эволюцию западных партий Р. Кац и П. Мэйр отмечают, что вследствие передачи части полномочий национальной власти technократической непартийной системе ЕС и ВТО партийная дифференциация стала ослабевать. Вопросы занятости, инфляции были выведены из компетенции национальных правительств, а, следовательно, контролирующих их партий. Идеологические различия фактически перестали быть предметом конкуренции, что открыло путь для кооперации партий в целях ограничения политической конкуренции и обеспечения собственного электорального успеха. Стали формироваться картельные партии [3].

На эти тенденции указывает и Глава белорусского государства

А.Г.Лукашенко: *«Мы видим, как на место партийных идеологий приходят дешевый популизм и грязные политические технологии. Партии просто порой в темную, а иногда в нарушение всех норм и принципов используют в политической борьбе для достижения своих корыстных интересов»* [1].

Закономерной реакцией на подобного рода партийную эволюцию стал беспрецедентный подъем право-популистских партий в странах Запада. Используя инструменты сетевой коммуникации, значительная часть граждан, оказавшихся вне сферы влияния традиционных политических институтов, постепенно начинают «вписываться» в совершенно новый политический ландшафт, включающий в себя «антиистеблишментские» партии нового типа [4], формируется политическая идентичность сопротивления, чему способствуют, в том числе, и современные технологические решения.

Сегодня принято говорить о том, что мировое сообщество находится в новой социальной реальности, возникшей в следствие интенсивного развития и внедрения во все сферы жизни человека информационно-коммуникационных технологий (блокчейн, искусственный интеллект, облачные вычисления, Big Data, интернет вещей). Некоторое понимание контуров этой реальности дают труды теоретиков постиндустриализма Д. Белла, Н. Винера, П. Дракера, М. Маклюэна, М. Кастельса, Э. Тоффлера, К. Крауча и др. В рамках общей теории постиндустриализма современный этап развития человеческой цивилизации они определяют как «постиндустриальное общество», «информационное общество», «электронное общество», «сетевое общество», «посткапиталистическое общество», «постдемократия», «общество постмодерна» и пр. Некоторые футурологи считают, что постиндустриализм – это пролог перехода к «постчеловеческой» фазе развития земной цивилизации.

Возникает вопрос насколько состоятельны попытки провести сравнительный анализ партий индустриального и постиндустриального обществ традиционными инструментами: семейство, идентичность, идеология, социальный базис, организационная структура и т.д. Имеет ли потенциал применения «лево-правый» спектр, классовая теория?

Направления трансформации постиндустриального общества

Предпримем попытку ответить на данные вопросы, предварительно коротко охарактеризовав социально-экономические и общественно-политические трансформации постиндустриального общества.

Как известно, в постиндустриальном обществе традиционные факторы производства – земля, труд, сырье, капитал – становятся менее значимыми, уступая первенство символическому знанию. Основным средством общения становится электронная информация. Центром притяжения капитала и людей выступают не заводы, а университеты, лаборатории. Основной формой собственности становится интеллектуальная собственность, важное значение приобретает человеческий капитал. Э. Тоффлер в этой связи

предсказывает появление нового типа работника, который в действительности не владеет средствами производства. Герой нового времени – не финансист и не менеджер, а новатор, который сочетает воображение и знание с действием [5].

По мнению Д. Белла, «основной класс в нарождающемся социуме – это, прежде всего, класс профессионалов, владеющий знаниями, а не собственностью. Он состоит из четырех сословий: научного, технологического, административного и культурного, которые могут конкурировать между собой» [7]. По сути, классы будут подменены профессиональными группами.

Рассуждая в данной логике Г. Попов предсказывал возникновение принципиально нового типа господствующего класса: «это не собственники, а бюрократы, что делает практически непреодолимым отрыв от социальной структуры» [8].

К. Крауч также указывает на упадок общественных классов, которые в свое время сделали возможной массовую политику. По его мнению, распространение электронных средств коммуникации и использование политехнологий приводят к возникновению замкнутого политического класса, которому в будущем для удовлетворения своих политических и экономических интересов уже не нужны будут партии в классическом понимании этого слова [9].

Диверсификация источников энергии, развитие Интернета-вещей наложившиеся на высвобождение вследствие автоматизации большого количества трудовых ресурсов (в том числе наёмных работников, занимающихся умственным трудом) будут способствовать появлению просьюмера (производителя для себя), размывая границы между обладателями средств производства и конечными покупателями, между рабочим местом и жильем. Большая часть работы переместится из фабрики и офиса на дом. Структура экономики будет представлять собой глобальную взаимосвязь локальных производств.

Характерной особенностью новой экономической системы является переход от массового производства к гибкому, приспособляемому или «демассифицированному». Благодаря новым информационным технологиям оно способно выпускать и реализовывать мелкие партии чрезвычайно разнообразных продуктов. На смену массовому рынку приходит масса мини-рынков, интегрированных в единую сеть.

Общество и корпорации (как его часть) переходят с единого синхронизированного ритма гигантского конвейера на гибкие индивидуальные графики и расписания, вынуждая компании и рабочие единицы взаимодействовать с большим количеством более разнообразных партнеров. На смену иерархии в бизнесе приходят многочисленные новые неиерархические (сетевые) организационные формы. Иерархия, в случае ее неизбежности, приобретает все более плоский и чаще временный характер. На смену

управленческого принципа единоначалия приходит матричный принцип управления, при котором у сотрудника есть один административный начальник и второй – функциональный.

Основными характеристиками сетевой формы организации общества становятся: непрерывная коммуникация, относительная открытость, отсутствие единого центра, включенность каждого участника сети, равноправие, ориентация на результат и эффективность, адаптивность к изменениям внутренней и внешней среды. Концептуальное единство, нефиксированное лидерство, автономия частей, аутсорсинг, максимальное персональное разделение рисков и выраженная креативность – основа сетевой организации [6].

По мнению Э. Тоффлера в постиндустриальном обществе принцип подчинения меньшинства большинству подвергается ревизии, поскольку информационное общество представлено сотнями малых групп и выделить большинство, имеющее единое мнение по одному вопросу, становится все более затруднительно [5].

Рассредоточение массового общества, несмотря на общую тенденцию на глобализацию, к тому приводит к его фрагментации. Эта особенность, по мнению З. Бжезинского, приводит к *краху старых верований*, связанных с национальными и идеологическими общностями людей, влечет слом всех традиционных идентичностей. Возникают сложности с определением доминантного метанарратива, позволяющего связать общественное разнообразие единым смысловым полем. Место идеологии занимают индивидуальные культурные предпочтения, стили жизни. В контексте общего тренда на демассификацию вероятно возникновение «мозаичной культуры» как противовеса «униформированной гомогенной массовой культуре». Г. Кан и Э. Винер прогнозируют глобальное распространение «ощущаемого искусства», ориентированного не на идейно-интеллектуальную содержательность, а на спонтанно-чувственное отношение индивидуумов к окружающей среде.

Дополняя теоретическую концепцию социальных расколов Липсета-Роккана, Р. Инглхарт указывает на вытеснение традиционного конфликта между «правыми» и «левыми» позициями, традиционно определявшими раскол между партиями, конфликтом между «материалистическими» и «постматериалистическими» ценностями. Вопросами первоочередного значения становятся вопросы экологии, качества жизни, гендерного равенства, самовыражение, «принадлежность», качество физического и социального окружения, а также увеличения роли индивидов в принятии решений как на общегосударственном, так и на местном уровне. [10, с. 296 – 298]. Суть зарождающихся социально-экономических трансформаций заключается в подчинении экономической функции социальным целям. Позиция избирателей по социальным и культурным вопросам получит приоритет над политическими и экономическими предпочтениями.

На смену идеологии как символической матрицы, по мнению А. И. Соловьева, приходит, «политическая рекламистика» – гибкий, динамичный, оперативный, игровой инструмент. Лидерство становится все более персонализированным, а путь к власти лежит через создание имиджа средствами массовой информации. В конечном счете, власть, которой располагают сети средств массовой информации, занимает второе место после власти сетей. Как отмечает М. Кастельс: «зависимость общества от новых способов распространения информации дает последним аномальную власть, приводит к ситуации, когда «не мы контролируем их, а они нас».

Политика постмодерна – политика различий, политика борьбы различных групп интересов, направленная на отстаивание индивидуальных, на этнических, гендерных, сексуальных различиях. Это отражается на характере политических объединений – они становятся крайне нестабильными. «Так, марксисты, феминистки, зеленые и гомосексуалисты могут оказаться в “нетесной” коалиции по одному вопросу, но с тем же успехом могут оказаться по разные стороны баррикад – по-другому» [11, с. 31].

В таком контексте важнейшей управленческой задачей видится организация человеческого сообщества, в котором сосуществует множество культур и народностей, утверждающих право на независимую частную жизнь. Социальные институты будут вынуждены функционировать в условиях постоянного согласования множества интересов и урегулирования конфликтов, расширяя или адаптируя соответствующий инструментарий. Модернизации должна подвергнуться и политическая (управленческая) сеть, преобразовавшись в сетевую систему множественных связей с обратным взаимодействием разнообразных агентов (субъектов) публичного управления, между которыми устанавливаются отношения сотрудничества, содействия, совместной ответственности и соответствующей культуры поведения с целью решения общих и частных управленческих задач на основе совместного использования и/или обмена принадлежащих им ресурсам» [12].

Особенности цифровой коммуникации

Воплощение в практике подобного рода управленческой сети становится возможной в условиях развития инструментов онлайн коммуникаций и широкого внедрения их в плоскость взаимодействия государства и общества. Преодоление с помощью электронного правительства и иных коммуникационных интернет-платформ территориальных, временных, информационных ограничений делает возможным возрождение прямой демократии на новой технологической основе, т.н. «облачной демократии».

Необходимо отметить, что сама по себе прямая демократия на основе облачных технологий оказывается на данный момент проблемой, поскольку реализация механизма подтверждения своего голоса (личности) при помощи электронной подписи в масштабах всей страны не является такой

уж простой задачей. При наделении всех граждан электронной подписью очевидно, что система столкнется с проблемой устойчивости. Кроме того, есть риск, что централизованный сервер или дата-центр, где реализуется хранение и обработка голосов могут подвергнуться DDoS-атакам хакеров. Ближе всего на практике к решению данных задач подошли в Бельгии и Эстонии. При этом необходимо понимать, что для решения ряда проблем с масштабируемостью и отказоустойчивостью им пришлось прибегнуть к технологии защищенных распределенных реестров.

По мере решения указанных проблем можем полагать, что интернет-сети обретут более серьезный потенциал по изменению формата отношений общества и власти, в котором механизмы влияния на принятие решений становятся менее централизованные, общественный контроль и неформальная экспертиза проектов приобретает массовый характер. Публичное обсуждение острых вопросов, сохранение права свободного входа и выхода участников дискуссий ограничивает авторитарные тренды. Новыми акторами публичной политики становятся сетевые структуры, блогеры, виртуальные приемные и др. Интернет-сети имеют потенциал формирования общественного мнения, проведения агитационных кампаний, в том числе политических, объединения последователей идей и конкретных людей. Здесь, как и в офлайн, могут возникать лидеры мнений, эксперты и даже мессии. Каждый человек может собирать голоса граждан или их делегировать экспертам по тем или иным вопросам – то есть быть своего рода человеком-партией.

Технология блокчейн позволяет организовать избирательный процесс анонимно через личные аккаунты, фиксируя каждую платежную операцию. Для этого каждый кандидат может получить электронный кошелек, а каждый избиратель – одну монету, которую необходимо будет перечислить на счет своего претендента. Победит кандидат, на счету которого оказалось больше всего монет.

Возможность обратиться напрямую к политическому лидеру либо должностному лицу, «в один клик» проконтролировать ход выполнения решений (по аналогии с отслеживанием процесса сборки и фасовки товара) и дать ему свою оценку, сокращает дистанцию между гражданином и представителями правящего класса, способствует росту доверия системе, удовлетворяет потребность в участии.

В свою очередь власть, анализируя цифровые профили граждан, аккумулируя запросы общества, получает в распоряжение инструмент, при помощи которого возможно в режиме реального времени предлагать решения актуальных проблем. Облачная демократия позволит в принципе отказаться от дискретных измерений общества (переписи, социологические исследования) и перейти к постоянному наблюдению и контролю за системой в целом и за каждым ее компонентом в режиме онлайн.

В то же время, очевиден тот факт, что государственные институты, допу-

ская относительно свободное общение в сети, могут ограничивать его политический потенциал, фактически обеспечивая неприкосновенность политических элит. Таким образом облачная демократия имеет вероятность трансформироваться в «электронный / цифровой авторитаризм» [13]. Данные тенденции будут подкрепляться стремлением людей к порядку в условиях нарастающей непредсказуемости будущего. Вполне просматриваются модели обществ, в которых индивидуализм ограничивается не нормами морали, религии, идеологии, а цифрой. Уже сейчас очевидно: человек, желая активнее социализироваться и пользоваться дарами современной цивилизации, готов без сожаления отказываться от части своей приватности, оставлять информацию о себе во множестве баз данных, которые рано или поздно станут доступны неопределенному кругу пользователей.

Трансформация политических партий

Будем исходить из того, что перечисленные и ряд иных аргументов способствовали появлению и оформлению идеи исчезновения партий как политического инструмента общества. Так, О. Тоффлер писал о том, что по мере своего развития средства массовой информации вытеснят политические партии, сделав их существование излишним, а американский социолог Д. Бродер даже опубликовал книгу «Конец партий».

Возникает вопрос, верны ли такие предположения для реалий постиндустриального, сетевого общества? В общем виде не согласиться с такими выводами позволяет понимание объективных внутренних потребностей человека в сообществе других людей, в структуре и в смысле. Только в сообществе человек побеждает одиночество, формируются эмоциональные связи между его членами, дающие чувство принадлежности к организации. Политические партии, наряду с семьей, церковью и др. создают на основе своих уставов и идеологий структуру жизни. И, наконец, человеку важно понимать, как его личная цель вписывается в более широкий контекст, в более общую организацию мира.

Менее категоричные суждения о проблемных перспективах политической партии затрагивают различные аспекты их трансформации.

Например, по мнению В. Волкова и Ф. Крашенинникова «партии фактически станут сообществами по интересам и теми площадками, где единомышленники могут выбрать из своей среды тех, кому они готовы делегировать свои голоса по определенному кругу вопросов. Партия становится чистой идеологией или программой, которую поддерживают люди. Никаких бюрократических структур не создается, партии возникают и исчезают по ходу судьбоносных дискуссий, которые идут в обществе» [14]. Схожего мнения придерживается А. Чедвик, выдвигая предположение, что под влиянием цифровой среды, трансформируется формат традиционной партийной организации, отвергая нормы иерархической дисциплины и привычную партийную лояльность, обновляя партии извне вовнутрь [15].

Идею, согласно которой цифровизация способствует становлению новой партийной модели, поддерживает П. Гербаудо, благодаря которому дальнейшее развитие получила концепция платформизации. Суть обозначенной концепции заключается в том, что в цифровую эпоху политические партии повторяют организационные принципы цифровых социальных сетей для масштабирования электоральной поддержки. В своей трактовке он формулирует критерии, которые позволяют определить партию как цифровую: интернет-сервисы (партия как «облако»), быстрый рост (партии как движения или «стартапы»), площадки для публичных дискуссий (партии как форумы) [16].

М. Кастельс отмечает, что политические партии исчезают как субъект исторических изменений, теряя свою классовую основу при этом обретая функции «управляющих социальными противоречиями» [12]. Вполне вероятно, что партии будущего будут представлены временными модулями, которые обслуживают меняющуюся конфигурацию меньшинств. Возможно, понадобятся «дипломаты» или «послы», чтобы посредничать не между странами, а между меньшинствами внутри каждой страны. В таком контексте политические партии будут выступать не инструментом сегрегации общества, а наоборот – инструментом его объединения, поиска общих оснований для сосуществования различных сообществ в условиях крайней дифференциации общества.

Например, К. Крауч прогнозирует переход политических партий от моделей, предполагающих наличие широкой социальной базы, к формату узких политических элит, стремящихся к достижению поддержки со стороны крупных компаний.

Моделируя типовую партийную систему постиндустриального общества, Г. Попов описывает политический треугольник постиндустриального общества в виде трех сторон: партия бюрократии, победившая на выборах, партия бюрократии «временно» оппозиционная и, наконец, партия «вечной оппозиции», партия антибюрократического большинства общества [8].

Резюмируя, можно отметить, что общие направления трансформации политический партий постиндустриального общества определяют следующие факторы:

- беспрецедентное развитие науки и технологий, влияние символического знания на систему распределения власти;
- возрастающая роль информационных потоков, диверсификация форм передачи информации;
- демассификация общества и его сетевая организация;
- разрушение прежних идентичностей, размывание классов и социальных групп;
- деконструкция идеологий, их трансформация в прикладные политические технологии;

– перенос политической активности на интернет-платформы и в медиа-пространство.

Учитывая данные факторы, предложим собственную систематизацию характерных черт политических партий постиндустриального общества в соответствии с методологией К. Джанды. Этот автор резонно определил, что «наиболее важные аспекты партий «схватываются» с помощью десяти понятий: институционализации, проблемной ориентации, социальной поддержки, организационной сложности, централизации власти, автономии, согласованности, вовлеченности, стратегии и тактики, правительственного статуса» [17] (Таблица 1).

Таблица 1. Характерные особенности партий постиндустриального общества

Понятие	Определение понятия	Характерные особенности партий постиндустриального общества
Институционализация	процесс, посредством которого партии упрочиваются, приобретают значение и устойчивость, «материализуются в общественном сознании»	Институциональная эфемерность и институциональный плюрализм.
Проблемная ориентация	идеологические позиции, расположение на лево-правой шкале	Возникновение партий на основе политической идентичности сопротивления в целях решения неструктурных, чаще постматериалистических проблем.
Социальная поддержка	защита партиями социальных интересов определенных поддерживающих их групп.	В основе деятельности – защита и согласование интересов различного рода меньшинств, основанных на социокультурной идентичности.
Организационная сложность	сложность структурной дифференциации партии.	Организационная основа партии – цифровая платформа, обеспечивающая сетевую организацию горизонтальной коммуникации. Организационная структура – плоская, с минимальным бюрократическим аппаратом, обеспечивающим работу платформы. Принципы деятельности: внутрипартийная свобода, открытость, децентрализация, отзывчивость, подотчетность индивидуальность, доверие и кооперация. Дифференциация членской базы формируется на основе делегирования голосов профессионалам (экспертам).
Централизация власти	носители власти и ее распределение.	Власть в партии основана на нефиксированном ситуационном (экспертном) лидерстве и концептуальном единстве.

Понятие	Определение понятия	Характерные особенности партий постиндустриального общества
Автономия	структурная независимость партии от других институтов и организаций, действующих внутри или за пределами страны.	Финансовая автономия, с открытыми источниками пополнения членской базы, высокая степень интеграции в рамках проблемного поля в глобальное политическое сообщество. Высокая зависимость от модератора (администратора) платформы.
Согласованность	степень соответствия между установками и поведением членов партии.	Демассификация и фрагментированность общества способствуют высокому уровню фракционности и «нетесной» сплоченности.
Вовлеченность	глубина психологической идентификации с партией и стремление способствовать достижению ее целей путем участия в партийной работе.	В качестве мотивов партийного участия выступают повышение социального рейтинга, стремления к достижению личной выгоды, продвижение интересов меньшинства, групповая идентификация.
Стратегия	общий план достижения цели.	проектное управление
Тактика	деятельность партии по реализации плана.	Применяются комбинированные тактики: от политической активности в физическом пространстве (демонстрации, митинги, марши протеста), онлайн-практик прямого участия (электронное голосование, обсуждение законопроектов, сетевая журналистика, онлайн-активизм, подписание электронных петиций, краудсорсинг, краудфандинг, бенчмаркинг, цифровое волонтерство) до согласованных действий в рыночном пространстве (политический консьюмеризм, включая социально ответственное потребление).
Правительственный статус	отражает природу и степень участия партии в общенациональной политике.	Степень участия в политической борьбе ограничена экспертным (профессиональным) уровнем бюрократии.

Источник: составлено автором

Заключение и выводы

Можно предположить, что по мере распространения процессов цифровизации, эволюция политических партий будет происходить в направлении институционального плюрализма и институциональной эфемерности. Организационную основу партии составит цифровая платформа, обеспечивающая сетевую организацию горизонтальной коммуникации. Организационная структура будет представлена минимальным бюрократическим аппаратом, обеспечивающим работу платформы, с выраженной зависимостью от модератора (администратора) платформы, по сути – владельца партии.

Партийная дифференциация (стратификация) будет формироваться на основе делегирования голосов профессионалам (экспертам), наделяя их

нефиксированным ситуационным лидерством при сохранении концептуального единства. Профессиональным (экспертным) уровнем может быть также ограничена и степень участия в политической борьбе.

В основе возникновения цифровых партий – ориентация на неструктурные, пост-материалистические проблемы в целях защиты и согласования интересов различного рода меньшинств, основанных на социокультурной идентичности. Демассификация и фрагментированность общества способствуют высокому уровню фракционности и «нетесной» сплоченности партийного актива. Принципы деятельности: внутрипартийная свобода, открытость, децентрализация, отзывчивость, подотчетность, индивидуальность, доверие и кооперация.

Финансовая автономия обеспечивается на основе технологий фандрайзинга и / или краудфандинга с возможностью беспрепятственного пополнения членской базы и интеграции в рамках проблемного поля в глобальное политическое сообщество.

Адекватными мотивами партийного участия может стать повышение социального рейтинга, стремление к достижению личной выгоды, продвижение интересов меньшинства, групповая идентификация. Основная стратегия – проектное управление, которая реализуется с помощью гибких комбинаций тактических приемов: от политической активности в физическом пространстве (демонстрации, митинги, марши протеста), онлайн-практик прямого участия (электронное голосование, обсуждение законопроектов, сетевая журналистика, онлайн-активизм, подписание электронных петиций, краудсорсинг, краудфандинг, бенчмаркинг, цифровое волонтерство) до согласованных действий в рыночном пространстве (политический консьюмеризм, включая социально ответственное потребление).

Завершая исследование, однако, стоит оговориться. Сегодня вряд ли можно назвать хотя бы одну страну, общество которой полностью удовлетворяло бы академическим критериям постиндустриального. Скорее следует говорить о том, насколько то либо иное общество к нему приблизилось. Вместе с тем, приведенные выше предположения уже не кажутся излишне футуристическими, как, например, первые концепции постиндустриализма, хотя бы потому, что находят конкретное подтверждение в политической практике.

В самом деле, уже сегодня к официально зарегистрированным электронным партиям относят следующие: итальянское «Движение пяти звезд» (ИТ-платформа «Руссо»), испанскую партию «Подёмос» (программное обеспечение Loomio), Чешскую пиратскую партию (онлайн-форум), Пиратскую партию Исландии (сайт x.piratar.is), Партию пиратов Германии (программное обеспечение LiquidFeedback и интернет-форум Discourse) и др. [18], [19], [20].

Одна из первых концепций голосования на блокчейне была реализована датской партией Либерал Альянс (Liberal Alliance) в 2014 году. В том

же году австралийские биткойн-энтузиасты М. Кей и Н. Спатаро создали «Партию Течения» (Flux Party), Либертарианская партия США заявила о намерении использовать технологию блокчейн на выборах кандидатов на внутрипартийные должности в Техасе, а республиканская партия штата Юта использовала блокчейн в ходе голосования за кандидатов на этапе праймериз. В мае 2018 года партия «Яблоко» для своих внутренних выборов использовала блокчейн-платформу Polys, анонсированную «Лабораторией Касперского» еще в конце 2017 года [21].

Что касается Республики Беларусь, то говорить о партиях нового типа на сегодняшний день преждевременно. Однако анализ практик общественных онлайн коммуникаций в последние годы демонстрирует потенциал применения онлайн-активизма в политических целях.

Так, увеличиваются факты использования информационных платформ в целях решения вопросов общественно значимого характера (наиболее яркий пример – петиция за отмену т.н. Закона «Об отсрочках»), получен активный отклик граждан на общественное обсуждение Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь посредством платформы *parvo.by* и др.

В 2020 году пандемия стала триггером для спонтанной самоорганизации граждан, которые не были ранее аффилированы ни с прогосударственными общественными объединениями, ни с теми, которые находятся с государством в отношениях конкуренции и антагонизма. Ими активно использовались технологии краудфандинга, фандрайзинга, волонтерства и др. В силу неблагоприятной эпидемиологической обстановки общественно-политическая активность Беларуси в значительной степени переместилась из реальных площадок на виртуальные, а затем – трансформировалась в политический онлайн активизм.

Уже сегодня можно фиксировать некоторые элементы будущей сетевой формы организации белорусского общества, однако эфемерность и мобильность политических сетевых сообществ затрудняет их однозначную идентификацию. Одним из наиболее ярко проявившихся элементов сетевой коммуникации можно считать дворовые телеграмм-чаты, которые, по сути, являются современным аналогом первичных партийных организаций, где модератор чата выполняет функции идеологической «накачки» и политической мобилизации подписчиков.

По состоянию на 1 января 2021 года интернет-аудитория Республики Беларусь составляет 7,82 млн человек (проникновение 82.8%). 73% от общего количества пользователей сети заходит в интернет каждый день. Социальными сетями пользуется 41% населения (3,9 млн). 95% из этих пользователей используют соцсети с мобильных устройств. Общее количество мобильных абонентов в Беларуси – 11,696 млн (123%) [22], связь 4G в Беларуси доступна 89,4% населения [23].

Объективное движение Республики Беларусь по пути построения эко-

номики, основанной на знаниях и цифровизации различных сфер жизнедеятельности общества в дальнейшем будет стимулировать общественные изменения.

Характер общественно-политических последствий этих изменений будет зависеть от того, насколько, с одной стороны, традиционные политические институты смогут адаптироваться к новой реальности и внедрить перспективные практики партийного строительства [19], с другой – государство будет готово регулировать общественные отношения в политической сфере постиндустриального общества. Последнее потребует дополнительной регламентации политических процессов в медиа- и киберпространстве; определения правовых рамок осуществления различного рода онлайн-практик прямого участия; апробации и внедрения новых механизмов обеспечения правопорядка в сети; формирования подходов для регулирования новых технологий и решения связанных с их использованием этических вопросов. Ответы на перечисленные вопросы и будут задавать правовые рамки деятельности политических партий в будущем.

Список литературы

1. Совещание по вопросам деятельности политических партий в Беларуси // Президент Республики Беларусь : офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-povoprosam-deyatelnosti-politicheskikh-partiy-v-belarusi>. – Дата доступа: 05.10.2019.
2. Игнаци, П. Партии и демократия в постиндустриальную эру / П. Игнаци // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 49 – 76.
3. Кулик, А. Трансформация партий в постиндустриальном обществе: кризис легитимности и ориентиры для политической системы России / А. Кулик // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 8 – 28.
4. Грабов, К. Правый и национальный популизм в Западной Европе / К. Грабов // Популизм как общий вызов / отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – С. 58 – 66.
5. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 776 с.
6. Коробейникова, Л.А., Гиль, А.Ю. Сетевые структуры в глобальном мире / Л.А. Коробейникова, А.Ю. Гиль // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013. – №4 (24). – С. 99 – 107.
7. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт соц. прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 956 с.
8. Попов, Г. Парадоксы партийного строительства / Г.Попов // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/ideas/2000-06-29/8_paradox.html. – Дата доступа: 20.07.2021.
9. Крауч, К. Постдемократический мир корпораций / К. Крауч // Русский журнал [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Postdemokraticeskij-mir-korporacij>. – Дата доступа: 02.01.2013.
10. Inglehart, R. From Class-Based to Value-Based Politics / R. Inglehart // The West European Party System. – New York, Oxford University Press. – 1990. – P.266 – 284.
11. Grant, I.H. Postmodernism and Politics / I.H. Grant // The Routledge Companion to Postmodernism. – London; New York, 2011. – P. 25 – 37.
12. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
13. Кабанов Ю.А. Электронный авторитаризм институт электронного участия в недемократических странах / Ю.А. Кабанов // Полития. – 2016. – № 4 (83). – С. 36 – 54.

14. Волков, Л. М. Облачная демократия / Л. М. Волков, Ф. Г. Крашенинников. – 2-е изд. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2013. – 240 с.
15. Чедвик, Э., Строммер-Галлей, Дж. Цифровые СМИ, власть и демократия в партиях и избирательных кампаниях: упадок партии или обновление партии? / Э. Чедвик, Дж. Строммер-Галлей // Международный журнал прессы / политики. – 2016. – т. 21, 3. – С. 283-293.
16. Gerbaudo, P. The Digital Party. Political Organisation and Online Democracy / P. Gerbaudo. – London: Pluto Press, 2019. – 240 p.
17. Джанда, К. Сравнение политических партий: исследования и теория / Голосов Г.В., Галкина Л.А. (ред.) // Современная сравнительная политология. Хрестоматия – М.: Московский общественный научный фонд, 1997 – С.8 – 143.
18. Козлов, Н.А., Переведенцев, Н.А. Электронные партии: гибридная модель или эволюционный тип массовой партии / Н.А. Козлов, Н.А. Переведенцев // Русская политология. – 2020. – № 1 (14). – С. 139 – 152.
19. Долгих, Ф.И. Цифровые политические партии – зарубежный опыт и возможности его реализации в России. / Ф.И.Долгих // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – №. 4. – С. 56 – 60.
20. Шендик, Т. А. Об электронных средствах партийного строительства / Т. А. Шендик // Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления: материалы XVIII Респ. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, Минск, 21 марта 2014 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. Н. Рябовой. – Минск, 2014. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
21. Как голосование на блокчейне находит свое применение в политике и бизнесе // Хабр [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://habr.com/ru/company/wirex/blog/398125/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
22. В Беларуси количество абонентов мобильных операторов за II квартал 2021 года увеличилось на 1% до 11,696 млн – Минсвязи // Прайм-пресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://primepress.by/news/ekonomika/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
23. Связь 4G в Беларуси доступна почти 90% населения // БелТА [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belta.by/society/>. – Дата доступа : 20.07.2021.

References

1. *Soveshchanie po voprosam deyatel'nosti politicheskikh partii v Belarusi* [Meeting on the activities of political parties in Belarus]. President of the Republic of Belarus: officer. Internet portal of the President of the Republic. Belarus. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-deyatelnosti-politicheskikh-partii-v-belarusi>. – Data dostupa: 05.10.2019.
2. Ignatsi, P. *Partii i demokratiya v postindustrial'nyuyu ehru* [Parties and Democracy in the Post-Industrial Era]. *Politicheskaya nauka* – Political Science . 2010. №4. P. 49 – 76.
3. Kulik, A. *Transformatsiya partii v postindustrial'nom obshchestve: krizis legitimnosti i orientiry dlya politicheskoi sistemy Rossii* [Transformation of parties in a post-industrial society: a crisis of legitimacy and guidelines for the political system of Russia]. *Politicheskaya nauka* – Political Science 2010. №4. P. 8 – 28.
4. Grabov, K. *Pravyi i natsional'nyi populizm v Zapadnoi Evrope* [Right-wing and national populism in Europe] *Populizm kak obshchii vyzov* [Populism as a common challenge. Ed. red. K. Krouford, B.I. Makarenko, N.V. Petrov. – М.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2017. P. 58 – 66.
5. Toffler, E. *Tret'ya volna* [The third wave] .М.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2002. – 776 p.
6. Korobeynikova, L.A., Gil, A.Yu. *Setevye struktury v global'nom mire* [Network structures in the global world] .Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2013. №4 (24). P. 99 – 107.
7. Bell, D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: Opyt sots. prognozirovaniya* [The coming post-industrial society: The experience of social. forecasting] М.: Academia, 1999. 956 p.
8. Popov, G. *Paradoksy partiinogo stroitel'stva* [Paradoxes of party building].

Nezavisimoe voennoe obozrenie - Independent military review [Electronic resource]. Access mode: https://nvo.ng.ru/ideas/2000-06-29/8_paradox.html. Date of access: 20.07.2021.

9. Krauch, K. *Postdemokraticeskii mir korporatsii* [Post-democratic world of corporations] Russian journal [Electronic resource]. 2010. Access mode: <http://www.russ.ru/pole/Postdemokraticeskij-mir-korporacij>. - Access date: 02.01.2013
10. Inglehart, R. *From Class-Based to Value-Based Politics. The West European Party System*. New York, Oxford University Press. 1990. P.266-284.
11. Grant, I.H. *Postmodernism and Politics. The Routledge Companion to Postmodernism*. London; New York, 2011. P. 25 – 37.
12. Kastel's, M. *Informatsionnaya ehpokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*: Per. s angl. [Information Age: Economy, Society and Culture]. M.: GU VSHEH, 2000. – 608 s.
13. Kabanov Y.U.A. *Ehlektronnyi avtoritarizm institut ehlektronnogo uchastiya v nedemokraticeskikh stranakh* [Electronic authoritarianism institute of electronic participation in undemocratic countries] *Politiya*. 2016. № 4 (83). P. 36 – 54.
14. Volkov, L. M. *Oblachnaya demokratiya* [Cloudy democracy] L. M. Volkov, F. G. Krashenninikov. - 2nd ed. - Yekaterinburg: Cabinet Scientist, 2013. 240 p.
15. Chedvik, E.H., Stromer-Gallei, Dzh. Tsifrovye *SMI, vlast' i demokratiya v partiakh i izbiratel'nykh kampaniyakh: upadok partii ili obnovlenie partii?* [Digital Media, Power and Democracy in Parties and Election Campaigns: Party Decline or Party Renewal] / E.H. Chedvik, Dzh. Stromer-Gallei // *Mezhdunarodnyi zhurnal pressy i politiki*. – 2016. – t. 21, 3. – S. 283-293.
16. Gerbaudo, P. *The Digital Party. Political Organisation and Online Democracy* / P. Gerbaudo. – London: Pluto Press, 2019. – 240 p.
17. Dzhandan, K. *Sravnenie politicheskikh partii: issledovaniya i teorii* [Comparison of Political Parties: Research and Theory]. *Sovremennaya sravnitel'naya politologiya. Khrestomatiya* – M.: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 1997 – S.8 – 143.
18. Kozlov, N.A., Perevedentsev, N.A. *Ehlektronnye partii: gibridnaya model' ili ehvolyutsionnyi tip massovoi partii* [Electronic parties: hybrid model or evolutionary type of mass party]. *Russkaya politologiya*. – Russian political science. – 2020. – № 1 (14). – S. 139 – 152.
19. Dolgikh, F.I. Tsifrovye politicheskie partii – zarubezhnyi opyt i vozmozhnosti ego realizatsii v Rossii. [Digital political parties - foreign experience and opportunities for its implementation in Russia.] *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. – 2021. – №. 4. – S. 56 – 60.
20. Shendik, T. A. Ob ehlektronnykh sredstvakh partiinogo stroitel'stva / T. A. Shendik // *Teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty gosudarstvennogo upravleniya: materialy XVIII Resp. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh, aspirantov i studentov*, Minsk, 21 marta 2014 g. / Akad. upr. pri Prezidente Resp. Belarus'; pod obshch. red. A. N. Ryabovoi. – Minsk, 2014. – 1 ehlektron. opt. disk (CD-ROM).
21. Kak golosovanie na blokcheyne nakhodit svoe primeneniye v politike i biznese // *Khabor* [Ehlektronnyi resurs]. – URL : <https://habr.com/ru/company/wirex/blog/398125/>. – Date access: 20.07.2021.
22. V Belarusi kolichestvo abonentov mobil'nykh operatorov za II kvartal 2021 goda uvelichilos' na 1% do 11,696 mln – Minsv'yazi // *Praim-press* [Ehlektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : <https://primepress.by/news/ekonomika/>. – Data dostupa : 20.07.2021.
23. Svyaz' 4G v Belarusi dostupna pochtu 90% naseleniya // *BeLTA* [Ehlektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : <https://www.belta.by/society/>. – Data dostupa : 20.07.2021.

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КАК СТРАТЕГИЯ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ

Асем Калкаманова

докторант Факультета права и политических наук
университета Сэгед, Венгрия,
Е-майл: a.kalkaman@gmail.com, assemk@irsi.u-szeged.hu

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.03>

Аннотация. В данной работе показано, что развитие электронного правительства может быть использовано в качестве стратегии легитимации. Одной из ключевых функций электронного управления является предоставление официальной информации общественности и средствам массовой информации. Используя примеры двух государств Казахстана и России, исследование показывает, как легитимация происходит и через официальные правительственные сайты. В данной статье используется контент-анализ для оценки того, какие стратегии легитимации используются Казахстаном и Россией. Полученные данные подтверждают заявления более ранних исследователей о том, что недемократические режимы стремятся продемонстрировать высокие отраслевые показатели. Акцентирование внимания на высоком экономическом развитии, подчеркивание достижений для каждого министерства стали способом продемонстрировать свою легитимность.

Ключевые слова: электронное правительство, контент-анализ, легитимация, политические режимы, правительственные сайты.

ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҮКІМЕТТІҢ ДАМУУ ЗАНДАСТЫРУ СТРАТЕГИЯ- СЫ РЕТІНДЕ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ

Әсем Қалқаманова

Аңдатпа. Бұл мақалада электронды үкіметті дамытуды заңдастыру стратегиясы ретінде пайдалануға болатынын көрсетеді. Электронды үкіметтің негізгі функцияларының бірі – халықты және БАҚ-ты ресми ақпаратпен қамтамасыз ету. Қазақстан мен Ресейдің екі мемлекетінің мысалдарын пайдалана отырып, зерттеу мемлекеттік ресми сайттар арқылы заңдастырудың қалай жүзеге асатынын көрсетілген. Бұл мақалада Қазақстан мен Ресей қандай заңдастыру страте-

гияларын қолданып жатқанын бағалау үшін автор мазмұндық талдау қолданған. Зерттеу нәтижелер демократиялық емес режимдер саланың күшті көрсеткіштерін көрсетуге тырысады деген бұрынғы зерттеушілердің пікірлерін растайды. Жоғары экономикалық дамуға ден қою, әрбір министрлік үшін қол жеткізген жетістіктерді атап өту олардың заңдылығын көрсетуге айналды.

Түйінді сөздер: электронды үкімет, контент-талдау, легитимизация, саяси режимдер, мемлекеттік веб-сайттар.

E-GOVERNANCE DEVELOPMENT AS A LEGITIMATION STRATEGY: A CONTENT ANALYSIS

Assem Kalkamanova

Ph.D. candidate, Faculty of Law and Political sciences, University of Szeged, Hungary, E-майл: a.kalkaman@gmail.com, assemk@irsi.u-szeged.hu

Abstract. This paper demonstrates that the development of e-governance can be used as a legitimation strategy. One of the key functions of e-governance is the provision of official information to the public and mass media. Using the cases of two states Kazakhstan and Russia, the study shows how legitimation claims are conveyed through the official governmental websites. This paper uses content analysis to assess what legitimation strategies are used by Kazakhstan and Russia. The findings confirm earlier researchers' claims that all non-democratic regimes strive to demonstrate high sectoral performance. Stressing high economic development, praising the achievements for each ministry has become the way to demonstrate their legitimacy.

Keywords: e-governance, content analysis, legitimacy, political regimes, governmental websites.

Introduction

Rapid expansion of the information and communication technologies and success of e-governance in post-Soviet Eurasia, specifically Kazakhstan and Russia, has been observed since recently.

The United Nations E-government Survey was started in 2001. At the very beginning of the 21st century, it demonstrated that highest ranks of the E-Government Global Index of above the medium point were reached only by developed industrialized countries which already had the access to information and more participatory governance in general. [4, p.3] However, since around 2010 leading positions in the development of E-Governance are no longer shared by advanced democracies only. Developing nondemocratic states started entering the group of countries with high EGDI in 2008. As a result, scholars embarked on the investigations into the causes behind this phenomenon.

Rapid growth of e-government is a global trend now. [23, p.4] Post-Sovi-

et region is of particular interest. Since 2018 Belarus, Kazakhstan, and Russia have been in the group of countries with **very high** E-Government Development Index. Moreover, Kazakhstan is in the 3rd quartile of the group with very high EGDI in 2020 (meaning that the index is higher than half of its very high EGDI group). Russia, Belarus are in the 2nd quartile of the group with very high EGDI in 2020. [23, p.5] Earlier, in 2014 and 2016 Belarus, Kazakhstan, and Russia belonged to the group of high EGDI. So, we can observe a stable development of e-governance in these countries since 2010.

Legitimation is considered to be a major reason why nondemocratic regimes develop e-governance. [17]

Most popular explanation of the development of e-governance is to acquire external legitimacy or, in other words, appraisal by the international community.

This article unites e-government with the notion of legitimacy by investigating the use of governmental websites for investigating legitimacy claims in Kazakhstan and Russia. To our knowledge, there is no academic paper that approaches e-government as the carrier of legitimation claims.

Content analysis reveals that both Russian and Kazakhstani governments extensively use official governmental Webpages to demonstrate legitimation claims.

The data include the articles and main news parts of the homepages of federal ministries of Russia and republican ministries of Kazakhstan.

Most importantly, governmental websites appear to be a good platform for legitimation claims of governments. Jaeger (2005) states that “An e-government Web site is neither neutral nor free of opinion. The way in which it is designed, the information presented and how that information is presented all affect the messages conveyed by the Web site and, as such, by the government.” [12, p.703] So, how the information is presented should affect the viewpoints of citizens about political and social issues.

In this sense the internet and governmental websites, social media represent a solid platform for communicating these legitimation claims and narratives.

Our research seeks to contribute to the comparative studies of e-governance in post-Soviet region: Russia and Kazakhstan.

Our main **research question** is whether governmental websites reflect legitimation efforts in political regimes of Kazakhstan and Russia. To be specific, we investigate what kind of legitimacy claims are propounded by national ministries and the cabinets in the analyzed cases. The discussion of these research questions will allow us to conclude on the role of e-government in legitimation of political regimes of Kazakhstan and Russia.

Research hypotheses allow us to concretize the research question stated in the introduction. So, our research hypotheses include:

H1: Performance-based legitimacy claims are expected to be most frequent for any regime. All states' governmental websites should possess approximately equal amounts of performance legitimation.

H2: Kazakhstan as a Central Asian country will show more personalistic claims of legitimacy than Russia.

H3: Russian governmental websites exhibit more international legitimacy emphasis than Kazakhstan.

Using content analysis we investigate if any legitimation strategies are realized in e-government of two post-Soviet states Kazakhstan and Russia.

Our study focuses on the legitimacy claims in the content of governmental websites not on the overall state of e-governance as in the papers by Maerz (2016) and Johnson and Kolko (2010). These studies used categories: “1) access to information; 2) services and interaction; and 3) agenda setting.” [17, p.20] In our opinion, these kind of investigations are getting obsolete as the technical elements are comprehensively captured and analyzed by the E-Governance Development Reports.

We suggest that e-governance and its elements affect legitimation in a double way. On the one hand, e-governance is a performance element of legitimation claims. The definition of e-governance stresses performance aspect: “The public sector’s use of information and communication technologies with the aim of improving information and service delivery, encouraging citizen participation in the decision-making process and making government more accountable, transparent and effective.” [9]

On the other hand, e-governance serves as an intermediary for other legitimation strategies. Many authors agree that international appraisal is the most important factor for developing e-governance in autocracies. Obviously, attracting foreign investments for developing economies is easier if they demonstrate high ICT development and modernization. [2, p.148]

Case selection of Russia and Kazakhstan is justified for several reasons. Both Russia and Kazakhstan exhibit democratic features along with some autocratic tendencies. V Dem Project ranks both Russia and Kazakhstan electoral autocracies.¹ Electoral autocracies hold “de-facto multiparty elections for the chief executive, but they fall short of democratic standards due to significant irregularities, limitations on party competition or other violations of Dahl’s institutional requisites for democracies.” [16, p.61] In total, four regime types are distinguished by the Varieties of Democracy project established by the University of Gothenburg —closed and electoral autocracies; electoral and liberal democracies. V Dem Project is the most up to date typology. Most importantly, it accounts for longitudinal measures.

Still, advanced e-governance in Kazakhstan and Russia poses a question if they are moving towards the rare cases of successful autocracies. As we mentioned earlier, according to the 2018 UN cross-national study, Russia and Kazakhstan appeared in the list of countries with very high E-governance development index. [23, p.89]

¹ Varieties of Democracy (V-Dem) Project classifies political regimes. It covers 177 countries from 1900 to 2020.

It is generally considered that the driving factor of e-governance in the analyzed states is a strong institutional capacity. The institutional capacity of the two states is expected to be similar. Not surprisingly, the common communist history of these countries and the demise of the Soviet Union defined that state-building took place simultaneously there.

Also, Kazakhstan and Russia fall under resource-abundant authoritarian regimes meaning oil-exporting and mineral resources rich countries. Resource abundance for the two states may appear to be an important factor towards the increase of the role of government. The WDR 1997 describes how oil price shocks at the beginning of 1970's facilitated a greater expansion of the role of these state oil exporting countries: "For the oil exporters they created a bonanza, which many threw into even greater expansion of state programs. As long as resources were flowing in, the institutional weaknesses stayed hidden." [24, p.23]

Next section provides a comprehensive literature review on legitimacy and the role of e-government in legitimization processes. Afterwards, we deliberate on research design and methodology. Most importantly, it includes research hypotheses and theories they are based upon. Second section is devoted to the results and findings of our research. Finally, we conclude and discuss current limitations and future research recommendations.

Literature review

E-governance starts with the provision of information. The very basic function of e-government is online information-sharing which importance increased many-fold during the pandemic times 2020-2021: "During a national crisis, reliable and transparent information enables Governments to act decisively, support people in making informed decisions about their daily routines, and give them a sense of support, which builds public trust." [23, Addendum 8]

E-governance encompass paying parking tickets, paying taxes online, registering complaints about local communal services, other online transactional services. The UN E-Government Survey states that nearly all of the countries have a national e-government portal automating administrative functions. [23, p.33] Marche & McNiven (2003) define concisely that "E-government is the provision of routine government information and transactions using electronic means, most notably those using Internet technologies, whether delivered at home, at work, or through public kiosks." [18, p.76]

The majority of literature on e-government in post-Soviet region constitute single case studies or multiple case studies. The article by Maerz (2016) investigates e-government in four Central Asian countries. O'Connor, Janenova, and Knox (2019) study the implementation of open government program in Kazakhstan. Elements of e-governance are also examined on specific examples. Working paper by Gorgulu & Sharafutdinova (2020) shows that the use of IT technologies increased the margin of victory for the incumbent in Moscow county. To be

specific, authors used electronically applied pothole complaints and connected them to the voter turnout and local governor elections' results. E-governance is a tool for participatory governance in this case. It positively affected the image of local administration. So, e-government constitute a variety of services. This article is focused on the information provision function of e-government.

The discussion of legitimacy of any political system starts with the reference to the seminal works of Max Weber, Lipset (1959), Easton (1965), and Beetham (1991). Weber's approach that legitimacy is determined by people's beliefs in legitimacy is criticized by Beetham (1991) for the absence of objectiveness and incomprehensiveness which makes it hard to measure and test. He asserts that actual characteristics of a political regime are not considered in this definition of legitimacy.

Martin Lipset (1959) elaborates in the same vein as Weber by defining: "Legitimacy involves the capacity of a political system to engender and maintain the belief that existing political institutions are the most appropriate or proper ones for the society." [15, p.86] According to Lipset, people consider the political system legitimate if its' values fit with their own values.

Beetham (1991) extends legitimacy concept in a significant way and includes three dimensions. [3, p.13] The first dimension is procedural legitimacy or legal validity of a regime. Second dimension overlaps with Lipset's concept: it implies the justifiability of the rules of the state in terms of the beliefs and values of the given society. The example of the third dimension, legitimation through expressed consent, is voting in elections which is an action that demonstrates consent of people.

Burnell (2006) distinguishes internal and external sources of legitimacy. Internal sources include economic performance, material well-being of the people. External legitimacy is played out when the rulers make up a common threat to the nation which requires people to unite and support state. Also, hereditary traditions like those in Iran and Saudi Arabia, political ideology like communism and rigged elections, or in other words, imitation of democratic processes also constitute legitimacy in nondemocratic regimes. [6, p.548] Often, autocratic regimes promote their "claimed ability to secure order and stability in society rather than prosperity" as the reason for staying in power, thus, being the only savior for the nation." [6, p.558] They demonstrate that only the current regime is capable of sustaining such security.

Scholars investigating post-Soviet region incorporate the aspects of state-building into traditional political concepts. For example, Aubakirova (2016) investigated the institutionalization of governance or state power and legitimacy (of the newly established bodies). [1]

Alternative interpretation of legitimacy is given in the paper of Bulukhtayev: "For the government to be legitimate, society has to accept its goals, regime, and leaders relating them to common principles of moral, ideology and law." [5, p.6] Moreover, the author states that long-term goals are primal for the legitimacy

as was the case with after-War period growth in Germany, Japan, economic breakthrough of Singapore and Malaysia which are state-building stages of development.

Particular interest causes the study of Kazakhstani sociologist Zabirowa who raises legitimization issues specific to the post-Soviet republics. After the demise of the Soviet Union, legitimization process also lay in legitimating kazakh ethnicity for the state building. The identity of kazakh ethnicity was diluted during the Soviet epoch: the annihilation of the lower status of kazakh nation took place in 1990's. [25, p.118]

However, these researchers confirm that initial legitimization of the newly independent states Kazakhstan and Russia finished by the end of 1990s. So, today we can discuss legitimacy concept in its more traditional understanding.

Legitimacy shapes power relations ("structures of domination"), a regime's means of rule and stability. [22, p.80] Dukalskis and Gerschewski (2017) note that autocratic legitimization affects "regime resilience, challenger-state interactions, the procedures and operations of elections, and the texture of everyday life in autocracies." [7, p.2]

The erosion of legitimacy in any political regime may lead to revolutionary mobilisation, riots, protests, coup d'état. Technically, legitimacy implies obedience "legitimacy provides them (subordinates) with moral grounds for cooperation and obedience. Legitimate power or authority has the right to expect obedience from subordinates, even where they may disagree with the content of a particular law or instruction..." [7, p.26]

Since recently scholarship is turning towards empirical research of legitimacy claims. Empirical research of von Soest and Grauvogel (2017) is based on the component of legitimacy propounded by Easton (1965). Specifically, they develop six dimensions of legitimization in authoritarian regimes: ideology, foundational myth (like nationalism, specific societal order, and religion), personalism (a ruler is a charismatic leader), international engagement, procedural mechanisms, and performance. [20, 21]

So, literature review on the legitimacy of political systems show that researchers treat legitimacy as a multi-dimensional concept.

Many researchers² differentiate between claims to legitimacy and legitimacy itself which is in our opinion warranted.

Legitimacy in democratic states is relatively clear and easy: we have "the centrality of the rational-legal type". [22, p.80] Guriev and Treisman (2018) notice that legal procedures such as elections may render secondary to other legitimization strategies in modern "informational autocracies": "If information manipulation has successfully inflated the autocrat's reputation, elections can be used to distill popularity into legitimacy. The appearance of democracy can be added to the image of competence." [11, p.122]

² See, for example, Dukalskis and Gerschewski (2017); von Soest and Grauvogel (2016); Tannenbergs et al. (2021)

Undoubtedly, legitimacy claims in nondemocratic regimes are more diverse. However, democracies with the rule of populist governments are very much prone to exhibiting legitimacy claims, also.

Logically, e-governance should result in better governance and public administration: improved decision-making system, more efficient bureaucracy, and improvement of overall political institutions. However, research results are controversial. Empirical study of nondemocratic regimes in years 2003-2008 by Linde and Karlsson (2013) showed that e-participation does not improve the control of corruption and does not change the quality of governance.

There are other possible explanations for the absence of the impact of e-governance on overall quality of governance. The EGDI index used in statistical research does have limitations in what it assesses: “the assessed features of government portals and websites relate more to the provision of information than to citizen consultation, and more to citizen consultation than to citizen involvement in decision-making, which is relatively difficult to characterize.” [23, p.117]

If the development of e-governance positively impacts international ranking of the country, then international appraisal is a clear motive for the advancement of e-government.

Therefore, it raises the question of why some authoritarian regimes would facilitate the development of e-governance? O'Connor, Janenova, and Knox (2019) claim that initially authorities genuinely desired to improve transparency and effectiveness of public services provision, so they set up conditions for e-government. Using qualitative methods, interviews of different tiers of political officials and civil society representatives, they conclude that Kazakhstan strived to develop e-government with the purpose of fulfilling the strategy of getting into 30 most developed nations. Again entering the international rankings is clearly international engagement component of legitimacy.

A problem of reverse causality exists in the studies of the relationship between e-governance and institutional quality, economic growth, and other factors.

Research on the opposite relationship: the effect of different factors on e-governance is confusing. There are both proponents of the positive effect of democratic institutions on e-governance and those who do not find any relationship. Stier (2015) used the Online Services Index which is a subindex of the EGDI in his cross-sectional regressions as dependent variable. Democracy/autocracy variable, government effectiveness, human capital development, internet users per 100 citizens, population size were used as independent variables. So, using regression analysis on cross-sectional data he identified the positive impact of these variables on the online services provision.

These two papers analyzing the same relationship from the opposite directions clearly indicate that there is reverse causation problem. So, it might be the case that either e-governance affects government effectiveness, economic

growth, infrastructure, or these other factors might affect the development of e-governance in the country. Here comes a significant shortcoming of Stier's (2015) methodology: in case of reverse causality, cross-sectional data do not give adequate results. Even regression analysis on panel data have to be diligent and use lagged variables.

Åström et al. (2012) implements analogous study on the sample of 31 non-democratic political systems. They take the same independent variables as Stier (2015) but add economic globalization variable: democracy/autocracy variable, government effectiveness, human capital development, internet users per 100 citizens, population size. They showed that economic globalization makes the strongest significant impact on e-participation. The authors used the sub-index on economic globalization from the KOF Globalisation Index (KOFGI). [2, p.145] It contains the components of trade flows (trade in goods, services, trade partner diversity).

The results of this study allow us to make conclusion on the importance of the international component of legitimacy claims in authoritarian regimes. Nations striving for international appraisal for any reason, be it foreign investments and trade deals or just a recognition on the international arena will facilitate e-governance.

Research Design, Conceptual Definitions, and Operationalization

Recent studies measure what legitimacy claims governments use to justify their regime over wide array of countries and over a long period of time: von Soest and Grauvogel 2017; Tannenberg et al. 2021. The common feature is that these studies used country expert surveys to evaluate the use of different legitimacy strategies. They also attempted to identify the relationship between the type of a political regime and legitimization claims used there.

The assessment of technological infrastructure is provided by the UN E-Governance surveys. The methodology of the Index is such that it reveals supply side of e-governance not the demand side: "the EGDI is used to measure the readiness and capacity of national institutions to use ICTs to deliver public services." [23, p.XX] However, the EGDI does not measure the contents of e-government. The largest part of e-governance is providing information on public policies and what governments are doing. The global trend is sharing public information on governmental websites: "It is increasingly common to find sector-specific information, policies and programmes on dedicated government websites." [23, p.34]

The provision of information for e-government is a crucial part of e-governance. Maerz's research shows that governmental websites are used for both external legitimacy and performance legitimacy in competitive authoritarian regimes. However, the assessment of e-governance from this standpoint already exists within the comprehensive E-Governance Development Index. According to Maerz (2016) competitive authoritarian regimes of Russia and Kazakhstan

actually successfully provide public services through ICT. Unsurprisingly, these two states are in the group of very high EGDI.

However, content analysis is the most appropriate for studying legitimations claims present on dedicated government websites. While expert surveys may mix up legitimacy claims and the perception/acceptance of these claims, content analysis looks purely at what is stated by governments. Neuendorf (2001) insists that a content analysis can only describe substance characteristics of the content of the messages and relationships among these characteristics. So, it is important to limit the conclusions only to the content being studied. Dukalskis and Gerschewski (2017) propose that discourse and text analysis allow to evaluate legitimacy claims in a systematic, valid and reliable way. [7, p.11]

In our study we use primary sources of governmental websites including sector specific which produce objective and stable data.

No doubt, operationalizing the concept of legitimacy is a subjective and cumbersome process. For such concepts like legitimacy, case studies are useful: they help to reveal the mechanics of legitimation within a particular institutional context. Three countries have the majority of factors.

To analyze web content and context of the governments of the three post-Soviet countries, we apply qualitative content analysis and formulate six analytical categories which are based on the six dimensions of legitimacy claims propounded by von Soest and Grauvogel (2016; 2017).

Von Soest and Grauvogel (2016; 2017) propose six dimensions of legitimation in authoritarian regimes: foundational myth, ideology, personalism, international engagement, procedural mechanisms, performance. Ideology, foundational myth, and personalism are identity based claims: these are concepts which develop sense of community.

Foundational myth is also referred to by Levitsky and Way (2013), Clapham (2012), and Schedler (2013), Schatzberg (2001).

Ideology is defined as “narratives regarding the righteousness of a given political order... belief system intended to create a collective identity and, in some cases, a specific societal order.” [21, p.290] Nowadays, ideology includes references to nationalism, religion. Nationalism is a wide concept. In its extreme level it implies ethnic exclusiveness. However, all examples of nationalism are mentioned in the codebook.

Personalism means reference to two factors. The ruler, ruler’s qualities, extraordinary personality, leadership qualities, charisma and other glorifying descriptive features are emphasized. In addition, references to the ruler’s centrality to achievements, .

Procedural legitimacy is the one inherent to democratic systems. In terms of Beetham (1991) it is legal validity which means that power acquisition takes place according to legal rules accepted by all citizens. [3, p.4]

Performance legitimacy was developed from the notion of specific support of Easton (1965) which implies satisfying the needs and requirements of citi-

zens. This category emphasizes achievements in the analyzed sector, increase in corresponding indicators of performance, economic growth. It is important that the text should contain not just statement of the fact, particularly, in figures. The emotional stress or verbal expressions such as *increased, improved, expanded, implemented more than before, plan to expand* should be present. This indicator includes mentioning both current achievements and future successes and promises of the government.

International recognition and engagement: the recognition from other states and the state's international role, engagement in international and regional negotiations, humanitarian acts are important.

Important methodological step is developing a codebook. Each category includes several variables and, thus, a range of questions to code a corresponding category. As we mentioned earlier, the categories of the variables were constructed based on the studies of von Soest and Grauvogel (2017) and Tannenberget al. (2021). Specifically, the supplemental material of the Tannenberget al. (2021) was used to develop Ideology, Performance, Personalism, and Legal-Procedural Legitimation variables.

The first category of variables in our codebook is Ideology. It includes nationalism, religion, anti-western nationalism, and other nationalism variables. The category international recognition and engagement include two variables: international recognition and international engagement. The category Performance includes four variables: economic performance, social policy performance, ICT development, and public administration effectiveness (including e-governance). Other categories consist of a single variable.

Content analysis of governmental websites will allow me to find out the extent to which the government references its performance, foundational myth, ideology, the leader or the ruler, legal procedures, and international appraisal in order to justify the regime.

Data include a country's national e-government portal, the president's website, and websites of all federal ministries for the case of Russia, or all republican ministries for the case of Kazakhstan. So, it means that the entire population of governmental websites is studied which renders our method a census content analysis. The first page of these websites was analyzed. If necessary, next pages are opened to analyze a full article.

Each website has so called *feature news stories* which are located on the homepage. Feature stories and featured news term comes from newspapers and magazines.

The majority of official governmental webpages publish the *latest* news on the homepage like the Russian Ministry of Healthcare and Ministry of Emergency Affairs. Others like the Ministry of Internal Affairs and Ministry of Culture publish *featured news* stories. For example, the Ministry of Internal Affairs arranges their feature news stories under the headline "*In the focus*". The Min-

istry of Economic Development has the section *Most important* on the homepage. The ministry of the Far East and Arctic highlights featured stories on their homepage as *Important*. Also, some ministerial homepages constitute the speech of the corresponding Head of Ministry to a specific group of people.

The importance of the webpages of federal and republican ministries is that they represent one of the channels of communication with the media. Often, like the website of the Foreign Affairs Ministry of Russia has the disclaimer that this is the official information provided for mass media. So, journalists and news portals are the ones who retransmit the news stories from the webpages. News are reported by journalists with the reference to the source, for example, “with the reference to the official page of the President of the Republic of Kazakhstan”. As a consequence, how stories are formulated and conveyed depend directly on how they are provided on the official webpage.

What is so important about the content of feature news stories’ section of the national ministries and agencies’ homepage? We assume they constitute the content the corresponding ministry officials are willing to highlight and convey to the public.

As the analyzed countries have highly developed e-governance standardized features on their website are present.

The websites were analyzed during October 2021. All items in the legitimization battery were coded by two coders.

Unit of data collection and unit of analysis is the same in our case. So, the units to which I wish to generalize is the homepage of the official governmental website. Our unit of sampling is the first page of the official websites of governmental bodies at federal level for Russia and republican levels in Kazakhstan.

For Russia there are 21 federal ministries of Russian Federation, the website of the president of Russian Federation and the website of the Government of Russian Federation.

There are 18 ministries, one website of the president, one website of the first president, and one website of the prime-minister in Kazakhstan.

We underline that even one sentence may contain several variables or even several categories. The content analysis reveals the strength of six legitimization claims. Moreover, performance legitimization, ideology legitimization provide more detailed picture. Ideology distinguishes nationalism, religion, anti-western nationalism and other. Performance is subdivided into sectoral performance, social redistribution and state support, technological development, and governance quality.

To assess intercoder reliability, Pearson correlation coefficient was calculated for each variable. Correlation coefficient for Russia ranged from 0.76 to 0.81 and for Kazakhstan it ranged from 0.78 to 0.83. Variables that were scores as 0 by both coders were dropped from our analysis. These are foundational myth and other ideologies variables.

Results and Findings

It should be noted that the websites of Kazakhstani ministries share a common design. While the Russian ministries are very diverse: each state organ has its own structure and design.

In addition, explorative analysis suggests that Russian ministerial websites contain more articles and news stories in general. If the number of sectoral performance mentions on Kazakhstani websites is 117, this number is 329. Furthermore, Ministry of Healthcare in Kazakhstan seems to utilize their website for only coronavirus statistics without any textual content.

Performance-based legitimation is important for all kinds of political regimes. The examples of Russia and Kazakhstan confirm this assumption. Sectoral performance were emphasized stronger than all other claims by all ministries and government except for Ministry of Justice in Russia and Ministry of Healthcare of Kazakhstan.

The second most frequent legitimacy claim in Russia is international engagement. International engagement refers to the statements on the humanitarian aid to Siriya, talks with Turkey, several African countries. International recognition is much less mentioned by Russian authorities. Often it is interconnected with informational and digital technologies development. One of the typical examples of the urge for international recognition is the program for the development of technology on genetics. Russian Ministry of Education website states that “a particular attention is paid to research programs to achieve global leadership and solution of new global issues”.³

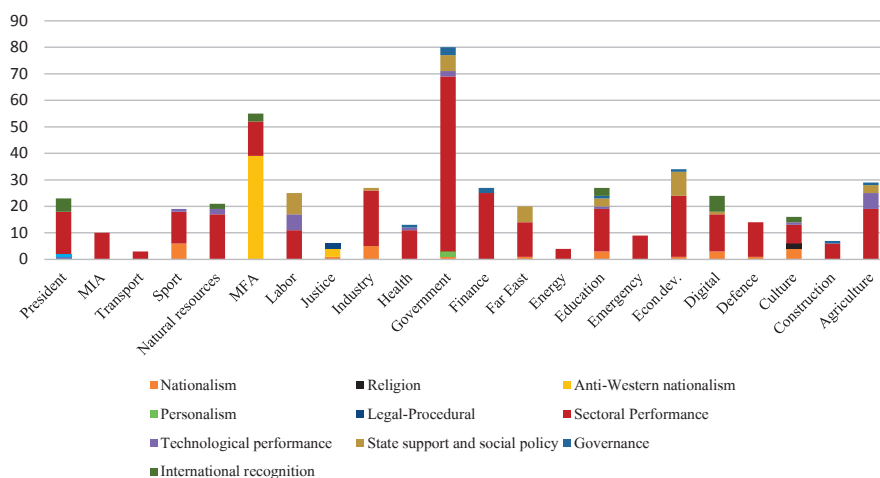

Figure 1. Legitimation claims distribution by Sectoral Ministries in Russian Federation, October 2021.

Source: compiled by the Author

³ Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation Official Website: <https://minobrnauki.gov.ru/>

Legal procedures are mentioned rarely by the Russian government. In spite of the fact that data were collected in the aftermath of the elections into the Russian parliament, the news about legal procedures, elections were mentioned only twice at the Ministry of Justice of Russia.

In general, Russian governmental websites provide information for journalists on a larger extent than Kazakhstani websites. So, they are more informative and contain more textual data. Ministry of Foreign Affairs prefer to communicate with journalists through websites by clearly referring that the information provided is presse release and intended as the official position of the Ministry.

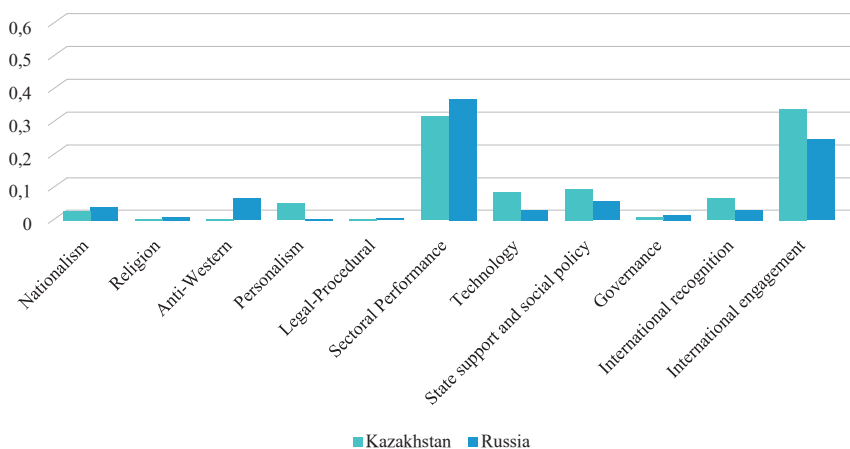

Figure 2. Comparison of percentages of legitimacy claims in Kazakhstan and Russia.

Source: compiled by the Author

Under anti-Western Ideology, Russian Ministry of Foreign Affairs likes to mention Ukraine: threat from the Ukrainian authorities to the Russian minorities, noncompliance with the Minsk agreements. Furthermore, the USA failure in Afghanistan is also a frequent issue on the ministerial website. Along with the affairs of Russian diplomacy, the wrongdoings of Baltic states are mentioned.

Nationalism ideals are of wider use by Russian government. National feelings, traditions, and the russian language are mentioned twice more often by Russian ministries than by Kazakhstani.

Comparison between Russian and Kazakh legitimacy claims reveals stark difference in personalism claims. Figure 2 shows that personalistic claims in Kazakhstan stand out considerably which actually coincides with the general viewpoint of scholars on the system with a strong presidential power in

Kazakhstan. All nine mentions relate to the first president Nursultan Nazarbayev who holds the title of the Leader of the Nation (Yelbasy). Basically, one person, N.Nazarbayev, represents a separate political institute which can be treated as a political innovation. It is not just a title given to one person, it is political institution with all necessary provisions. In general, it is not a rare case that presidential systems exhibit personalistic features.

One of the reasons for personalistic features in Kazakhstan can be social redistribution policies. Guriev and Treisman (2019) noticed that Kazakhstan's president (first president nowadays) focused on fair social redistribution and welfare support much more than his counterparts in nondemocratic political systems. Figure 3 shows that the authorities in Kazakhstan stress their social policies and state support to the small and medium businesses. Social policies and support for small business are rarely mentioned by the Russian government.

So, the qualitative content analysis of the governmental websites allowed to reveal several trends in the legitimization strategies of Kazakhstan and Russia. Our analysis confirms the conjecture that governments use their webpages as a platform to communicate their legitimization claims to the public.

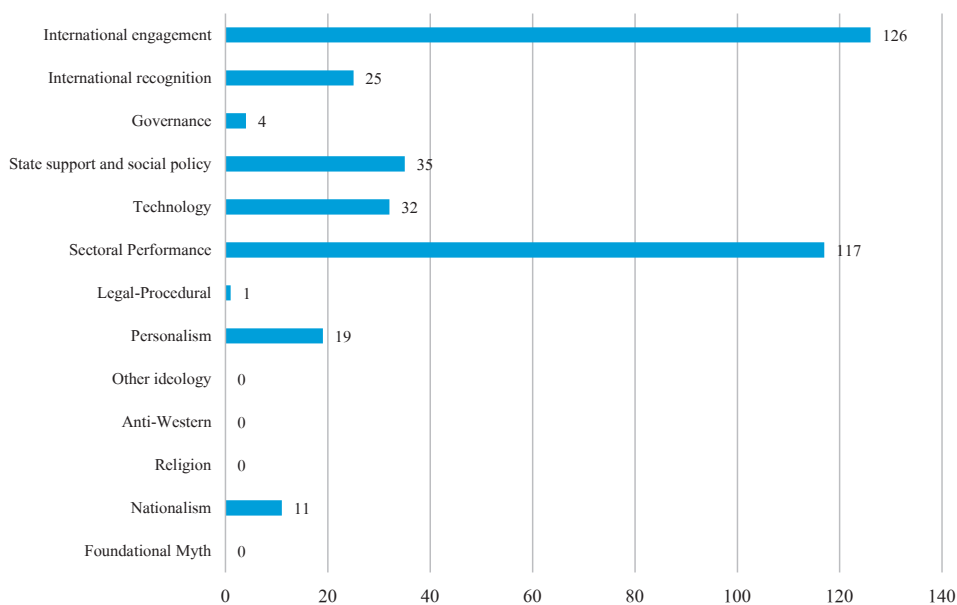

Figure 3. Legitimacy claims in Kazakhstan, October 2021.

Source: compiled by the Author

Conclusion

The explorative analysis suggests that governmental websites are widely used for conveying legitimacy claims in Russia and Kazakhstan.

Since 2008, post-Soviet region, specifically, Kazakhstan, Belarus, and

Russia entered the group of countries with very high e-governance development as reported by the UN E-Governance Development Index reports. E-governance development is considered to be a strong factor towards legitimization of a political system. Moreover, diverse and content-rich governmental websites can be used as a platform to communicate to the public. We analyzed the content of governmental webpages for the presence of legitimization claims using the theoretical framework of von Soest & Grauvogel (2017).

First of all, both Kazakhstan and Russia use their economic and sectoral performances more often than any other legitimization strategies. Nationalism ideals are more often exhibited by Russian agencies than Kazakhstani ministries. Support for the head of state and first president is prevalent in Kazakhstan and almost absent in Russia.

Further research should continue by investigating the effect of various legitimization strategies on citizen-state relationship, civil society characteristics.

The uniqueness of this study is that distribution of legitimacy claims are analyzed deeper, across different sectors of state. The second outstanding feature is that legitimacy claims are more specific than in the papers by von Soest and Grauvogel (2017); Tannenberget al. (2021).

However, for a full picture this analysis should be accomplished not just for one time period, but monthly for at least a year. The publications on official websites reveal how they build their communication with the public and, thus, how they legitimate themselves.

Results obtained are certainly limited to Russia and Kazakhstan. However, the approach will be of interest to comparative sciences. Revealing the crisis of legitimacy may predict disruptive collective actions. Most importantly, comparative analysis of a political system in various stages of its lifecycle may allow to find out the threshold when the gap between legitimacy claims and legitimacy beliefs becomes critical.

The future research should establish a quantitative measure of the gap between what governments say and what citizens perceive.

Limitations

There are certain difficulties in coding scheme. Performance variable that contains sectoral indicators and achievements are often intertwined with the performance indicators that imply governance and government effectiveness. The reason is that often sectoral figures and plans are implemented within state programs. State programs or public policy programs imply the efficient financial resources allocation and organization of procedures. The texts often stress that for the fair implementation the ministry obliges to organize a competition with the committee members from different areas, for example. So, a coder has to be sensitive to such nuances.

References

1. Aubakirova, Indira Uralovna. 2016. Gosudarstvennoe upravlenie i ego institutsionalizatsiya v Rossiiskoi Federatsii i Respublike Kazakhstan [Public administration and its institutionalization in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan]. Mir Politiki I Sotsiologii (12). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32424602> (December 6, 2021).
2. Åström, Joachim, Martin Karlsson, Jonas Linde, and Ali Pirannejad. 2012. "Understanding the Rise of E-Participation in Non-Democracies: Domestic and International Factors." *Government Information Quarterly* 29(2): 142–50. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X12000093> (September 3, 2021).
3. Beetham, David. 1991. *The Legitimation of Power*. Houndsmills, Basingstoke, Hampshire ; New York: Palgrave.
4. *Benchmarking E-Government: A Global Perspective*. 2001. United Nations Division for Public Economics and Public Administration. <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/Benchmarking-E-Government-2011>.
5. Bulukhtayev, Y. 2012. "Transformation of Political Regime in Kazakhstan: Search for Sustainable Development." *PolitBook*.
6. Burnell, Peter. 2006. "Autocratic Opening to Democracy: Why Legitimacy Matters." *Third World Quarterly* 27(4): 545–62. <https://doi.org/10.1080/01436590600720710> (August 31, 2021).
7. Dukalskis, Alexander, and Johannes Gerschewski. 2017. "What Autocracies Say (and What Citizens Hear): Proposing Four Mechanisms of Autocratic Legitimation." *Contemporary Politics*, DOI: 10.1080/13569775.2017.1304320
8. Easton, David. 1965. *A Systems Analysis of Political Life*.
9. "Electronic Governance." 2019. *UNESCO Thesaurus*. <http://vocabularies.unesco.org/browser/thesaurus/en/page/?uri=http://vocabularies.unesco.org/thesaurus/concept17004> (July 28, 2021).
10. Gorgulu, Nisan, and Gulnaz Sharafutdinova. 2020. "Political Dividends of Digital Participatory Governance: Evidence from Moscow Pothole Management." *Policy Research Working Paper No.9445*. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34653> License: CC BY 3.0 IGO.
11. Guriev, Sergei, and Daniel Treisman. 2019. "Informational Autocrats." *Journal of Economic Perspectives* 33(4): 100–127. <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.33.4.100>.
12. Jaeger, Paul T. 2005. "Deliberative Democracy and the Conceptual Foundations of Electronic Government." *Government Information Quarterly* 22(4): 702–19. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X06000062>
13. Johnson, Erica J., and B. Kolko. 2010. "E-Government and Transparency in Authoritarian Regimes: Comparison of National- and City-Level e-Government Web Sites in Central Asia." *undefined*. <https://www.semanticscholar.org/paper/E-Government-and-Transparency-in-Authoritarian-of-Johnson-Kolko/95838e754367355ce4e4b6214d6112a3eda9015b> (September 29, 2021).
14. Kailitz, Steffen. 2013. "Classifying Political Regimes Revisited: Legitimation and Durability." *Democratization* 20(1): 39–60. <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738861> (September 1, 2021).
15. Lipset, Seymour Martin. 1959. "Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy." *The American Political Science Review* 53(1): 69–105. <https://www.jstor.org/stable/1951731> (September 23, 2021).
16. Lührmann, Anna, Marcus Tannenberg, and Staffan I. Lindberg. 2018. "Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes." *Politics and Governance* 6(1): 60–77. <https://www.cogitatiopress.com/politicsandgovernance/article/view/1214> (October 20, 2021).
17. Maerz, Seraphine F. 2016. "The Electronic Face of Authoritarianism: E-Government as a Tool for Gaining Legitimacy in Competitive and Non-Competitive Regimes." *Government Information Quarterly* 33(4): 727–35. <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X16301484> (October 26, 2020).
18. Marche, Sunny, and James D. McNiven. 2003. "E-Government and E-Governance: The Future Isn't What It Used To Be." *Canadian Journal of Administrative Sciences*

/ Revue Canadienne des Sciences de l'Administration 20(1): 74–86. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1936-4490.2003.tb00306.x> (October 20, 2021).

19. O'Connor, Karl, Soltan Janenova, and Colin Knox. 2019. "Open Government in Authoritarian Regimes." *International Review of Public Policy* 1(1): 65–82. <https://journals.openedition.org/irpp/325> (September 6, 2021).
20. von Soest, Christian, and Julia Grauvogel. 2016. "Comparing Legitimation Strategies in Post-Soviet Countries." In *Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia*, eds. Martin Brusis, Joachim Ahrens, and Martin Schulze Wessel. London: Palgrave Macmillan UK, 18–46. https://doi.org/10.1057/9781137489449_2 (September 10, 2021).
21. von Soest, Christian, and Julia Grauvogel. 2017. "Identity, Procedures and Performance: How Authoritarian Regimes Legitimize Their Rule." *Contemporary Politics* 23(3): 287–305. <https://doi.org/10.1080/13569775.2017.1304319> (September 9, 2021).
22. Tannenberg, Marcus et al. 2021. "Claiming the Right to Rule: Regime Legitimation Strategies from 1900 to 2019." *European Political Science Review* 13(1): 77–94. <https://www.cambridge.org/core/journals/european-political-science-review/article/claiming-the-right-to-rule-regime-legitimation-strategies-from-1900-to-2019/6394D262B708B6199B115DFFEE11BE7C> (September 20, 2021).
23. UNITED NATIONS E-Government Survey 2020 *Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development*. 2020. New York: United Nations Department of Economic and Social Affairs. <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2020>.
24. World Development Report 1997: The State in a Changing World. New York: Oxford University Press.; World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5980> License: CC BY 3.0 IGO. (July 31, 2021).
25. Zabirowa, A.T. (2003) Formirovanie, legitimacija i vosproizvodstvo identichnosti v postsovetском Kazahstane [Formation, legitimization and reproduction of identity in the post-Soviet Kazakhstan]. Sociologicheskie issledovanija, pp.118-125.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В КАЗАХСТАНЕ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА С НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПРИ РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ

Мерей Муратова¹, Мейрамгуль Иссаева²

¹ магистр социальных наук, докторант специальности «политология» факультета журналистики и политологии, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан

² докторант юридических наук, факультет юридический, Эрзинджанский университет им. Бинали Йылдырыма (г. Эрзинджан, Турция)

e-mail: ¹mereige@gmail.com, ²miraisa@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.04>

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению института социального партнерства в Казахстане, как особой формы взаимоотношений государства и гражданского сектора, основанной на идеи социального диалога, равноправия, партнерства и консенсуса, и нацеленной на решение социально значимых задач развития государства и общества. Особое внимание уделяется государственно-частному партнерству в социальной сфере, в частности приводится пример социального партнерства в образовательной сфере. Автором на основе изучения вторичных источников, государственных официальных документов предпринята попытка определения основных этапов становления института, его особенностей, преимуществ, а также проблем и барьеров, возникающих в процессе реализации целей партнерства. На основе проведенного анализа в статье заключается, что при существующих положительных сторонах функционирования социального партнерства имеются определенные негативные моменты, препятствующие дальнейшему укреплению и развитию института.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, неправительственные организации, социальное партнерство, третий сектор, социальная политика

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК СЕРІКТЕСТІК: ӘЛЕУМЕТТІК МӘСЕЛЕЛЕРДІ ШЕШУДЕ МЕМЛЕКЕТ ПЕН ҮКІМЕТТІК ЕМЕС ҰЙЫМДАРДЫҢ ӨЗАРА ӘРЕКЕТТЕСУ МЕХАНИЗМДЕРІ

Мерей Мұратова¹, Мейрамгүл Иссаева²

¹ Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ журналистика және саясаттану факультетінің «Саясаттану» мамандығының докторанты, әлеуметтік ғылымдар магистрі, Нұр-Сұлтан, Қазақстан, e-mail: mereige@gmail.com

² Бинали Йылдырыма атындағы Ерзинжан университеті заң факультетінің заң ғылымдарының докторанты (Эрзинджан, Түркия), e-mail: miraisa@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақала Қазақстандағы әлеуметтік серіктестік институтын мемлекет пен азаматтық сектордың қарым - қатынасының әлеуметтік диалог, теңдік, серіктестік пен консенсус идеясына негізделген және әлеуметтік маңызды мәселелерді шешуге бағытталған ерекше формасы ретінде зерттеуге арналған. Әлеуметтік саладағы мемлекеттік-жекеменшік әріптестікке ерекше назар аударылады, атап айтқанда, білім беру саласындағы әлеуметтік әріптестіктің мысалы келтірілген. Қосымша дереккөздерді, мемлекеттік ресми құжаттарды зерттеу негізінде автор әлеуметтік институттардың қалыптасуының негізгі кезеңдерін, оның ерекшеліктерін, артықшылықтарын, сондай-ақ серіктестік мақсаттарын жүзеге асыру барысында туындайтын мәселелер мен кедергілерді анықтауға тырысты. Мақаланы талдай отырып, әлеуметтік серіктестіктің институты жұмысының оң жақтарымен одан әрі нығайту мен дамуына кедергі келтіретін белгілі бір теріс аспектілер бар деген қорытындыға келеді.

Түйін сөздер: азаматтық қоғам, мемлекет, үкіметтік емес ұйымдар, әлеуметтік серіктестік, үшінші сектор, әлеуметтік саясат

SOCIAL PARTNERSHIP IN KAZAKHSTAN: MECHANISMS OF INTER-ACTION BETWEEN THE STATE AND NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN ADDRESSING SOCIAL ISSUES

Merey Muratova¹, Meiramgul Issaeva²

¹ Master of Social Sciences, doctoral student of the specialty “Political Science” of the Faculty of Journalism and Political Science, ENU named after L.N. Gumilyov, Nur-Sultan, Kazakhstan, e-mail: mereige@gmail.com

² Doctoral student of Law, Faculty of Law, Erzincan University named after Binali Yildirim (Erzincan, Turkey), e-mail: miraisa@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the institute of social partnership in Kazakhstan, as a special form of relations between the state and the civil sector, based on the ideas of social dialogue, equality, partnership and consensus, and aimed at solving socially significant problems of state and society development. Based on the study

of secondary sources and state official documents, the author has attempted to identify the main stages in the formation of the institute, its features, advantages, as well as problems and barriers that arise in the process of implementing the goals of partnership. On the basis of the carried out analysis the article concludes that despite existing positive sides of social partnership functioning there are certain negative moments which prevent from further strengthening and development of the institute.

Keywords: *civil society, state, non-governmental organizations, social partnership, third sector, social policy*

Introduction

Development of institute of social partnership in modern socio-economic, political conditions of society and state functioning is one of key elements of formation and strengthening of civil society which, in turn, causes political stability, dynamic development of national economy and strengthening of social sphere.

Therefore, in our opinion, the study of such an economic category as “social partnership”, which is one of the priority areas of state policy and represents a special type of social relations in the social and labor sphere, is of particular relevance, based on the coordination and protection of the interests of workers, employers and government structures through contracts, agreements, reaching compromises and consensus on labor regulation and economic and political development.

Social partnership is conditioned by the relationship of partners in the process of overcoming the emerging contradictions and conflicts in the sphere of labor and production, as well as achieving agreement in the socio-economic and political interests of the parties. In this regard, one of the primary aspects of the development of the sphere of social and labor relations and regulation of the labor market in the Republic of Kazakhstan, both at the national and regional levels, is a comprehensive consideration and clarification of the modern Kazakhstani model of social partnership.

Social partnership in the broad sense is understood as a system of intersectoral interaction: state, non-governmental sector, business, which on the basis of building equitable, transparent relations is aimed at creating favorable, advantageous for all parties conditions for the implementation and solution of social problems. Thus, the institute of social partnership, on the one hand, contributes to increasing the effectiveness of state social policy and its accessibility to the population, and on the other hand, by establishing cooperation and activation of the third sector, promotes the development of civil society.

For Kazakhstan, the collapse of the Soviet Union and the transition to democracy as a form of governance, as well as to a market system, marked the need to change the system of interaction of power structures with various non-state sectors and, in particular, with the population. At the current stage of socio-economic development of Kazakhstan, the institute of social partnership

plays a special role in the process of further establishment and development of civil society, providing measures to level various kinds of conflicts arising in the sphere of public relations.

In this regard, the study of the origin, formation and development of the institute of social partnership in Kazakhstan, its features, forms and role in strengthening the social dialogue between the state, non-governmental sectors, the business environment and individual citizens is of particular interest.

One of the basic principles of the Universal Labor Society is the principle of partnership participation, which consists in close interaction of the state, business and citizens to ensure a rational balance of interests of the state, society and the individual. As the Head of State notes in the program “Social Modernization: Twenty Steps to the Society of Universal Labor”, “it is important to actively develop social partnership, create conditions for expanding the participation of the non-governmental sector in the modernization of the country, primarily in the social sphere” [1]. As emphasized in the President’s Address to the people of Kazakhstan dated November 30, 2015, “today only the Universal Labor Society is capable of becoming a real basis for an effective economy, resistant to external shocks” [2]. The relevance of the topic corresponds to the Concept of social development of the Republic of Kazakhstan until 2030 and the Plan of social modernization for the period until 2016[3], which determine the need for “effective functioning in the current social model of the national scheme of social partnership based on the distribution of responsibility between the state, employers and citizens”.

Thus, this article is devoted to a review of the main stages in the formation of the institute of social partnership in Kazakhstan, identifying the features and advantages of the Kazakhstani model, as well as problematic moments in the implementation process.

Research Methods

The methodological basis of this study is general scientific dialectical method of cognition as a way of objective and a comprehensive study of reality and its dynamics. The study is based on the study of secondary sources of information, in particular scientific articles, studies conducted earlier on the topic, as well as official government documents, regulations in this area.

Main part

The term social partnership appeared relatively recently at the beginning of XX century, which was defined as a special type of relations in the sphere of labor relations, which are based on the principles of consent and compromise between employees and employers with the participation of the state. Based on a more general interpretation of the phenomenon of social partnership, we can conclude that the theoretical foundations of the concept were already reflected

in the works of such thinkers as J. Locke, J.J. Rousseau, T. Hobbes, C.A. de Saint-Simon, G. Spencer, K. Marx, M. Weber and others [4].

Over time, the phenomenon has expanded the field of its application and, in a general sense, social partnership is understood as various varieties of social interaction between actors of social relations, aimed at achieving harmony, avoiding conflicts and tensions by establishing dialogue and agreements. Here it is worth noting that the tasks of social partnership are diverse, and its forms can vary in relation to different spheres of public life, as well as country specifics.

Today, the institution of social partnership is widely used in the provision of social services and the construction of social infrastructure. In this regard, the main actors of interaction are the state, civil sector organizations, and commercial organizations, while the population is the beneficiary recipient of services. Such cooperation, on the one hand, reduces the pressure on the state bodies to implement social policy, on the other hand, acts as mechanisms to support civil society institutions in their institutional and financial stability, and also increases the quality of the state social sphere, as the solution of its tasks and problems is in the hands of organizations knowledgeable in this area and directly contacting, having point-to-point contact with the recipients of services.

There are several models of the relationship between the state and non-governmental organizations in the provision of social services to the population. The first is continental, based on the experience of continental European states (Germany, France), in which the state funds nongovernmental organizations, which provide various social services to local communities, thus the state guarantees broader coverage of the population with state social benefits.

Anglo-Saxon model (Great Britain) - also assumes funding, support from the state, but in smaller amounts than under the continental model. In general, the relationship between the state and the non-governmental sector is based on agreements, which enshrine the principle of non-interference by the state. This approach allows the civil sector to remain more independent from state support, having other sources of funding, but at the same time remaining in interaction with state structures.

The Scandinavian model, in which the state is the main service provider and NGOs do not participate in the provision of social services for the most part. Non-governmental organizations in this model meet the cultural, sports and communication needs and interests of members of communities and groups targeted by their activities, but without financial support from the state [5].

For Kazakhstan with the acquisition of independence was the issue of formation of civil society, independent civil sector organizations, as well as building a new model of interaction with already existing and new institutions of the sector. The process was complicated by the fact that during the Soviet Union, according to the logic of the party-state apparatus, all public organizations, associations were considered as part of the party mechanism for implementing

the needs of the population, that is, we can conclude that the civil sector was absorbed by the state and was not independent.

The first independent public organizations in Kazakhstan began to be created in the 1980s. Independent trade unions, mass media, public and religious organizations began to actively appear in the country. One of the first and most vivid examples is the Nevada-Semipalatinsk movement. Thus it became necessary to regulate this sphere of social relations, as well as to regulate and interact with state institutions. In June 1991 the Law “On Public Associations in the Kazakh SSR” was adopted.

Adoption of this law even more activated the process of creating new organizations of the non-governmental sector and political parties. The transition to a market system of regulation of the economy, including labor relations, brought the issue of protecting the interests of workers and employers up to date. In 1994, the President of the country signed a decree on the creation of the Republican tripartite commission in the sphere of socio-economic and labor relations [6], which can be considered the beginning of the formation of the institution of social partnership in Kazakhstan.

The next stage in the development of the institution of social partnership was the adoption of the Law “On Social Partnership in the Republic of Kazakhstan” in 2000. Here it is necessary to note that the law and the commission were aimed at regulation of labor relations, i.e. social partnership was understood in its narrowly specialized definition. Thus, the law gave the following definition to the concept - “the system of relations and mechanisms aimed at ensuring coordination of interests of representatives of executive authorities, representatives of employers and employees” Law “On Social Partnership in the Republic of Kazakhstan”[7]. The law also enshrined the principles of equality, consensus, equality of parties in resolving labor issues and conflicts. In addition, a system of commissions at the national, sectoral and regional levels was established, whose tasks were to reconcile the interests of the parties. In 2007, the law lost its force.

Since the early 2000s, the process of formation and strengthening of civil society continued. This stage was characterized by the appearance of various platforms and forms of interaction of the state with the civil sector in various directions: Civil Forum, the Congress of Leaders of World Religions, state programs to support non-governmental organizations, National Commissions, committees of public trust, and others. During this period there was a gradual expansion of the use of ideas of social partnership and opportunities for cooperation between the state and the civil sector in the implementation of the state social and economic policy.

In 2005, the Law “On the State Social Order” was adopted, which secured the possibility for non-governmental organizations to implement state social programs, social projects through a competitive selection. Moreover, the law provides for the creation of specialized consultative and advisory bodies to

discuss and solve the problems of interaction between state bodies and non-governmental organizations.

To date, the law regulates the relations arising not only in the process of the state social order, but also the presentation of grants and awards for NGOs. To coordinate and monitor the implementation of state grants to support civic initiatives and the participation of non-governmental organizations in solving urgent social problems, NPJSC “Center to Support Civic Initiatives” was established. Over the years of the Center’s activity more than 400 different NGO projects have been implemented, both at the state and regional levels. Every year the state also awards prizes for NGOs in 15 areas.

It is worth noting that the state is expanding the scope of the institution of social partnership as a tool for implementing social policy, extending it to the private sector as well. For example, in 2015 the country adopted the Law “On Public-Private Partnership,” which involves the combined efforts of the state and the private (business) sector in addressing the socio-economic development objectives of the state through a balanced distribution of costs, rights and obligations, and based on the contract, partnership and trust of the parties.

Table 1. The system of social partnership in the republic includes the following elements [8]:

- national level	- regional level	- territorial level
- sectoral (inter-sectoral) level	- professional level	- local level

At the national level, social partnership is carried out by republican associations of trade unions and employers, as well as by the Government of the Republic of Kazakhstan or its authorized body. At the national level, annual general agreements are concluded.

The regional (region, several regions) and territorial (city) levels of social partnership are characterized by the participation of the respective associations of trade unions and employers, as well as the executive bodies (akims) of the respective territories.

At the sectoral (inter-sectoral) level, social partnership is provided by the relevant trade unions and employers’ associations. Representatives of the authorized state body responsible for this industry (several industries) act on behalf of the state. The professional level of social partnership covers associations of workers of one profession and their employers; at this level, sectoral and professional tariff agreements are concluded.

At the local level, social partnership is carried out directly in organizations between the trade union committees of organizations and the employer by concluding collective agreements.

The main objectives of the commission are: creation of a system of social

partnership in the field of labor relations, prevention and assistance in the settlement of collective labor conflicts in the context of the transition to a market economy.

Today, public-private entrepreneurship is most actively developing in the field of education. So, for example, as of June 1, 2020, out of 786 PPP contracts concluded, 56% in the amount of about 115 billion tenge [8].

Table 2. PPP projects in education [9].

● Installation and operation of the access control system in educational institutions.	● Construction, reconstruction and operation of the hostel.	● Implementation and operation of intelligent video surveillance systems to ensure safety in schools.
● Construction and operation of boarding schools.	PPP projects in education	● Installation and maintenance of a fire-prevention system (alarm) in educational institutions.
● Construction / reconstruction and operation of camps.		● Construction, reconstruction and operation of schools, lyceum, gymnasium, colleges and higher educational institutions.
● Transfer of educational objects to trust management through the PPP mechanism.		
● Supply / modernization and maintenance / technical support of equipment and technology for educational institutions.	● Organization of catering / modernization and maintenance of catering facilities (canteens) in educational institutions.	● Installation and operation of the lighting system at educational facilities.

State support through certain mechanisms made the field of “Preschool education and training” attractive for the business environment: more than 1/3 of preschool organizations are private (2019 - 40.6%, 2015 - 20.1%). Additional PPP mechanisms should be worked out to create healthy competition between preschool organizations and improve the quality of «Preschool education and training».

The driver of the rapid growth of the network of preschool organizations and the increase in the coverage of children. Preschool education and training «was the mechanism of PPP, which contributed to the creation of investment attractiveness of the sphere of Preschool education and training» for the Kazakhstani business environment. Over the years of the implementation of the GPRS, the number of private preschool organizations almost doubled (+1 963 units) In 2019, the number of private preschool organizations in Kazakhstan was 4 299 units, or 40.6%, which is 15.8% higher than in 2016 (24.8%). For 2016-2019 the indicator increased by 17% and amounted to 42% of the total number of places in preschool organizations. The total number of places in private preschool organizations is 415,520 places, of which 255,256 are in the city, 160,264 - in rural areas. Private preschool organizations covered 351,128

children, which is 39.4% of the total number of children in the network of Preschool education and training. In the dynamics of four years, there is an increase in the share of children covered by non-state preschool organizations by 16% (2016 - 23.2%) [9].

One of the forms of cooperation between the state and the business environment in the field of Preschool education and training is trust management. It means the transfer of existing kindergartens to long-term trust management to a private entrepreneur who undertakes to carry out activities without changing the profile. Trust management is carried out on the basis of an agreement in which the obligations of the two parties are prescribed, and the owner does not lose the right to foreclose on this property or return. In other words, the transfer of kindergartens to trust management with a long service life (from 10 years or more) gives an entrepreneur the opportunity to create comfortable and modern conditions for the safe living and development of children, the provision of additional educational and health services (sections, circles, innovative teaching technologies etc.) and get a profit on your investment [9].

In addition to cooperation of the state with non-governmental and private sectors in the framework of social partnership, in recent years in Kazakhstan there is an intensification of interaction between business and civil society organizations for the implementation of joint social projects in the framework of charity, creation of corporate funds, providing educational grants and others.

For example, this year a new BINOM School was opened in Nur-Sultan, a new brand for the introduction of advanced methods in Kazakhstan's general education process. Education in these schools is planned on the basis of domestic model and advanced international systems of Finland, Great Britain and South Korea. The project was realized on the principle of public-private partnership (PPP) by innovative building holding BI Group together with Nur-Sultan akimat, it is planned to open 6 schools of such format.

Thus, we can conclude that Kazakhstan has established institutional and legislative mechanisms for the functioning of the institute of social partnership with various sectors.

The main objectives of PPP are:

a) creation of conditions for effective interaction of the state partner and the private partner in order to ensure sustainable socio-economic development of the Republic of Kazakhstan;

b) attraction of investments into the economy of the state by combining resources of the state partner and the private partner for development of infrastructure and life support systems of the population;

(c) Improving the availability and quality of goods, works and services, taking into account the interests and needs of the population as well as those of other stakeholders;

d) increasing the overall innovation activity in the Republic of Kazakhstan, including the promotion of high-tech and science-intensive industries.

Another feature of Kazakhstan is the automation, digitalization of the processes of interaction between the state and the non-governmental sector through established mechanisms for a more open, transparent selection of NGO organizations to implement social tasks. At the same time, the state is also attempting to expand partnerships and establish a dialogue with the civil sector on political decision-making, creating various platforms of interaction: open discussion of draft regulations, the functioning of the Public Councils, the National Council of Public Trust and others.

For example, at Nur-Sultan City Akimat in order to attract investors to investment projects and mutually beneficial cooperation, the Center for Public-Private Partnership LLP «ASTANA INVEST», which within its activities provides advisory support for urban PPP projects.

However, at the same time, there are certain barriers that hinder the further development of dialogue between the state and the non-governmental sector. Despite the fact that the state actively creates various platforms of interaction, often some of them duplicate each other's functions, which creates an excessive "burden" of the entire system of social partnership. In addition, due to the presence of difficulties in explaining the goals and objectives of public policy at the regional level, there is a formal attitude and low interest of public authorities in those institutions, tools and mechanisms created to implement social projects, initiatives in partnership with the civil sector.

The preservation of regional and sectoral imbalance of civil sector representation, especially in the rural-urban context, contributes to a similar imbalance in the functioning of the institution of social partnership, which affects its effectiveness as a whole, since a certain layer of the population remains uncovered by social services, infrastructure [10].

Weak outreach, both by government agencies and non-governmental organizations, lack of human resources, also affects the coverage of services provided by the partnership [11].

In addition, despite the availability of certain tools to exclude the emergence of corruption schemes, the high level of corruption in the country, the low level of zero tolerance for corruption offenses contributes to its manifestation in the sphere of public social order, which again actualizes the issue of efficiency.

Discussion of results

The mechanisms of financial support of non-governmental organizations built by the state, on the one hand, support the development of civil society in the country, but on the other hand, form the dependence of civil sector organizations on the state source of funding, which can be reflected in impartiality and neutrality of organizations, while there is a possibility of the state authorities to support only "loyal" organizations [12].

At the same time, work to remove these barriers on the part of the state

is underway. In particular, NP JSC «Center to Support Civic Initiatives» implements a campaign of small grants for rural NGOs, launched the “NGO Academy” project to train leaders of organizations, etc. However, it is too early to talk about their effectiveness, since they started relatively recently.

Conclusion

Institute of social partnership today went beyond its original understanding as an instrument to regulate labor relations, based on the principles of equality, consensus, partnership between employers and employees with the direct participation and guarantee from the state. Social partnership in a broad sense is used to denote a special form of relationship between the state, civil, private sector, which is also based on the principles of equality, mutual trust, mutual benefit, openness, dialogue, etc.

Kazakhstan is at the stage of formation, both with respect to civil society and the institute of social partnership. One of the strengths is the established institutional and legislative framework for the development of social dialogue between the state and the civil sector. However, at the same time there are also negative sides that hinder the development of social partnership, related to corruption, population coverage, regional and sectoral imbalance, information activities, low political and legal culture, interest of state bodies and others.

At the same time, the current legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of public-private partnership has certain gaps and shortcomings, there are also difficulties in law enforcement practice, which, in turn, impede the development of a public-private partnership mechanism. In particular, there are issues that arise in the process of preparing and implementing a public-private partnership project, concluding, executing and terminating a public-private partnership agreement [13].

Recommendations

In order to increase the effectiveness of the existing mechanisms of social partnership between the state and the civil sector in the implementation of social programs and projects, it is necessary: firstly, to expand opportunities for training, consulting non-governmental organizations in matters of interaction with government bodies, opportunities within the framework of social partnership, as well as clarifications algorithms of actions when submitting an application, with special attention to be paid to NGOs working in rural areas; secondly, to conduct more targeted information and explanatory seminars for civil servants of authorized bodies implementing social policy in order to increase their knowledge in the field of goals and objectives of specific policy areas, as well as their functionality within the framework of their implementation; thirdly, to conduct an audit of existing forms and tools of social partnership in order to identify problematic issues that complicate and complicate the process of implementing cooperation, which also affects its effectiveness. In order to stimulate the attraction of private investors,

together with interested state bodies, to further improve the legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of public-private partnerships on taxation issues.

References

1. N. Nazarbayev. Social Modernization of Kazakhstan: Twenty Steps to the Society of Universal Labor. Global trend of social modernization // <http://www.zakon.kz/4501497-socialnaja-modernizacija-kazakhstan.html>. (date of access: 20.10.2021).
2. Message from the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the people Kazakhstan "The Kazakhstani way - 2050: A common goal, common interests, common future". January 17, 2014 // Official website of the President of the Republic Kazakhstan www.akorda.kz: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/ / [poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nnazarbaeva-narodu-kazakhstan17-yanvarya-2014-g.](https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000396) (date of access: 20.10.2021).
3. On approval of the Concept of social development of the Republic of Kazakhstan until 2030 and the Plan of social modernization for the period until 2016, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000396> (date of access: 20.10.2021).
4. Dekhanova N. Social partnership as a mechanism for coordinating group interests. Moscow University Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science, 2018, Vol.14, No. 4. Pp. 117-125.
5. Timashova A. Social partnership of the state and civil society in solving social problems: theoretical aspect. Bulletin of the Volga State Academy of Public Administration. 2014. No. 4 (43). S. 122-128.
6. Lapins V., Chebotarev A. Civil society in the Republic of Kazakhstan: conceptual foundations and reality of development. F. Ebert Foundation: Almaty, 2012. S. 216.
7. Law of the Republic of Kazakhstan dated December 18, 2000 N 129-II. Abolished by the Law of the Republic of Kazakhstan dated May 15, 2007 N 252. [Electronic resource] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000129_ (date accessed: 28.10.2021)
8. Interview on the development of PPP in Kazakhstan: state, trends and prospects <https://primeminister.kz/ru/news/interviews/intervyu-o-razvitie-gchp-v-kazhastane-sostoyanie-tendencii-i-perspektivy-1053646> (date accessed: 28.10.2021)
9. National report on the state and development of the education system of the Republic of Kazakhstan (based on the results of 2019). - Nur-Sultan: Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, JSC "Information and Analytical Center", 2020. - 105 pages
10. Makhmutova M., Akhmetova A. The Civil Society Index Analytical Country Report for Kazakhstan. [Electronic resource] - 2011. - URL: <https://www.civicus.org/index.php/media-center/reports-publications/csi-reports/asia> (date of access: 20.10.2021).
11. Kaznacheev M.P. Impact of NGOs on the expansion of civic participation in Kazakhstan. [Electronic resource] - 2018. - URL: <https://isca.kz/ru/analytics-ru/1> (date of access: 09/28/2021).
12. Gusarova A. Regulation of state support for NGOs in Kazakhstan: The devil is in the details. [Electronic resource] - 2016. - URL: https://www.soros.kz/wpcontent/uploads/2018/02/regulation_of_the_state_support.pdf (date accessed: 28.10.2021)
13. Recommendations of the Committee for Social and Cultural Development and Science of the Senate of the Parliament of the Republic of Kazakhstan following the IV-session of the VI-convocation (2018-2019), <https://senate.parlam.kz/storage/56e930d9b2534ffa91305e11ed2b311d.pdf> (date accessed: 28.10.2021)

МРНТИ:
10.21.53

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ КАЗАХСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ

Бауыржан Темирбаев¹, Ксения Загал²,
Салтанат Ахметжанова³

¹ Ведущий эксперт Центра научной экономической экспертизы и исследований АО «Институт экономических исследований», г. Нур-Султан,
e-mail: temir_adam@bk.ru

² Заместитель директора Центра научной экономической экспертизы и исследований АО «Институт экономических исследований», г. Нур-Султан,
e-mail: kseniazagal@icloud.com

³ Директор Центра научной экономической экспертизы и исследований АО «Институт экономических исследований», доктор экономических наук, г. Нур-Султан,
e-mail: a.saltanat@bk.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.05>

Аннотация. В статье проведен анализ эффективности осуществляемой в Казахстане инвестиционной политики, оценено влияние пандемии COVID-19 на потоки инвестиций. Изучены инвестиционные меры в ответ на пандемию COVID-19, принятые Казахстаном и зарубежными странами. Разработаны рекомендации по улучшению инвестиционного климата Казахстана и решения существующих в настоящее время проблемных вопросов инвестиционной политики.

Ключевые слова: инвестиционный климат, инвестиционная политика, модель межотраслевого баланса, эффективность инвестиций, COVID-19.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ИНВЕСТИЦИЯЛЫҚ КЛИМАТЫ: ӨЗГЕРІСТЕРДІҢ БЕТАЛЫСТАРЫ

Бауыржан Темірбаев¹, Ксения Загал², Салтанат Әхметжанова³

¹ «Экономикалық зерттеулер институты» АҚ Ғылыми экономикалық сарап-

тама және зерттеулер орталығының жетекші сарапшысы, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: temir_adam@bk.ru

² «Экономикалық зерттеулер институты» АҚ Ғылыми экономикалық сараптама және зерттеулер орталығы директорының орынбасары, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: kseniazagal@icloud.com

³ «Экономикалық зерттеулер институты» АҚ Ғылыми экономикалық сараптама және зерттеулер орталығының директоры, экономикалық ғылымдар докторы, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: a.saltanat@bk.ru

Аңдатпа. Мақалада Қазақстанда жүзеге асырылатын инвестициялық саясаттың тиімділігіне талдау жүргізілген, COVID-19 пандемиясының инвестициялар ағымына әсері бағаланған. Қазақстан мен шет елдерінің COVID-19 пандемиясына жауап ретінде қабылдаған инвестициялық шаралары зерттелген. Қазақстанның инвестициялық климатын жақсарту бойынша ұсыныстар және қазіргі уақытта бар инвестициялық саясаттың проблемалық мәселелерінің шешімдері әзірленген.

Негізгі сөздер: инвестициялық климат, инвестициялық саясат, салааралық теңгерім моделі, инвестициялар тиімділігі, COVID-19.

INVESTMENT CLIMATE OF KAZAKHSTAN: TRENDS OF CHANGE

Bauyrzhan Temirbayev¹, Ksenia Zagal², Saltanat Akhmetzhanova³

¹ Leading expert of the Center for Scientific Economic Expertise and Research «Economic Research Institute» JSC, Nur-Sultan, e-mail: temir_adam@bk.ru

² Deputy Director of the Center for Scientific Economic Expertise and Research «Economic Research Institute» JSC, Nur-Sultan, e-mail: kseniazagal@icloud.com

³ Director of the Center for Scientific Economic Expertise and Research «Economic Research Institute» JSC, Doctor of Economics, Nur-Sultan, e-mail: a.saltanat@bk.ru

Abstract. The article analyses the effectiveness of Kazakhstan's investment policy and assesses the impact of the COVID-19 pandemic on investment flows. Investment measures in response to the COVID-19 pandemic taken by Kazakhstan and foreign countries have been studied. Recommendations have been developed to improve Kazakhstan's investment climate and address current investment policy issues.

Keywords: investment climate, investment policy, input-output model, investment efficiency, COVID-19.

Введение

Благоприятный инвестиционный климат является основой достижения сильного, устойчивого и сбалансированного экономического роста.

В Казахстане созданию благоприятного инвестиционного климата уде-

ляется особое внимание. Так, согласно Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 г. политика государства будет направлена на дальнейшее создание благоприятных условий для привлечения и удержания инвестиций путем повышения уровня защиты прав инвесторов, улучшения инфраструктуры, а также увеличения прозрачности регулирования инвестиционной деятельности [1]. На международном уровне необходимость создания благоприятного инвестиционного климата подчеркивается и в Аддис-Абебской программе действий 3-й международной Конференции по финансированию развития [2].

Однако постоянно меняющиеся внешние условия требуют корректировки в проводимой государством инвестиционной политике, поскольку экономический рост обеспечивается, в том числе за счет инвестиционной деятельности. Так, глобальное распространение COVID-19 сильно повлияло на темпы роста экономики и потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В Казахстане в 2020 г. по сравнению с 2019 г. ПИИ снизились на 29,6% с 24,3 млрд долларов США до 17,1 млрд долларов США [3]. Мировые потоки ПИИ в 2020 г. снизились на 42,3% с 1,5 трлн долларов США в 2019 г. до 859 млн долларов США в 2020 г. В 2021 г. по данным ЮНКТАД ПИИ снизятся еще на 5-10%, восстановление начнется в 2022 г. [4].

Следует отметить, что пандемия COVID-19 серьезно повлияла и на транснациональные компании (ТНК), поставив под угрозу их вклад в важнейшие результаты развития данных экономик. Помимо привлечения капитала в развивающиеся страны, ТНК являются ключевыми движущими силами мировой торговли, на которые приходится около 80% общего экспорта.

Группой Всемирного банка в марте 2020 г. был проведен опрос иностранных инвесторов в развивающихся странах. Так, по результатам данного опроса 93% респондентов испытали негативные последствия из-за COVID-19 в первом квартале 2020 г. Примерно 3/4 респондентов сообщили о снижении надежности цепочки поставок и производительности труда по сравнению с ожиданиями в докризисный период. Несмотря на то, что ТНК зачастую имеют более широкий доступ к капиталу, около 2/3 респондентов сообщили о сокращении производства и доступности финансов и ликвидности. 80% респондентов сообщили о снижении доходов и чистых доходов по сравнению с ожиданиями до кризиса. Ухудшение показателей работы и неопределенности, связанной с пандемией COVID-19, привело к сокращению инвестиций более половины респондентов в среднем на 30% [5].

Учитывая особую роль инвестиций в восстановлении экономического роста, многими странами принимаются меры по поддержке инвестиционной деятельности, что порождает серьезную конкуренцию за их привлечение. Следовательно, разработка своевременных мер для создания благоприятного инвестиционного климата в период кризиса является одной из приоритетных задач государства, что предопределяет актуальность настоящей статьи.

Методы исследования

В процессе анализа использованы методы экономико-статистического, сравнительного и экономического моделирования, в частности, использование модели межотраслевого баланса для оценки эффективности инвестиций.

Результаты исследования

В Казахстане законодательное регулирование инвестиционной деятельности осуществляется 20 нормативно-правовыми актами (кодексы и законы) [6]. При этом, основные положения, регулирующие инвестиционную деятельность, изложены в Предпринимательском кодексе. Некоторые вопросы в части привлечения инвестиций регулируются отдельными законами страны, такими как «О Международном финансовом центре «Астана», «О специальных экономических и промышленных зонах», «О концессиях», «О государственно-частном партнерстве» и др.

Осуществление инвестиционной деятельности также регулируется в рамках Национальной инвестиционной стратегии на 2018-2022 гг., целью которой является создание благоприятного инвестиционного климата и привлечение инвестиций, ориентированных на повышение эффективности. Для достижения данной цели определены следующие направления:

- улучшение инвестиционного климата в стране;
- реализация эффективных операционных мер и разработка новых подходов привлечения инвестиций;
- соответствие плана приватизации и механизмов государственно-частного партнерства с приоритетами привлечения ПИИ [7].

Следует отметить, что привлечение инвестиций обеспечивается не только на законодательном уровне, а также посредством заключения соглашений о взаимной защите инвестиций. В настоящее время в Казахстане заключено 51 соглашение о взаимной защите инвестиций, из которых 43 действующих, 4 на стадии ратификации, 4 соглашения утратили силу (Индия, Румыния, Италия, Финляндия) [8].

Таким образом, в настоящее время инвестиционная деятельность Казахстана регламентирована Предпринимательским кодексом, отдельными законами, национальными стратегиями, а также посредством соглашений о взаимной защите инвестиций.

Следует отметить, что инвестиционная политика Казахстана направлена на создание благоприятных условий для привлечения инвестиций. Так, для инвесторов предусматривается предоставление государственной поддержки, гарантии правовой защиты их деятельности и стабильности инвестиционного законодательства, предоставление инвестиционных субсидий, инвестиционных и налоговых преференций, разрешение инвестиционных споров и др.

Среди значимых изменений в инвестиционной политике страны за последние годы следует отметить переход в конце 2018 г. Комитета по инве-

стициям от Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан в структуру Министерства иностранных дел Республики Казахстан с передачей функций по реализации инвестиционной политики во внешнеполитическое ведомство, и функций по формированию государственной политики по привлечению инвестиций в Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Следовательно, в настоящее время инвестиционная политика страны определяется Министерством национальной экономики Республики Казахстан, а за ее реализацию отвечает Комитет по инвестициям при Министерстве иностранных дел Республики Казахстан.

Единым координатором по привлечению иностранных инвестиций и продвижению инвестиционного имиджа Казахстана выступает Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА). Кроме того, на его территории создан Международный арбитражный центр (МАЦ) и независимый суд МФЦА. МАЦ представляет собой альтернативу суду МФЦА по внесудебному разрешению споров.

Предоставление поддержки инвесторам в части взаимодействия с различными органами и организациями, а также предоставление информации по перспективным и реализуемым инвестиционным проектам возлагается на Национальную компанию «Kazakh Invest». Кроме того, функционал компании включает в себя решение таких вопросов, как сопровождение инвесторов в каждом регионе Казахстана через местные представительства, содействие в организации сделок по финансированию проекта, получении государственных преференций, постинвестиционная поддержка и др.

Следует отметить, что в стране действуют консультативно-совещательные органы, направленные на рассмотрение проблемных вопросов инвесторов и принятие системных мер по их разрешению: Совет иностранных инвесторов при Президенте Республики Казахстан, Совет по улучшению инвестиционного климата при Премьер-Министре, Координационный совет по вопросам привлечения инвестиций при Правительстве, Казахстанско-Европейская диалоговая площадка, а также Инвестиционный омбудсмен в лице Премьер-Министра.

В настоящее время Казахстаном ведется активная работа по сотрудничеству с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Так, в рамках данного сотрудничества, в 2011-2012 гг. экспертами Комитета по инвестициям ОЭСР был проведен Первый Обзор, в 2015-2017 гг. – Второй Обзор инвестиционной политики Казахстана, по итогам были разработаны рекомендации для дальнейшего улучшения инвестиционного климата страны. Следует отметить, что в июне 2017 г. Казахстан стал членом Комитета по инвестициям ОЭСР и присоединился к Декларации ОЭСР по международным инвестициям и многонациональным предприятиям [9].

Таким образом, в Казахстане осуществляется активная инвестиционная политика, направленная на создание благоприятного инвестиционного климата и обеспечение привлекательных условий для инвесторов.

В целом, проводимая инвестиционная политика Казахстана показывает хорошие результаты, о чем свидетельствует 25 место из 190 стран в ежегодном отчете Всемирного банка о ведении бизнеса 2020. В сравнении с прошлым годом страна улучшила свою позицию на 3 пункта. Так, показатель благоприятности условий ведения бизнеса в стране увеличился с 74,8 в 2016 г. до 79,6 в 2019 г. Из компонентов индекса следует отметить рост показателя «получение кредитов» (2016 г. – 55, 2019 г. – 80) за счет повышения индекса уровня защиты кредитных операций с 4 до 8. По показателю «подключение к системе электроснабжения» наблюдается рост с 73,6 до 81,6, который произошел за счет снижения количества процедур с 7 до 6, количества дней с 77 до 71, цены за электроэнергию с 9,8 до 4,4 центов долларов США за киловатт-час. Кроме того, рост наблюдается по показателю «защита миноритарных инвесторов», который произошел за счет увеличения индексов юридической ответственности руководителей (с 8 до 9), прав акционеров (с 5 до 6), развития структуры управления (с 5 до 6) и уровня защиты миноритарных инвесторов (с 39 до 42) (Таблица 1) [10].

Таблица 1. Показатели Doing Business за 2016-2019 гг. по Казахстану

Показатели	2016	2017	2018	2019
Показатель благоприятности условий ведения бизнеса	74,8	76,9	78	79,6
Создание предприятий	91,9	91,9	93	94,4
Получение разрешений на строительство	74,7	74,4	74,3	76,5
Подключение к системе электроснабжения	73,6	76,8	81,6	81,6
Регистрация собственности	83,8	85	85	82,4
Получение кредитов	55	65	65	80
Защита миноритарных инвесторов	78	84	84	84
Налогообложение	78,6	78	78	78,2
Международная торговля	67,9	67,9	70,4	70,4
Обеспечение исполнения контрактов	75,7	77,6	81,3	81,3
Разрешение неплатежеспособности	69,2	67,5	67,8	66,7

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка (www.russian.doingbusiness.org/ru/doingbusiness)

Примечание: использованы данные с 2016 г. в связи с изменением методики

Следует отметить, что отдельные исследования зарубежных экономистов показывают связь между легкостью ведения бизнеса и притоком ПИИ. Так, в работе [11] заключается вывод о следующем: страны, которые имеют лучшие показатели «ведения бизнеса», привлекают больше иностранных инвестиций. При этом, автором работы акцентируется внимание на увеличение темпов роста притока ПИИ в развивающихся странах при улучшении показателей легкости ведения бизнеса, таких как «открытие бизнеса», «закрытие бизнеса» и «защита инвесторов». Тематическое исследование [12] свидетельствует о значительной корреляции между пока-

зателями «Ведение бизнеса» и потоками ПИИ. Результаты исследования подтверждают, что «Ведение бизнеса» отражает общий инвестиционный климат в стране. Для этого был проведен регрессионный анализ между показателями легкости ведения бизнеса и притоком ПИИ. Также в работе [13] автором легкость ведения бизнеса отобрана как индикатор, отражающий инвестиционный климат.

Таким образом, показатели Doing Business имеют значение не только для предпринимательства, но и отражают общий инвестиционный климат в стране.

При этом благоприятный инвестиционный климат способствует привлечению инвестиций. Так, за 2010-2020 гг. инвестиции в основной капитал Казахстана увеличились в реальном выражении на 64,9%, в номинальном выражении – на 7,7 трлн тенге с 4,7 трлн тенге до 12,3 трлн тенге. Среднегодовой темп роста составил 104,5%. Следует отметить падение инвестиций в основной капитал в 2020 г. в результате кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Так, в 2020 г. произошло сокращение на 3,5% по сравнению с 2019 г., что явилось первым отрицательным значением за последние 9 лет (Рисунок 1) [14].

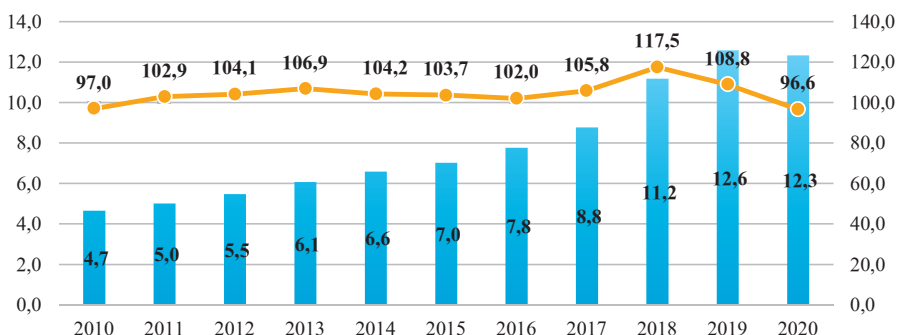

Рисунок 1. Динамика инвестиций в основной капитал за 2010-2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (www.stat.gov.kz)

В первом квартале 2021 г. динамика инвестиций в основной капитал остается отрицательной. Так, объем инвестиций в основной капитал составил 2,1 трлн тенге, что меньше на 196,4 млрд тенге по сравнению с 2020 г. того же периода. В реальном выражении инвестиции упали на 9,6%.

В анализируемом периоде наибольшая доля инвестиций в основной капитал приходилась на горнодобывающую промышленность. Их доля в общей структуре в 2020 г. составила 33,6% (4 143,1 млрд тенге) (Таблица 2). В связи с преобладанием доли горнодобывающей промышленности в региональном разрезе наибольшая доля инвестиций в 2020 г. приходится на Атыраускую область – 27% (3 330,8 млрд тенге) (Таблица 3).

Таблица 2. Инвестиции в основной капитал в разрезе отраслей за 2010-2020 гг. (млрд. тенге)

Отрасли	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Всего	4653,5	5010,2	5473,2	6072,7	6591,5	7024,7	7762,3	8770,6	11179,0	12576,8	12322,7
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	83,6	109,4	133,9	139,6	173,3	163,9	253,7	348,5	365,0	495,0	573,2
Промышленность	2586,8	2653,5	2864,3	3069,8	3508,9	3863,1	4320,4	4769,6	6567,4	7786,3	6355,1
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	1652,0	1593,6	1599,7	1769,4	1985,0	2296,6	2730,1	2960,3	4494,0	5550,1	4143,1
Обрабатывающая промышленность	413,1	481,9	610,7	686,9	728,6	825,3	877,9	956,2	1241,9	1017,1	1062,7
Электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование	335,4	349,8	416,4	441,5	570,2	545,1	490,9	570,8	543,6	915,5	728,9
Водоснабжение; канализационная система, контроль над сбором и распределением отходов	186,3	228,1	237,6	172,0	225,2	196,2	221,5	282,4	287,8	303,7	420,4
Строительство	55,5	58,0	70,1	60,2	69,2	98,1	63,7	92,9	114,2	122,5	80,1
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	96,3	95,6	117,6	113,6	136,0	137,8	156,3	207,5	218,6	234,9	181,7
Транспорт и складирование	734,5	896,3	1038,7	1453,7	1192,6	1138,6	1176,2	1262,9	1453,1	1223,8	1284,2
Услуги по проживанию и питанию	26,3	32,6	41,2	36,2	49,4	48,3	80,8	129,5	192,1	148,4	144,6
Информация и связь	59,1	137,0	132,7	112,2	123,0	105,4	57,7	79,0	99,2	103,5	140,9
Финансовая и страховая деятельность	45,8	37,7	37,3	54,1	59,3	53,6	61,5	60,1	65,6	90,8	81,8
Операции с недвижимым имуществом	382,8	483,2	459,4	527,5	658,5	787,4	916,2	1128,0	1410,1	1632,8	2163,3
Профессиональная, научная и техническая деятельность	123,4	76,6	93,6	60,5	61,6	51,0	51,9	54,0	45,7	76,8	105,5
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	42,9	26,2	36,8	28,8	54,9	141,2	237,9	136,3	142,4	102,9	150,5
Государственное упр. и оборона; обязательное соц. обеспечение	32,8	55,0	71,5	53,1	47,2	37,4	36,0	54,9	57,4	51,9	79,7
Образование	140,6	161,6	187,7	154,6	220,4	198,6	207,5	257,2	205,3	209,2	301,6
Здравоохранение и социальные услуги	154,9	100,4	80,0	103,3	114,0	74,6	64,3	93,7	113,2	126,5	305,1
Искусство, развлечения и отдых	84,5	74,9	101,4	97,8	113,5	113,6	68,8	75,1	104,2	155,9	343,9
Предоставление прочих видов услуг	3,7	12,1	6,9	7,8	9,7	12,0	9,3	21,2	25,4	15,8	31,5

Источник: составлено авторами по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (www.stat.gov.kz)

Таблица 3. Инвестиции в основной капитал в разрезе регионов за 2010-2020 гг. (млрд. тенге)

Регионы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Казахстан	4 653,5	5 010,2	5 473,2	6 072,7	6 591,5	7 024,7	7 762,3	8 770,6	11 179,0	12 576,8	12 322,7
Акмолинская область	106,9	122,8	143,8	141,7	181,3	199,0	223,0	264,9	278,2	333,7	426,0
Актюбинская область	364,5	386,1	433,0	496,2	526,2	349,9	374,0	438,0	516,9	598,9	646,8
Алматинская область	306,6	372,9	383,8	431,4	453,2	490,6	528,9	524,2	578,7	647,3	680,7
Атырауская область	1 105,4	1 076,9	1 034,0	1 038,4	1 129,6	1 470,3	2 036,9	2 468,6	3 691,4	4 328,2	3 330,8
Западно-Казахстанская область	233,6	170,4	164,7	193,9	270,1	366,0	401,6	407,6	450,4	586,3	467,5
Жамбылская область	146,8	106,6	152,4	248,8	208,6	194,3	215,9	225,9	264,5	296,4	344,1
Карагандинская область	211,1	253,0	323,8	405,0	411,9	343,4	317,6	363,3	489,0	811,4	678,2
Костанайская область	120,9	150,7	163,8	180,4	192,1	163,0	178,5	202,3	249,3	288,7	329,5
Кызылординская область	246,9	222,0	256,0	371,9	262,6	237,0	215,9	243,1	332,7	400,2	291,7
Мангистауская область	372,0	369,6	396,4	440,0	532,2	459,0	405,6	434,4	504,6	556,6	576,4
Южно-Казахстанская область	262,6	273,1	318,2	415,3	449,4	417,6	380,6	485,4			
Павлодарская область	185,5	207,7	263,5	276,2	353,1	451,7	439,8	483,8	412,0	494,6	486,0
Северо-Казахстанская область	51,2	69,0	98,0	101,8	116,9	155,4	167,1	191,7	214,2	234,5	281,7
Туркестанская область									314,1	443,5	703,3
Восточно-Казахстанская область	144,7	241,6	266,2	301,2	345,9	411,9	436,8	436,1	494,6	621,9	714,5
г. Нур-Султан	396,6	572,2	617,5	547,5	646,6	782,3	858,7	956,9	1 067,5	919,1	1 115,6
г. Алматы	398,4	415,4	458,3	482,9	511,6	533,4	581,6	644,4	732,9	820,4	971,2
г. Шымкент									588,0	195,0	278,5

Источник: составлено авторами по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (www.stat.gov.kz)

В 1 квартале 2021 г. наблюдается снижение доли горнодобывающей промышленности, следовательно, и Атырауской области в общем объеме инвестиций в основной капитал. Так, доля горнодобывающей промышленности упала с 57,4% до 36,7% по итогам первого квартала 2021 г. Причиной снижения является замедление экономического роста ввиду распространения пандемии COVID-19.

В отличие от инвестиций в основной капитал динамика ПИИ за 2010-2020 гг. не демонстрировала постоянный рост. Так как большая часть ПИИ приходится на горнодобывающую отрасль, во многом их динамика зависит от цен на нефть. Так, пик пришелся на 2012 г., когда валовый приток составил 28,9 млрд долларов США. В том же году зафиксирована максимальная цена на нефть в анализируемом периоде в 112 долларов США за баррель. Далее с падением цен на нефть сокращаются ПИИ: в 2015 г. ПИИ снизились до 15,4 млрд долларов США. После наблюдается некоторое оживление, которое прерывается начавшимся кризисом в 2020 г. (Рисунок 2) [3].

Рисунок 2. Динамика ПИИ за 2010-2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным Национального Банка Республики Казахстан (www.nationalbank.kz)

В структуре валового притока ПИИ также преобладает горнодобывающая промышленность, доля которой увеличилась с 26,9% в 2010 г. до 48,1% в 2020 г. [3].

В целом, увеличение доли горнодобывающей промышленности в общем объеме инвестиций в основной капитал и ПИИ может быть связано с

открытием новых месторождений за данный период и, как следствие, увеличением инвестиций в данную отрасль.

Поскольку наибольшая доля инвестиций приходится на горнодобывающую промышленность, видится целесообразным рассмотреть эффективность инвестиций в разрезе отраслей. Для этого можно использовать мультипликаторы выпуска межотраслевого баланса, которые представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Эффективность инвестиций в разрезе отраслей

Отрасль	Прямой эффект	Косвенный эффект	Эффект всего
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	0,40	0,21	0,61
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	0,44	0,24	0,68
Обрабатывающая промышленность	0,31	0,18	0,48
Электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование	0,51	0,27	0,78
Водоснабжение; канализационная система, контроль над сбором и распределением отходов	0,47	0,25	0,72
Строительство	0,56	0,30	0,86
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	0,31	0,17	0,48
Транспорт и складирование	0,40	0,20	0,61
Услуги по проживанию и питанию	0,44	0,23	0,67
Информация и связь	0,36	0,19	0,55
Финансовая и страховая деятельность	0,30	0,15	0,45
Операции с недвижимым имуществом	0,19	0,12	0,31
Профессиональная, научная и техническая деятельность	0,28	0,16	0,44
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	0,39	0,21	0,60
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	0,58	0,30	0,88
Образование	0,37	0,23	0,61
Здравоохранение и социальные услуги	0,75	0,39	1,14
Искусство, развлечения и отдых	0,54	0,30	0,84
Предоставление прочих видов услуг	0,29	0,16	0,45

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (www.stat.gov.kz)

По данным Таблицы 4 можно отметить, что наибольший эффект инвестиций наблюдается по отрасли здравоохранения и социальных услуг: при увеличении инвестиций на 1% эффективность валового выпуска составит 1,14%, где 0,75 – прямой эффект, 0,39 – косвенный. Далее по эффективности идет государственное управление, где прирост инвестиций на 1% вле-

чет увеличение валового выпуска на 0,88%, из них 0,58 – прямой эффект, 0,3 – косвенный. Третьим по эффективности выступает строительство – 0,86%. Наименьшая отдача инвестиций наблюдается в отраслях операций с недвижимым имуществом (0,31%), профессиональной, научной и технической деятельности (0,44%), предоставлении прочих видов услуг (0,45%).

Таким образом, полученные результаты могут служить точечным ориентиром при совершенствовании инвестиционной политики, в частности, при диверсификации структуры инвестиций.

Следует отметить, что инвестиционная политика вносит важный вклад в борьбу с разрушительными экономическими и социальными последствиями пандемии COVID-19.

В ответ на COVID-19 в 2020 г. Казахстаном принимались следующие меры инвестиционной политики:

- отмена начисления и уплаты налогов и других платежей с фонда оплаты труда для малого и среднего бизнеса (МСБ) в сфере питания, торговли, транспортных услуг, консультационных услуг, IT, гостиничного бизнеса, туризма и др. с 1 апреля до 1 октября 2020 г. [15];
- предоставление отсрочек по уплате всех видов налогов и других обязательных платежей сроком на 3 месяца без начисления штрафов и пени;
- сервисная поддержка инвесторов Национальной компаний «Kazakh Invest»;
- оптимизация процессов по заключению инвестиционных контрактов и визово-миграционным услугам. Так, внедрена возможность получения ходатайства Комитета по инвестициям на получение инвесторской визы за 5 рабочих дней на портале elicense.kz;
- автоматизация государственной услуги «Заключение инвестиционного контракта на реализацию инвестиционного проекта, предусматривающего осуществление инвестиций и предоставление инвестиционных преференций» на портале elicense.kz. и другие.

Кроме того, 20 мая 2020 г. Постановлением Правительства Республики Казахстан был утвержден Комплексный план по восстановлению экономического роста до конца 2020 г., в котором привлечение инвестиций выделено отдельным направлением. Отдельно стоит отметить в Комплексном плане роль МФЦА в решении задач по восстановлению и обеспечению дальнейшего роста экономики после кризиса путем привлечения инвестиций. В мае 2020 г. Президентом страны было дано поручение руководству МФЦА активнее использовать потенциал центра для привлечения инвестиций и развития фондового рынка в свете предстоящей приватизации государственных активов. Также была отмечена необходимость обеспечения доступа бизнеса к использованию суда и арбитража МФЦА для разрешения хозяйственных споров [16].

Вместе с тем, стоит отметить меры регулятора международного финан-

сового центра (AFSA) для поддержки участников рынка МФЦА, обеспечения целостности рынка и финансовой стабильности, которые позволяют облегчить негативное воздействие на регулируемые фирмы из-за исключительных обстоятельств, вызванных COVID-19. Одним из незамедлительных шагов, который предпринял AFSA, является продление срока представления различных видов обязательной отчетности на 30 календарных дней после окончания чрезвычайного положения в Казахстане [17].

Следует отметить, в ответ на COVID-19 многие страны по всему миру приняли меры в поддержку своих инвестиций.

В докладе ЮНКТАД [18] приводится обзор мер инвестиционной политики стран, а также предварительные мероприятия по разработке посткризисной инвестиционной политики. Согласно данному докладу меры разделены на меры, принимаемые на национальном уровне и меры, принимаемые на международном уровне.

Меры, принимаемые на национальном уровне:

1) *Содействие инвестированию.* Смягчение административного бремени для фирм и сокращение бюрократических препятствий способствует более эффективным производственным процессам и в данном направлении многие страны уже предприняли конкретные меры. В частности, в марте 2020 г. правительство Китая обязало национальные зоны экономического развития принять быстрые и эффективные меры в целях обеспечения равного доступа китайских и иностранных компаний к предоставляемым преференциям правительства и помочь стабилизировать важные отраслевые цепочки поставок. Инвестиционная комиссия Мьянмы в апреле объявила об ускорении процесса получения разрешений в крупных инвестиционных проектах.

2) *Меры инвестиционных агентств.* Инвестиционными агентствами многих стран были запущены различные онлайн-платформы. К примеру, Invest India создала онлайн-платформу для информирования инвесторов об изменениях касательно эпидемиологической ситуации на ежедневной основе, а также для предоставления иной информации, онлайн-реагирования на запросы инвесторов. В этих же целях была открыта онлайн-платформа APEX Brazil. Немецкая Germany Trade and Invest запустила платформу для информирования об экономической ситуации, принимаемых мерах и предлагает онлайн-семинары по данным мерам, в том числе был запущен вебинар по «Fast Track Program» - правительственной программе для медицинских приложений с целью удовлетворения растущего спроса на цифровые решения в области здравоохранения. В целом, онлайн-платформы были запущены в Австралии, Австрии, Бразилии, Германии, Доминиканской Республики, Индии, Италии, Казахстана, Мавритании, Мальты, Саудовской Аравии, Швейцарии и Эстонии.

3) *Предоставление инвестиционных стимулов.* Многочисленные компании по всему миру, независимо от того, большие они или маленькие,

отечественные или иностранные, испытывая финансовые затруднения, обращаются за государственной помощью. В частности, развитые страны включили финансовую или фискальную помощь бизнесу в свои пакеты поддержки. Данные меры предусматривали стимулы для быстрой разработки лекарств и вакцин, расширения и преобразования производственных линий для увеличения поставок медицинских товаров. Кроме того, некоторыми странами принимались меры по передислокации своих производителей из стран, наиболее пострадавших от пандемии. Например, Япония реализует план поддержки на сумму 2,2 млрд долларов США, чтобы побудить своих производителей переместить производство из Китая либо обратно в Японию (2 млрд долларов США), либо в другие страны Азии (217 млн долларов США).

4) *Приобретение акций компаний, пострадавших от кризиса.* Некоторые страны заявили о своей готовности более активно вмешиваться в рыночные отношения, чтобы поддерживать стратегические предприятия на плаву. Например, Правительство Италии приняло решение о полной национализации национальной авиакомпании Alitalia. В США 14 апреля 2020 г. правительство приняло решение о предоставлении финансовой помощи авиационной отрасли в размере 25 млрд долларов США.

5) *Поддержка МСБ.* Финансовая и фискальная помощь для МСБ является основной частью большинства пакетов государственной помощи, связанных с COVID-19. В целом, они включают гарантированное возмещение просроченных платежей, косвенное финансирование поставщиков через их покупателей, налоговые льготы, софинансирование программ развития и прямое предоставление финансирования местным фирмам. К примеру, в Нидерландах Правительство оказало поддержку предприятиям, которые были вынуждены временно закрыться, и расширило государственные гарантии по кредитам для МСБ. Правительство Австралии предоставило временную поддержку денежного потока в размере до 100 000 долларов США для МСБ.

6) *Защита национальной безопасности и здоровья населения посредством проверки иностранных инвестиций.* Пандемия COVID-19 привела к усилению проверки иностранных инвестиций по соображениям национальной безопасности, поскольку страны укрепляют свои правовые базы или вводят новые режимы. Эти меры направлены на защиту внутреннего потенциала в области здравоохранения, фармацевтических препаратов, предметов медицинского назначения и оборудования. Например, 18 апреля 2020 г. правительство Канады опубликовало Политику в отношении обзора иностранных инвестиций и COVID-19, в котором говорится об усиленном рассмотрении ПИИ любой стоимости, контролирующих или неконтролирующих канадские предприятия, связанные с общественным здравоохранением или которые вовлечены в поставку важнейших товаров и услуг гражданам или правительству.

Меры, принимаемые на международном уровне:

1) в заявлении, опубликованном 27 марта 2020 г., лидеры G20 обязались защищать работников, предприятия, особенно микро-, малые и средние предприятия, а также сектора, наиболее пострадавшие от пандемии COVID-19. Для реализации данной цели было вложено более 5 трлн долларов США для противодействия социальным, экономическим и финансовым последствиям кризиса;

2) 28 марта 2020 г. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество призвало стран-участниц приостановить все новые торговые ограничительные меры до конца года.

В целом, меры поддержки, принимаемые различными странами, включали в себя ускорение процедур утверждения инвестиций, ускоренное использование онлайн-инструментов и электронных платформ, услуги инвестиционных агентств, схемы стимулирования научных исследований и разработок в области здравоохранения, медицинских поставок, приобретение государствами долей в ведущих отечественных компаниях, а также государственные займы и гарантии для отечественных поставщиков в цепочках добавленной стоимости.

Выводы

Инвестиционная политика, проводимая Правительством Казахстана, показывает хорошие результаты, о чем свидетельствует 25 место из 190 стран мира в ежегодном отчете Всемирного банка о ведении бизнеса 2020.

Однако глобальное распространение COVID-19 сильно повлияло на темпы роста экономики и потоки ПИИ, что требует корректировки в проводимой государством инвестиционной политике.

Следует отметить, что в ответ на пандемию COVID-19 в Казахстане, как и во многих странах мира, были приняты необходимые меры по поддержке инвестиционной деятельности. При этом, меры, принимаемые зарубежными странами, были шире.

Вместе с тем, по результатам проведенного анализа инвестиционной политики Казахстана можно отметить следующие проблемные вопросы:

1. Трудное восприятие частными инвесторами правового регулирования инвестиционной деятельности Казахстана.

В настоящее время инвестиционная деятельность Казахстана регламентирована Предпринимательским кодексом, отдельными законами, национальными стратегиями, а также посредством соглашений о взаимной защите инвестиций. При этом, Предпринимательский кодекс помимо инвестиционной деятельности регулирует также различные аспекты предпринимательской деятельности, что может затруднить восприятие частных инвесторов.

2. Негативное влияние пандемии COVID-19 на потоки инвестиций в основной капитал и потоки ПИИ.

Если за 2010-2020 гг. в Казахстане наблюдается увеличение инвестиций в основной капитал на 64,9% (на 7,7 трлн тенге), то в 2020 г. отмечается их сокращение на 3,5% по сравнению с 2019 г., что, следует отметить, явилось первым отрицательным значением за последние 9 лет. Кроме того, отрицательная динамика инвестиций в основной капитал сохраняется и в первом квартале 2021 г. (2,1 трлн тенге).

В отличие от инвестиций в основной капитал динамика ПИИ за 2010-2020 гг. не демонстрировала постоянный рост. При этом, положительная динамика 2017-2019 гг. (24,3 млрд долларов США в 2019 г.) прерывается начавшимся кризисом в 2020 г. (17,1 млрд долларов США).

3. Недиверсифицированная структура инвестиций в основной капитал и ПИИ.

О недостаточной диверсификации экономики говорит преобладание в структуре инвестиций в основной капитал горнодобывающей промышленности (33,6% в 2020 г.). Аналогичная ситуация наблюдается и по ПИИ (48,1% в 2020 г.).

В структуре инвестиций в основной капитал в разрезе регионов не наблюдается существенных изменений. В 2020 г. наибольшая доля инвестиций в основной капитал приходится на Атыраускую область (27%).

Кроме того, по результатам оценки эффективности инвестиций в разрезе отраслей посредством расчета мультипликатора выпуска межотраслевого баланса необходимо отметить, что наибольший эффект инвестиций наблюдается по отрасли здравоохранения и социальных услуг (эффективность валового выпуска при увеличении инвестиций на 1% составляет 1,14%), по отрасли государственного управления (0,88%), по отрасли строительства (0,86%). Наименьшая отдача инвестиций наблюдается в отраслях операций с недвижимым имуществом (0,31%), профессиональной, научной и технической деятельности (0,44%), предоставлении прочих видов услуг (0,45%). Полученные результаты могут служить точечным ориентиром при диверсификации структуры инвестиций.

В целях улучшения инвестиционного климата Казахстана и решения существующих в настоящее время проблемных вопросов инвестиционной политики предлагаются следующие меры:

1. *Создание единого закона по инвестициям.* На сегодняшний день 108 стран мира имеют специальный инвестиционный закон. Почти все они являются либо развивающимися странами (90), либо странами с переходной экономикой (16). 58% законов (64 страны) относятся как к иностранным, так и внутренним инвесторам, остальные предназначены только для иностранных инвесторов (47 стран). К примеру, Узбекистаном, которым в последнее время ведется активная работа по улучшению инвестиционного климата, в декабре 2019 г. принят единый Закон «Об инвестициях и инвестиционной деятельности».

2. *Повышение самостоятельности регионов.* Каждый регион Ка-

захстана обладает уникальным ресурсным потенциалом, который можно развить посредством привлечения инвестиций. Для эффективного привлечения иностранных инвестиций важно выявить отличительные черты каждого региона и максимально использовать его потенциал, связав сильные стороны каждого региона с технологиями и ноу-хау иностранных компаний. Для проведения более эффективной инвестиционной политики рекомендуется предоставить регионам возможность проводить самостоятельную политику привлечения инвестиций через создание ими собственных мер стимулирования, отраженных в отдельной стратегии. При этом, в целях обеспечения целостной инвестиционной политики регионы будут согласовывать собственный пакет мер с центральными уполномоченными органами.

3. *Диверсификация отраслевого разреза инвестиций путем точечной работы с иностранными инвесторами.* Предлагается наладить работу по мониторингу инвестиционной деятельности, стратегических планов и целей крупных международных компаний с дальнейшим инициированием соответствующих переговоров с казахстанской стороны.

Список литературы

1. Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 г. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636>;
2. Аддис-Абеская программа действий 3-й международной Конференции по финансированию развития, 2015 г.;
3. Официальный сайт Национального банка Республики Казахстан // URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/plyamyie-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya>;
4. Доклад о мировых инвестициях. (2020). Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_overview_ru.pdf;
5. World Bank Group. (2020). The impact of the coronavirus on foreign investors: Early evidence from a global pulse survey. [Электронный ресурс] // URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33774/The-Impact-of-COVID-19-on-Foreign-Investors-Early-Evidence-from-a-Global-Pulse-Survey.pdf?sequence=1&isAllowed=y>;
6. Официальный сайт Национальной компании «Kazakh Invest» // URL: <https://invest.gov.kz/ru/doing-business-here/normative-legal-acts/>;
7. Программа по привлечению инвестиций «Национальная инвестиционная стратегия» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000498>;
8. Официальный сайт Конференции ООН по торговле и развитию // URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/107/kazakhstan>;
9. Официальный сайт Комитета по инвестициям Министерства иностранных дел Республики Казахстан // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/invest/activities/3093?lang=ru>;
10. Официальный сайт Всемирного банка // URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/custom-query>;
11. Nihal Bayraktar. (2013). Foreign Direct Investment and Investment Climate. *Procedia Economics and Finance*, 5, 83-92. doi:10.1016/S2212-5671(13)00013-0;
12. John Anderson, Adrian Gonzalez. (2012). Does Doing Business Matter for Foreign Direct Investment?. *Doing Business*, 2013. [Электронный ресурс] // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3581002;
13. Rao, Sumedh. (2012). Indicators for investment and business climate. Governance and Social Development Resource Centre, University of Birmingham. Report num-

ber 827. doi: 10.13140/RG.2.1.2491.7365;

14. Официальный сайт Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/161/statistic/8>;
15. Официальный сайт Национальной компании «Kazakh Invest». Информация о принимаемых мерах по борьбе с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 в Республике Казахстан // URL: <https://invest.gov.kz/ru/about-kazakhstan/state-of-emergency/>;
16. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. Президент Касым-Жомарт Токаев принял Управляющего Международным финансовым центром «Астана» Кайрата Келимбетова // URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_receptions/prezident-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-upravlyayushchego-mezhdunarodnym-finansovym-centrom-astana-kairata-kelimbetova/;
17. Официальный сайт МФЦА. AFSA представил меры поддержки финансового рынка в ответ на вызовы глобальной пандемии COVID-19 // URL: <https://aifc.kz/ru/press-relizy/afsa-introduced-financial-market-support-measures-in-response-to-the-global-covid-19-pandemic/>;
18. UNCTAD. (2020). Investment Policy Monitor: Investment policy responses to the COVID -19 pandemic. Special issue №4. [Электронный ресурс] // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcbinf2020d3_en.pdf.

References

1. Nacional'nyj plan razvitiya Respubliki Kazakhstan do 2025 g. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636>;
2. Addis-Abebskaja programma dejstvij 3-j mezhdunarodnoj Konferencii po finansirovaniju razvitiya, 2015 g.;
3. Oficial'nyj sajt Nacional'nogo banka Respubliki Kazakhstan // URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/primyemye-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya>;
4. Doklad o mirovyh investiciyah. (2020). Konferencija Organizacii Ob'edinennyh Nacij po torgovle i razvitiyu (JuNKTAD) // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_overview_ru.pdf;
5. World Bank Group. (2020). The impact of the coronavirus on foreign investors: Early evidence from a global pulse survey. [Elektronnyj resurs] // URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33774/The-Impact-of-COVID-19-on-Foreign-Investors-Early-Evidence-from-a-Global-Pulse-Survey.pdf?sequence=1&isAllowed=y>;
6. Oficial'nyj sajt Nacional'noj kompanii «Kazakh Invest» // URL: <https://invest.gov.kz/ru/doing-business-here/normative-legal-acts/>;
7. Programma po privilecheniju investicii «Nacional'naja investicionnaja strategija» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000498>;
8. Oficial'nyj sajt Konferencii OON po torgovle i razvitiyu // URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/107/kazakhstan>;
9. Oficial'nyj sajt Komiteta po investiciyam Ministerstva inostrannyh del Respubliki Kazakhstan // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/invest/activities/3093?lang=ru>;
10. Oficial'nyj sajt Vsemirnogo banka // URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/custom-query>;
11. Nihal Bayraktar. (2013). Foreign Direct Investment and Investment Climate. *Procedia Economics and Finance*, 5, 83-92. doi:10.1016/S2212-5671(13)00013-0;
12. John Anderson, Adrian Gonzalez. (2012). Does Doing Business Matter for Foreign Direct Investment?. *Doing Business*, 2013. [Elektronnyj resurs] // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3581002;
13. Rao, Sumedh. (2012). Indicators for investment and business climate. Governance and Social Development Resource Centre, University of Birmingham. Report number 827. doi: 10.13140/RG.2.1.2491.7365;
14. Oficial'nyj sajt Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniju i reformam Respubliki Kazakhstan // URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/161/statistic/8>;
15. Oficial'nyj sajt Nacional'noj kompanii «Kazakh Invest». Informacija o primimaemyh merah po bor'be s rasprostraneniem koronavirusnoj infekcii COVID-19 v Respublike

- Kazakhstan // URL: <https://invest.gov.kz/ru/about-kazakhstan/state-of-emergency/>;
16. Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan. Prezident Kasym-Zhomart Tokaev prinjal Upravljajushhego Mezhdunarodnym finansovym centrom «Astana» Kajrata Kelimbetova // URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_receptions/prezident-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-upravlyayushchego-mezhdunarodnym-finansovym-centrom-astana-kairata-kelimbetova/;
 17. Oficial'nyj sajt MFCA. AFSA predstavil mery podderzhki finansovogo rynka v otvet na vyzovy global'noj pandemii COVID-19 // URL: <https://aifc.kz/ru/press-relizy/afsa-introduced-financial-market-support-measures-in-response-to-the-global-covid-19-pandemic/>;
 18. UNCTAD. (2020). Investment Policy Monitor: Investment policy responses to the COVID -19 pandemic. Special issue №4. [Jelektronnyj resurs] // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcbinf2020d3_en.pdf.

РОЛЬ СЛУЖБЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПО ДОСТИЖЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Анара Кусаинова¹, Айжан Ауеш²

¹ руководитель управления административной работы
АО «Центр международных программ», PhD
(Нур-Султан, Казахстан)

² магистрант Академии государственного управления
при Президенте Республики Казахстан
(Нур-Султан, Казахстан)
e-mail: icanfly7@bk.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.06>

Аннотация. В данной статье рассмотрены вопросы реформирования государственной службы Республики Казахстан. В ходе исследования были проанализированы нормативные документы по переходу к новой модели государственного управления. Исследование раскрывает нынешнее положение служб управления персоналом в системе государственной службы.

Вместе с тем, приведены статистические данные об эффективности работы государственных служащих за прошедший отчетный период. В статье представлены данные глобального исследования по индексу эффективности государственного управления, проводимого Всемирным Банком. Результаты международного исследования доказывают, что предыдущий опыт трансформации государственной службы дал свои положительные результаты. Однако, Казахстану потребуется не менее трех десятилетий для достижения поставленных целей и задач. Ориентация государства на управление человеческими ресурсами и придание значимости службам управления персоналом могут служить механизмом по улучшению эффективности государственной службы.

Ключевые слова: государственная служба, служба управления персоналом, человеческие ресурсы, эффективность.

**ПЕРСОНАЛДЫ БАСҚАРУ ҚЫЗМЕТІНІҢ РӨЛІ ЖӘНЕ ОНЫҢ
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТІНІҢ
ТИІМДІЛІГІНЕ ҚОЛ ЖЕТКІЗУДЕГІ МАҢЫЗЫ**

Анара Құсайынова¹, Айжан Ауеш²

¹ АҚ «Халықаралық бағдарламалар орталығы» Әкімшілік бөлімінің бастығы, PhD (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)

² Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының магистранты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан), e-mail: icanfly7@bk.ru

Аңдатпа. Бұл мақалада Қазақстан Республикасының мемлекеттік қызметін реформалау мәселелері қаралды. Зерттеу барысында мемлекеттік басқарудың жаңа моделіне көшу жөніндегі нормативтік құжаттарға талдау жасалды. Зерттеу Мемлекеттік қызмет жүйесіндегі персоналды басқару қызметтерінің қазіргі жағдайын ашады.

Сонымен қатар, өткен есепті кезеңдегі мемлекеттік қызметшілер жұмысының тиімділігі туралы статистикалық деректер келтірілген. Мақалада Дүниежүзілік Банк жүргізетін мемлекеттік басқару тиімділігінің индексі бойынша жаһандық зерттеу деректері келтірілген. Халықаралық зерттеу нәтижелері мемлекеттік қызметті трансформациялаудың алдыңғы тәжірибесі өзінің оң нәтижелерін бергенін дәлелдейді. Алайда, Қазақстанға қойылған мақсаттар мен міндеттерге қол жеткізу үшін кемінде үш онжылдық қажет болады. Мемлекеттің адам ресурстарын басқаруға бағдарлануы және персоналды басқару қызметтеріне маңыздылық беру мемлекеттік қызметтің тиімділігін жақсарту тетігі бола алады.

Түйінді сөздер: мемлекеттік қызмет, персоналды басқару қызметі, адами ресурстар, тиімділік.

THE ROLE OF THE PERSONNEL MANAGEMENT SERVICE AND ITS SIGNIFICANCE FOR ACHIEVING THE EFFECTIVENESS OF THE CIVIL SERVICE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Anara Kussainova¹, Aizhan Auyesh²

¹ Head of the Administrative Department of JSC “Center for International Programs”, PhD (Nur-Sultan, Kazakhstan)

² Master student of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Kazakhstan), e-mail: icanfly7@bk.ru

Abstract. This article discusses the issues of reforming the civil service of the Republic of Kazakhstan. In the course of the study, regulatory documents on the transition to a new model of public administration were analyzed. The study reveals the current position of personnel management services in the public service system.

At the same time, statistical data on the effectiveness of the work of civil

servants for the past reporting period are presented. The article presents the data of a global study on the public administration efficiency index conducted by the World Bank. The results of an international study prove that the previous experience of the transformation of the civil service has yielded positive results. However, Kazakhstan will need at least three decades to achieve its goals and objectives. The orientation of the state on human resource management and the importance of personnel management services can serve as a mechanism for improving the efficiency of the public service.

Keywords: *civil service, personnel management service, human resources, efficiency.*

Введение

В соответствии с мировым опытом, управление персоналом, как вид менеджмента в сфере кадровой политики, совершенствуется уже более нескольких десятков лет, беря свое начало с 1980-х годов. На сегодняшний день эффективным признается подход к принятию решений по поводу намерений и планов организации, касающихся стратегии, политики и практики отношений трудового найма, поиска и отбора сотрудников, обучения, развития, управления показателями работы, вознаграждения и трудовых отношений, также известный как стратегическое управление человеческими ресурсами. Концепцией стратегического управления человеческими ресурсами выступает интегрированный подход к разработке стратегий человеческих ресурсов, которые дают организации возможность достичь своих глобальных целей. [1]

Приведенные выше функции по развитию человеческих ресурсов относятся к компетенции служб управления персоналом. Нынешнее состояние государственной службы продолжает находиться в состоянии трансформации, где стремится воплотить существующие тренды в управлении человеческими ресурсами (далее – УЧР). Говоря о трендах и тенденциях развития управления человеческими ресурсами, следует понимать каким образом и самое главное кем, данная деятельность будет претворена в жизнь.

Данное исследование направлено на изучение места и роли служб управления персоналом в системе государственной службы, а также взаимосвязи ее деятельности с результативностью и эффективностью государственного аппарата Казахстана.

Методы исследования

Методологическая основа исследования базируется на теоретических методах исследования. Методом анализа выделены и изучены роль и статус служб управления персоналом на государственной службе по обнаружению взаимосвязи их деятельности с результативностью и эффективностью государственного аппарата страны. В ходе исследования были со-

браны, изучены и проанализированы официальные документы. Анализ законодательства отражает реальную ситуацию по проводимым реформам системы государственной службы Казахстана.

Изучение и анализ статистических данных касаясь эффективности государственной службы Казахстана и данных международного рейтинга Всемирного Банка позволяет сопоставить внутренние и внешние результаты оценки эффективности и провести определенную параллель. Оценки WGI по показателю Government Effectiveness (Эффективность работы правительства) необходимы как критерий определения положения Казахстана среди других стран, а также отслеживания динамики развития эффективности государственного управления на уровне различных стран мира за разные временные отрезки.

Результаты исследования

Уполномоченный орган в сфере государственной службы Республики Казахстан ориентирован на укрепление потенциала служб управления персоналом (далее - СУП), посредством усиления их роли и статуса, а именно освобождения от рутинных процессов, пересмотра квалификационных требований, профессионализации действующих сотрудников СУП, подготовки соответствующих специалистов в высших учебных заведениях страны и сертификации. [2], [3]

Причиной этому послужила проведенная Агентством Республики Казахстан по делам государственной службы (далее – Агентство) апробация стратегического управления персоналом в государственных органах города Нур-Султан, Акмолинской и Карагандинской областей, которая показала отсутствие взаимосвязи между управлением персоналом и общей стратегией государственного органа. [2]

В подтверждение этого, зарубежные источники гласят, что наряду с разработкой стратегического плана организации, необходимо параллельно планировать и управление человеческими ресурсами «находясь за тем же столом».[4] Иными словами, стратегия управления персоналом должна быть взаимоувязана со стратегией государственного органа.

Президент Республики Казахстан К. Токаев на расширенном заседании Правительства 26 января 2021 года озвучил семь задач по исправлению допущенных ошибок в работе. Третья задача «Перенастройка системных политик», содержит следующее высказывание: «Недостаточно активно ведется работа по централизации вспомогательных функций, таких как бухгалтерия, кадры, закупки и других. Создание общих центров обслуживания в структуре «Самрук-Казына» дало миллиарды экономии. Следует распространить данный опыт на государственный сектор». [5]

«HR QYZMET» - это совместный проект АО «Самрук-Казына и АО «Казмунайгаз», стартовавший в июне 2016 года. Применение модели SSC (Shared service center), или Общих центров обслуживания (далее – ОЦО),

куда собраны все рутинные функции организаций, является известной мировой практикой. Модель ОЦО является инструментом повышения эффективности организации, посредством автоматизации процессов, предупреждает нерациональное использование человеческих ресурсов и позволяет сфокусироваться на основных стратегических целях организации.

На базе подведомственной организации Агентства АО «Национальный центр по управлению персоналом государственной службы» создан Общий центр обслуживания. Таким образом, уже с 2019 года 12 государственных органов Казахстана находятся в пилотном режиме по внедрению «Автоматизированной единой службы управления персоналом». По сведениям, размещенным на официальном интернет-ресурсе АО «Национальный центр по управлению персоналом государственной службы» из числа пилотируемых государственных органов являются Министерство индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан, Министерство информации и общественного развития Республики Казахстан, Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, акиматы города Нур-Султан, Атырауской, Павлодарской областей и другие. [6]

До конца 2021 года предусмотрена оптимизация вспомогательных и содействующих подразделений государственных органов путем их централизации либо аутсорсинга, а также анализ бизнес-процессов, что будет способствовать более четкому использованию имеющихся человеческих ресурсов. [7], [3]

В соответствии с Методикой распределения административных государственных должностей корпуса «Б» по функциональным блокам (далее – Методика), утвержденной Приказом Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы от 11 августа 2021 года за № 138, государственные служащие в зависимости от степени их направленности на реализацию миссии, стратегических целей и задач государственного органа, могут быть распределены по трем блокам, соответственно А, В и С. [8]

Также, в приложении 2 «Распределение административных государственных должностей пилотных органов по уровням и функциональным блокам» Постановления Правительства Республики Казахстан, утвержденного 29 декабря 2017 года № 939, функциональные блоки определены как: А – основной персонал, В – содействующий персонал, С – вспомогательный персонал. [9]

Утвержденная Методика дает более подробное описание должностных полномочий, которые могут быть отнесены к тому или иному функциональному блоку. В связи с нашим исследованием HR-составляющей в государственном секторе, был отмечен следующий момент. Так, согласно подпункта 1) пункта 9 Методики к функциональному блоку «А» отнесены должностные полномочия, направленные на разработку и реализацию стратегии управления персоналом государственного органа, в то же время

в подпункте 2) пункта 9 к функциональному блоку «В» отнесены должностные полномочия, направленные на кадровое обеспечение деятельности государственного органа.

Другими словами происходит деление внутри служб управления персоналом, то есть лица, занимающиеся кадровым планированием, и тем самым влияющие на достижение стратегических целей госоргана будут отнесены к блоку «А», а СУП осуществляющие кадровый учет, отчетность и другие процессы остаются в блоке «В». Отнесение компетенций СУП к «содействующему звену» противоречит росту и дальнейшему развитию статуса HR-специалистов. В связи с чем, возникает резонный вопрос: Действительно ли грядет усиление роли HR-служб в свете данных событий? Государственный аппарат приобретает стратегическую направленность, но HR-службы в госсекторе продолжают пребывать в тени основного персонала и теряют свои позиции.

Утверждение Указом Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года за № 522 Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года: построение «человекоцентричной» модели – «Люди прежде всего», дает начало пятому этапу развития системы государственного управления страны.

Вышеуказанной Концепцией определены девять проблемных зон в системе государственного управления, предстоящие разрешить государству в ближайшее десятилетие. Проблемной зоной, в том числе является «Неконкурентоспособная государственная служба». Анализ текущей ситуации указывает на низкий уровень системы отбора и оценки кадров, второстепенную и сугубо вспомогательную роль служб по управлению персоналом, отсутствие качественной системы повышения квалификации, а также неконкурентоспособный уровень оплаты работников государственных органов. [10]

Академией государственного управления при Президенте Республики Казахстан в рамках проекта Астанинского хаба государственной службы в августе-ноябре 2020 года проведено объемное исследование «Изучение роли и статуса современного HR в казахстанских организациях частного, квазигосударственного и государственного секторов». В исследовании отмечается низкий уровень участия HR-служб в решении стратегических задач. Ключевым фактором, который не дает казахстанскому HR сосредоточиться на более стратегических вопросах, является загруженность операционной работой, что косвенно говорит о низкой автоматизации HR-процессов.

Учитывая особенности поступления на государственную службу и условия ее прохождения, HR-процессы требуют профессионализма специалистов кадровых служб, знания современных технологий и законодательства, опыта в сфере HR. Несмотря на значимые позитивные изменения в системе государственного управления, по мнению экспертов оценка зрелости HR-процессов в государственном секторе составляет 3 из 10 баллов. [11]

По данным Агентства, штатная численность государственных служащих на начало года составляла 96 910 человек, фактическая же – 88 409 человек. Однако, данная статистика подвергается существенным изменениям в силу намеченной оптимизации лимитов штатной численности центральных и местных государственных органов на 25 %. [3]

Между тем, 54 394 государственными служащими пройдена оценка эффективности работы за прошедший отчетный период, в том числе эффективной признана работа у 33 571 государственных служащих, и у 17 536 человек работа оценена как превзошедшая ожидания. Ниже представлен график (рисунок 1), где в процентном соотношении указаны результаты по оценке эффективности достижения поставленных ключевых целевых индикаторов государственными служащими нашей страны. Таким образом, за 2020 год работа 93,9 % государственных служащих страны признана эффективной.

Управление производительностью, которая включает в себя оценку эффективности работы государственных служащих, в скором времени подлежит также некоторым изменениям. Методика оценивания будет пересмотрена и усовершенствована ввиду повсеместного внедрения новой системы оплаты труда государственных служащих. Новшеством послужит применение инструментов KPI и метода оценки «360 градусов».

Оценка эффективности работы за 2020 год (в %)

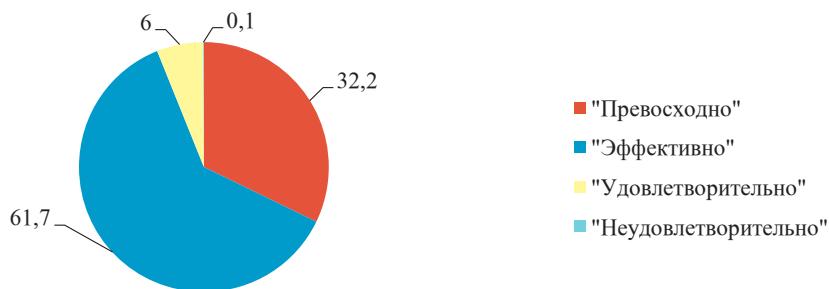

Рисунок 1. График «Оценка эффективности работы государственных служащих» за 2020 год, составлен авторами на основе статистических данных Агентства.

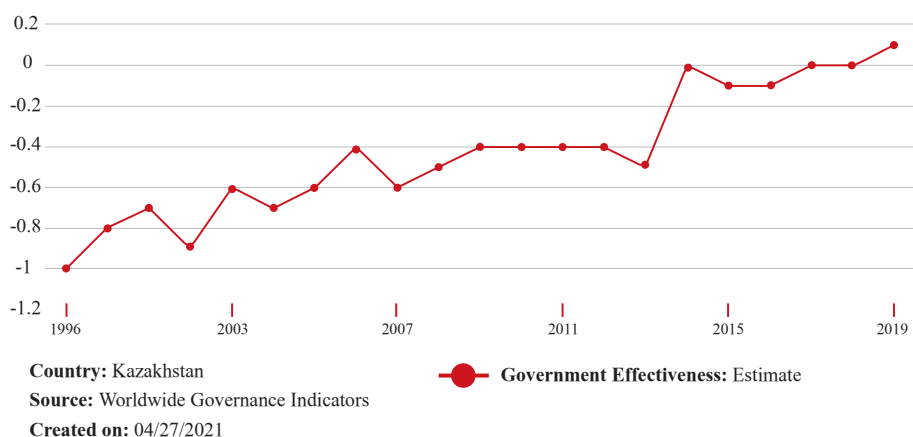
Источник: Национальный доклад о состоянии государственной службы в Республике Казахстан, г. Нур-Султан, 2021 год. Дата обращения: 12.09.2021 <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/170299?lang=ru>

Глобальное исследование The World wide Governance Indicators (далее – WGI), в своей методологии использует шесть индексов, один из которых – Government Effectiveness (Эффективность работы правительства). Эф-

фективность работы правительства включает показатели, измеряющие качество государственных услуг, качество разработки и реализации внутренней государственной политики, уровень доверия к внутренней политике, проводимой правительством, качество функционирования государственного аппарата и работы государственных служащих, их компетенцию, степень их независимости от политического давления и так далее. Государственное управление понимается как совокупность традиций и институциональных образований, с помощью которых государственные органы власти управляют страной.

В основе этих субиндексов лежат более 30 видов оценок, отражающих мнения граждан, предпринимателей и экспертов из государственного и частного секторов и некоммерческих организаций разных стран мира. Субиндексы WGI имеют значения от $-2,5$ до $+2,5$, причем более высокие значения соответствуют более высокому качеству государственного управления, кроме того результаты сообщаются и в процентильном ранговом выражении, в диапазоне от 0 (самый низкий ранг) до 100 (самый высокий ранг). [12]

Согласно данным WGI по показателю «Government Effectiveness: Estimate» Казахстану даны следующие оценки за 1996 год « $-0,9584$ », 2003 год « $-0,62587$ », 2007 год « $-0,5799$ », 2011 год « $-0,40984$ », 2015 год « $-0,07332$ » и за 2019 год « $+0,124713$ ». Т.е., в течение двадцати трех оцениваемых лет прирост составил около 0,17 баллов. Несмотря на постоянное реформирование государственной службы это говорит об очень медленных темпах развития госаппарата страны.

**Рисунок 2. «Эффективность работы правительства»
Республики Казахстан за период с 1996 по 2019 годы.**

Источник: The World Bank. Дата обращения: 27.04.2021 <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators#>

Как видно, на рисунке 2 Казахстан по вышеуказанному показателю на протяжении более двух десятилетий оценивался ниже базового уровня. В 2014, 2017-2018 годах оценка достигла нулевого значения, после чего только в 2019 году мы можем наблюдать положительную динамику. Это говорит о том, что государственному аппарату Казахстана необходимо прилагать дальнейшее последовательное развитие и качественного наращивания эффективности.

Чтобы определить страны с эффективной работой правительства, нами проведен сравнительный анализ посредством изучения оценок WGI за 2000, 2010 и 2019 годы. Данные временные отрезки выбраны с разницей около десяти лет с целью наблюдения стабильности работы правительств разных стран мира.

Итак, из 214 стран только 28 стран имеют оценку выше «+1» на протяжении трех ранее указанных временных отрезков. Это может говорить о действительном достижении успеха и профессионализма госаппарата этих стран. По состоянию на 2019 год в тройку стран с самым эффективным правительством входят Сингапур, Швейцария и Дания (см. таблицу 1).

Таблица 1. Сравнительная таблица составлена авторами,
на основе базы данных
The Worldwide Governance Indicators по показателю
«Эффективность правительства: Оценка».

№	Страна	Год		
		2000	2010	2019
1	Австралия	1,81	1,77	1,57
2	Австрия	1,93	1,84	1,49
3	Андорра	1,45	1,52	1,91
4	Бельгия	1,73	1,58	1,03
5	Бермудские острова	1,18	1,01	1,36
6	Германия	1,89	1,57	1,59
7	Дания	1,98	2,10	1,94
8	Исландия	2,03	1,59	1,52
9	Ирландия	1,67	1,35	1,28
10	Израиль	1,11	1,39	1,33
11	Каймановы острова	1,97	1,25	1,17
12	Канада	1,93	1,78	1,73
13	Лихтенштейн	1,71	1,78	1,70
14	Люксембург	1,97	1,72	1,73
15	Нидерланды	2,07	1,73	1,80
16	Новая Зеландия	1,66	1,82	1,67

№	Страна	Год		
		2000	2010	2019
17	Норвегия	1,90	1,88	1,86
18	Объединенное Королевство	1,85	1,57	1,44
19	Португалия	1,02	1,01	1,15
20	САР Гонконг, Китай	1,33	1,68	1,74
21	Сингапур	2,20	2,24	2,22
22	Соединенные Штаты	1,80	1,56	1,49
23	Финляндия	2,12	2,23	1,93
24	Франция	1,71	1,43	1,38
25	Чили	1,12	1,27	1,06
26	Швеция	1,96	2,00	1,83
27	Швейцария	2,04	1,88	1,95
28	Япония	1,20	1,53	1,59

Источник: The World Bank. Дата обращения: 27.04.2021 <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators#>

Необходимо отметить, что Казахстан ставит перед собой задачу по вхождению в 30-ку стран мира по международному рейтингу эффективности системы государственного управления. [13]

Кроме того, уполномоченный орган в сфере государственной службы страны прогнозирует достижение вышеуказанного индекса эффективности государственного управления (Government Effectiveness: Percentile Rank) в 2021 году – 55-60 %, 2025 году – 60-75 % и в 2050 году – 75-90 %. [14] Можно сказать, что Казахстан укладывается в установленные параметры, так как в 2019 году эффективность госуправления Казахстана составляла 57,7%.

К слову, в том же 2019 году эффективность государственного управления Дании составляла 99%, Швейцарии – 99,5%, Сингапура – 100%. [15] Из этого следует вывод, что эффективность государственного управления и в целом развитие государственного аппарата Казахстана на данный момент отстает от вышеуказанной «тройки» стран на три десятилетия.

Выводы

Государственная служба Казахстана развивается с заданными ей темпами. Уже многое сделано для достижения поставленных целей и задач государством. Сфера управления человеческими ресурсами в системе государственной службы Казахстана находит все новые и новые возможности для самосовершенствования.

Достижение эффективности работы государственных служащих страны со-зависимо от правильно выстроенной стратегии по работе с человеческими ресурсами. Стратегия в сфере HR предполагает наличие квали-

фицированных специалистов по управлению человеческими ресурсами, выступающими в качестве стратегических бизнес-партнеров, в ведении которых стратегическое планирование найма, обучения и развития, управления вознаграждением, знаниями, трудовыми отношениями, также постоянного усовершенствования и улучшения процессов. В связи с предстоящей централизацией и автоматизацией кадровых вопросов, деление специалистов по работе с человеческими ресурсами, которые по сути уже будут освобождены от рутинных дел на блоки «А» и «В» могут повлечь недопонимания. Вместе с тем, эффективность работы госаппарата зависит не только от основного персонала, но также и от деятельности служб управления персоналом. Вклад служб управления персоналом в развитие государственной службы имеет существенное значение, как в частности, так и в целом.

Подводя итоги исследования, в целях определения роли СУП в системе государственной службы необходимо акцентировать внимание на следующих аспектах:

1. Неоднозначное распределение СУП одновременно по двум функциональным блокам «А» и «В»;
2. Необходимость повышения квалификации HR-специалистов в соответствии с трендами в управлении человеческими ресурсами;
3. Отсутствие единых целевых индикаторов СУП по достижению ими эффективности в ходе реализации кадровой политики.

Эффективность работы государственной службы во многом определяется не только стратегией государственного органа, но также и стратегией развития человеческих ресурсов. На сегодняшний день государственная служба ориентирована на высокие показатели в работе, что является стратегически правильным решением. Инвестиции в человеческие ресурсы в интересах государственной службы предполагают достижение максимальных результатов по КРІ. Это является «жестким элементом» стратегического управления человеческим ресурсами. Однако есть и другая сторона, направленная больше на человеческие отношения, развитие, коммуникацию, участие, качество трудовой жизни и баланс между работой и жизнью. Государственному аппарату страны необходимо удерживать баланс между данными двумя подходами.

Список литературы

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. / Пер. с англ. под ред. С. К. Мордовина. — СПб.: Питер, 2009. — 848 с.: ил. — (Серия «Классика МВА»).
2. Национальный доклад о состоянии государственной службы в Республике Казахстан, г. Нур-Султан, 2020 год // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/87892?lang=ru> (дата обращения 29.04.2021)
3. Национальный доклад о состоянии государственной службы в Республике Казахстан, г. Нур-Султан, 2021 год // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/170299?lang=ru> (дата обращения 12.09.2021)

4. William S. Brown. Strategic Human Resource Management for Competitive Advantage. The Council of Industry Magazine and Membership Directory, April 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/351116955_Strategic_Human_Resource_Management_for_Competitive_Advantage (дата обращения 12.09.2021)
5. Выступление Президента Касым-Жомарта Токаева на расширенном заседании Правительства (г. Нур-Султан, 26 января 2021 года) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37747990#pos=5:-106 (дата обращения 29.04.2021)
6. Список пилотируемых государственных органов. АО «Национальный центр по управлению персоналом государственной службы» // URL: <http://ekyzmet.kz/deyatelnost/oco-hr/spisok/> (дата обращения: 20.06.2021)
7. Дорожная карта по исполнению поручений Президента Республики Казахстан, данных на расширенном заседании Правительства Республики Казахстан от 26 января 2021 года.
8. Методика распределения административных государственных должностей корпуса «Б» по функциональным блокам, утверждена Приказом Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы от 11 августа 2021 года № 138 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100023964> (дата обращения: 12.09.2021)
9. Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2017 года № 939 «О некоторых вопросах оплаты труда административных государственных служащих в пилотном режиме» (с изменениями на 18.03.2021 год) // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000939> (дата обращения 29.04.2021)
10. Указ Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года № 522 «Об утверждении Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года» // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000522> (дата обращения 20.06.2021)
11. «Изучение роли и статуса современного HR в казахстанских организациях частного, квазигосударственного и государственного секторов». – под научным руководством Раисовой Г.Б., Нурбек К.Х., Казахстан, Нур-Султан, 2020. 167 с. // URL: https://www.astanacivilservicehub.org/uploads/research_pdf/research%20project/6_Rus.pdf (дата обращения 29.04.2021)
12. Методология агрегирования The Worldwide Governance Indicators // URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Documents#wgiAggMethodology> (дата обращения 21.06.2021)
13. Указ Президента Республики Казахстан от 17 января 2014 года № 732 «О Концепции по вхождению Казахстана в число 30 самых развитых государств мира» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000732> (дата обращения 20.06.2021)
14. Стратегический план Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы на 2020–2024 годы // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/134110?lang=ru> (дата обращения 21.06.2021)
15. Результаты глобального исследования The Worldwide Governance Indicators по показателю Government Effectiveness: Percentile Rank, проводимым Всемирным Банком // URL: <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators#> (дата обращения 20.06.2021)

References

1. Armstrong M. Praktika upravleniya chelovecheskimi resursami, 10-e izd. [A handbook of human resource management practice, 10th Edition] Per. s angl. pod red. S.K. Mordovina. SPb.: Piter, 2009, 848 p.
2. Natsional'nyi doklad o sostoyanii gosudarstvennoi sluzhby v Respublike Kazakhstan, g. Nur-Sultan, 2020 god [National Report on the state of public service in the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, 2020] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/87892?lang=ru> (data obrashcheniya 29.04.2021)
3. Natsional'nyi doklad o sostoyanii gosudarstvennoi sluzhby v Respublike Kazakhstan, g. Nur-Sultan, 2021 god [National Report on the state of public service in the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, 2021] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/170299?lang=ru> (data obrashcheniya 12.09.2021)
4. William S. Brown. Strategic Human Resource Management for Competitive Advantage. The Council of Industry Magazine and Membership Directory, April 2021. https://www.researchgate.net/publication/351116955_Strategic_Human_Resource_Management_for_Competitive_Advantage (data obrashcheniya 12.09.2021)

5. Vystuplenie Prezidenta Kasym-Zhomarta Tokaeva na rasshirennom zasedanii Pravitel'stva (g. Nur-Sultan, 26 yanvarya 2021 goda) [Speech by President Kassym-Jomart Tokayev at the enlarged meeting of the Government (Nur-Sultan, January 26, 2021)] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37747990#pos=5;-106 (data obrashcheniya 29.04.2021)
6. Spisok pilotiruemykh gosudarstvennykh organov. AO «Natsional'nyi tsentr po upravleniyu personalom gosudarstvennoi sluzhby» [List of manned government agencies. JSC "National Center for Public Service Personnel Management"] URL: <http://ekyzmet.kz/deyatelnost/oco-hr/spisok/> (data obrashcheniya: 20.06.2021)
7. Dorozhnaya karta po ispolneniyu poruchenii Prezidenta Respubliki Kazakhstan, dannyykh na rasshirennom zasedanii Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 26 yanvarya 2021 goda. [Roadmap for the implementation of the instructions of the President of the Republic of Kazakhstan given at the expanded meeting of the Government of the Republic of Kazakhstan dated January 26, 2021]
8. Metodika raspredeleniya administrativnykh gosudarstvennykh dolzhnostei korpusa "B" po funktsional'nym blokam, utverzhdena Prikazom Predsedatelya Agentstva Respubliki Kazakhstan po delam gosudarstvennoi sluzhby ot 11 avgusta 2021 goda № 138 [The methodology for the distribution of administrative state positions of the "B" building by functional blocks, approved by the Order of the Chairman of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs dated August 11, 2021 no. 138] // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100023964> (data obrashcheniya: 12.09.2021)
9. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 29 dekabrya 2017 goda No 939 «O nekotorykh voprosakh opłaty truda administrativnykh gosudarstvennykh sluzhashchikh v pilotnom rezhime» (s izmeneniyami na 18.03.2021 god) [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 29, 2017 No. 939 "On certain issues of remuneration of administrative civil servants in the pilot mode" (as amended on 18.03.2021)] URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000939> (data obrashcheniya 29.04.2021)
10. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 26 fevralya 2021 goda No. 522 «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya gosudarstvennogo upravleniya v Respublike Kazakhstan do 2030 goda» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 26, 2021 No. 522 "On Approval of the Concept of Public Administration Development in the Republic of Kazakhstan until 2030"] URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000522> (data obrashcheniya 20.06.2021)
11. «Izuchenie roli i statusa sovremennogo HR v kazakhstanskikh organizatsiyakh chastnogo, kvazigosudarstvennogo i gosudarstvennogo sektorov» [Study of the role and status of modern HR in Kazakhstan's private, quasi-public and public sector organizations] pod nauchnym rukovodstvom Raisovoi G.B., Nurbek K.Kh., Kazakhstan, Nur-Sultan, 2020. 167 p. URL: https://www.astanacivilservicehub.org/uploads/research_pdf/research%20project/6_Rus.pdf (data obrashcheniya 29.04.2021)
12. Metodologiya agregirovaniya The Worldwide Governance Indicators [Aggregation Methodology The Worldwide Governance Indicators] URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Documents#wgiAggMethodology> (data obrashcheniya 21.06.2021)
13. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 17 yanvarya 2014 goda № 732 «O Kontseptsii po vkhozhdeniyu Kazakhstana v chislo 30 samykh razvitykh gosudarstv mira» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated January 17, 2014 No. 732 "On the Concept of Kazakhstan's Entry into the Top 30 Most Developed Countries of the World"] URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000732> (data obrashcheniya 20.06.2021)
14. Strategicheskii plan Agentstva Respubliki Kazakhstan po delam gosudarstvennoi sluzhby na 2020–2024 gody [Strategic Plan of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs for 2020-2024] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/134110?lang=ru> (data obrashcheniya 21.06.2021)
15. Rezul'taty global'nogo issledovaniya The Worldwide Governance Indicators po pokazatelyu Government Effectiveness: Percentile Rank, provodimym Vsemirnym Bankom [The results of the global study of The Worldwide Governance Indicators on the indicator of Government Effectiveness: Percentile Rank, conducted by the World Bank] URL: <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators#> (data obrashcheniya 20.06.2021).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКОЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Галия Даулиева¹, Мехмет Исламоглу²,
Аружан Ёралиева³

¹ к.э.н., доцент, и.о. профессора,
Казахский Национальный Университет имени
аль-Фараби, Алматы, Казахстан

² PhD, доцент, Университет Карабюк, г. Карабюк, Турция

³ докторант, Казахский Национальный Университет
имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
e-mail: aru_eralieva@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.07>

Аннотация. Вслед за сельскохозяйственной и промышленной революциями, мир переживает информационную революцию, приводящую к значительному увеличению уровня производительности труда. Информационная революция вызвала критические изменения в производственных отношениях и сформировала новые виды деятельности, продукты и услуги. В последние годы интеллектуальные технологии быстро распространились по всему миру в самых разных сферах деятельности, а также возросли последствия этого процесса для экономического и социального развития. Интеллектуальные продукты, активно проникающие в производство, управление и социальную сферу, серьезно трансформируют традиционные отношения и образуют качественно иную среду обитания человека, в которой образ и уровень жизни людей находятся на принципиально новом уровне. Развитие цифровой экономики выдвигает новые требования к государственному управлению. В статье рассмотрено государственное управление цифровой экономикой в Республики Казахстан. Целью исследования является анализ текущего положения государственного управления цифровой экономикой в Республике Казахстан. Методами исследования явились статистические методы анализа, методы сбора первичной информации. На основе проведенного исследования сформулированы основные выводы о развитии государственного управления цифровой экономикой в Республике Казахстан.

Ключевые слова: цифровая экономика, оцифровка, цифровизация, государственное управление цифровой экономикой

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ЦИФРЛЫҚ ЭКОНОМИКА- НЫ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ

Галия Дәулиева, Мехмет Исламоғлу, Аружан Ералиева

¹ Экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, профессорлар м.а, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,

² PhD, доцент, Карабүк университеті, Түркия

³ Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті докторанты, e-mail: aru_eralieva@mail.ru

Аннотация. Ауылшаруашылық және өнеркәсіптік төңкерістерден кейін әлем Еңбек өнімділігі деңгейінің едәуір артуына әкелетін ақпараттық революцияны бастан кешуде. Ақпараттық революция өндірістік қатынастардағы маңызды өзгерістерді тудырды және жаңа қызмет түрлерін, өнімдер мен қызметтерді қалыптастырды. Соңғы жылдары Зияткерлік технологиялар бүкіл әлемде әр түрлі қызмет салаларында тез таралды, сонымен қатар бұл процестің экономикалық және әлеуметтік дамуға әсері артты. Өндіріске, басқаруға және әлеуметтік салаға белсенді енетін зияткерлік өнімдер дәстүрлі қатынастарды байыпты түрде өзгертті және адамдардың өмір салты мен өмір сүру деңгейі түбегейлі жаңа деңгейде болатын сапалы, әр түрлі өмір сүру ортасын құрайды. Цифрлық экономиканың дамуы мемлекеттік басқаруға жаңа талаптар қояды. Мақалада Қазақстан Республикасындағы цифрлық экономиканы мемлекеттік басқару қарастырылған. Зерттеудің мақсаты - Қазақстан Республикасындағы цифрлық экономиканы басқарудың қазіргі жағдайын талдау. Зерттеу әдістері талдаудың статистикалық әдістері, бастапқы ақпаратты жинау әдістері болды. Зерттеу негізінде Қазақстан Республикасында цифрлық экономиканы мемлекеттік басқарудың дамуы туралы негізгі тұжырымдар тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: цифрлық экономика, цифрландыру, цифрлық экономиканы мемлекеттік басқару.

GOVERNMENT ADMINISTRATION OF THE DIGITAL ECONOMY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Galiya Dauliyeva¹, Mehmet Islamoglu², Aruzhan Yeraliyeva³

¹ Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

² PhD, Associate Professor, Karabük University, Karabük, Turkey

³ PhD student, al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: aru_eralieva@mail.ru

Annotation. Following the agricultural and industrial revolutions, the world is experiencing an information revolution, leading to a significant increase in the level

of labor productivity. The information revolution has brought about critical changes in industrial relations and shaped new activities, products, and services. In recent years, smart technologies have spread rapidly across the world in a wide variety of fields, and the impact on economic and social development has also increased. Intellectual products that actively penetrate into production, management and the social sphere, seriously transform traditional relationships and form a qualitatively different human environment, in which the image and standard of living of people are at a fundamentally new level. The development of the digital economy puts forward new requirements for government administration. The article discusses the government administration of the digital economy in the Republic of Kazakhstan. The aim of the study is to analyze the current government administration of the digital economy in the Republic of Kazakhstan. The research methods were statistical methods of analysis, methods of collecting primary information. On the basis of the study, the main conclusions about the development of government administration of the digital economy in the Republic of Kazakhstan were formulated.

Keywords: *digital economy, digitization, public administration of the digital economy.*

Introduction

Today's society is rapidly changing under the influence of digital transformation technologies. Digital technologies are not just a part of the economy – it is the economy itself [1]. Currently, digital technologies have played a decisive role in the prevention of a pandemic, the resumption and expansion of consumption [2]. Digitalization as a modern approach to the development of the country implies not so much the installation of high-tech equipment and the introduction of software systems, but fundamental changes in business processes, business models and management tools. The radical transformation affects the political, economic and social spheres, giving special priority to the theoretical study and practical implementation of the concept of sustainable development of the country and its regions on the basis of total informatization and digitalization of all spheres of life. In this regard, the analysis of the current state of the digital economy in Kazakhstan becomes especially relevant.

The object of the research is the state management of the digital economy in Kazakhstan.

The subject of the research is the current state of public administration of the digital economy in Kazakhstan.

The purpose of the study is to analyze the state management of the digital economy in the Republic of Kazakhstan.

Digitalization is a prerequisite for maintaining the competitiveness of all countries in the world. And for Kazakhstan it is also a unique chance to reorient the raw material orientation of the economy.

The president of the Republic of Kazakhstan has set a goal to enter the top

thirty leading countries of the world. The advanced growth of technologies, the digitalization of industries and all spheres of life of the population are the levers that make it possible to make the necessary breakthrough in the economy. Digital transformation is an effective way of Kazakhstan's development, as barriers to entering new markets are being erased, new reserves for economic growth are opening up, and productivity is increasing.

Digitalization affects all spheres of life of the population and is aimed at improving the standard of living of everyone: it is a general increase in the quality of life through improved infrastructure, convenient and affordable public services and universal Internet connectivity; new sources of income through access to electronic services, more favorable prices, availability of goods, as well as new services through the development of e-commerce.

Literature review

The transition to a digital economy poses a challenge for Kazakhstan to overcome the lag in the level of development from countries - world economic leaders. As a factor in solving this problem, there is the need to form qualitatively new methods of public administration that accurately and quickly respond to changes in the external and internal environment.

To analyze the current state of public administration of the digital economy in the Republic of Kazakhstan, we analyzed articles by domestic and foreign authors published in 2017-2021 in scientific journals included in the Web of Science and Scopus databases. The articles were selected based on their citation and research topic. The topic has scientific and practical significance, therefore, to write the work, the relevant information from both foreign and domestic sources and press releases in the media was used.

At the same time, laws, decrees, resolutions in the field of digital economy were analyzed, such as: Decree of the President of the Republic of Kazakhstan "On approval of the Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025", Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan "On approval of the State Program" Digital Kazakhstan", Report on development of the ICT industry in the Republic of Kazakhstan.

The information necessary for analyzing the results of the implementation of state programs and measures for the development of the digital economy was taken from the official Internet resource of the State Program "Digital Kazakhstan", as well as the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan.

Research methods

The research methodology is presented by statistical methods of analysis, methods of data collection, methods of data analysis, as well as methods of systematization, comparison, on the basis of which appropriate conclusions are drawn and recommendations are given. The study collected and processed

information from official data sources, and calculations were carried out for 4 years - 2018-2021 based on information from the Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan.

Research question: what is the stage of development of the digital economy in Kazakhstan?

Research hypothesis: an increase in information and communication technology (ICT) is affecting the development of the digital economy.

Research stages:

- define and analyze the public administration of the digital economy in the Republic of Kazakhstan;
- draw conclusions based on the analysis of public administration of the digital economy in the Republic of Kazakhstan.

Results and discussion

With the advent of technology and the process of globalization, the digital and traditional economies merge into one [3]. The digital economy is defined as an economy based on digital technologies, i.e. based on digital and computational technologies. In fact, it covers all business, economic, social, cultural, etc. activities that are supported by the Internet and other digital communication technologies [4].

There are three main components of this economy, namely e-business, e-business infrastructure, e-commerce. The digital economy has spawned many new trends and startup ideas. Almost all the largest companies in the world (Google, Apple, Microsoft, Amazon) belong to the digital world [5].

Recognizing the evolutionary nature of economic development and the inevitability of digitalization, it should be noted that effective public administration of the digital economy would ensure sustainable development and the achievement of global competitiveness. In this regard, when analyzing the current state of the digital economy in Kazakhstan, it is necessary to pay attention to the role of the state in the development of the digital economy.

Good governance can, among other things:

- contribute to the creation of a system of legal regulation of the digital economy based on a flexible approach in each area;
- to provide training of highly qualified personnel for the digital economy; ensure information security based on domestic developments in the transfer, processing and storage of data, which guarantees the protection of the interests of the individual, business and the state;
- ensure the creation of a stable and secure information and telecommunications infrastructure for high-speed transmission, processing and storage of large amounts of data, accessible to all organizations and households;
- increase internal costs for the development of the digital economy.

Resource countries with greater economic freedom have more efficient government. Another interesting finding is that improved governance means

more economic growth, more human development, and higher GDP per capita (PPP) [6].

By the decree of the President of the Republic of Kazakhstan in June 2019, the Regulation on the Ministry of Digital Development, Innovation and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan was adopted. The Ministry is engaged in the formation and implementation of state policy in the field of digital development of the country, in the areas of innovation, communications, provision of public services, electronic industry, and is also engaged in the development of electronic government, coordination of the activities of the Government for Citizens Group of Companies, information security, aerospace industry, geodesy and cartography.

In 2017, the State Program “Digital Kazakhstan” was approved [7]. The successful implementation of this program will provide an additional impetus for the technological modernization of the country’s flagship industries, as well as create conditions for large-scale and long-term growth in labor productivity.

The cumulative economic impact of this program for 2018 and 2019 exceeded 800 billion tenge. However, the lack of objective and reliable information gives a vague picture, which affects the quality of decisions made when allocating budget funds for the development of the digital economy.

Significant progress has been made in the adoption of digital technologies in the utilities, education, health care, finance, transportation and mining and metallurgy sectors. The future integration of digital technologies is critical for Kazakhstan’s entry into the list of the 30 most competitive economies in the world and improving the well-being of the population of the Republic [8].

802.5 billion tenge	120 thousand jobs	37.8 billion tenge
• Overall economic impact • 2019- 584.3 billion tenge • 2018- 218.2 billion tenge	• New jobs created due to digitalization • 2019- 78 thousand • 2018- 42 thousand	• Spent on innovation ecosystem • 2019- 18.8 billion tenge • 2018- 14 billion tenge

Figure 1. Results of the implementation of the State Program “Digital Kazakhstan”

Source - Official Internet resource of the State Program “Digital Kazakhstan” [9]

As for the digitization of the social and professional sphere, the electronic labor exchange is working successfully. As a result, the employment process

has been halved, and the procedure itself has become transparent. In 2019, over 488,000 job seekers were recruited through the electronic labor exchange, including 350,000 for permanent jobs. In addition, electronic labor contracts have been concluded and 742,000 electronic labor contracts have already been concluded. At the end of 2019, more than 9.8 million services were provided in the field of social work, and 80% of utilities are provided in electronic form.

With the help of digital projects, employers and job seekers have saved about 862.2 million tenge. Savings due to a unified system for recording labor contracts amounted to 292.4 million tenge. Within the framework of the direction of digitization of economic sectors, digital technologies are being introduced at fuel and energy enterprises and at mining and metallurgical complexes, where technological re-equipment of enterprises in industries is carried out using elements of Industry 4.0.

In the oil and gas industry at the Atyrau and Pavlodar petrochemical plants, a 3-year overhaul period was carried out, which made it possible to reduce repair costs and increase the processing volume by an average of 300,000 tons per year by reducing downtime during major overhauls [10].

In addition, 4 enterprises of Embamunaigas JSC, Ozenmunaigas JSC, Kazgermunai JSC, Karazhanbasmunai JSC are introducing the Intelligent Field information system. %, as well as provide centralized management and remote monitoring of fields, optimization of wells and fishing equipment.

In order to increase the level of train safety due to the timely detection of track and rail faults, a project is being implemented to introduce an automated control system “Magistral”. Currently, diagnostics of the infrastructure of the main networks is carried out by 3 units of mobile diagnostic complexes (MDK). It is also planned to create 3 more subdivisions of the MDK.

Based on the results of mobile diagnostic systems, about 19,000 km of track were diagnosed in 4 quarters of 2019. At the same time, more than 190 kilometers were determined with an unsatisfactory assessment. About 85 pieces of dangerous rails with a sharp defect were found, that is, 85 points of rail breaks were prevented.

In the field of transport digitization and logistics, the project “Intelligent Transport System” is being implemented, which collects and processes data on roads, vehicles, trips on toll roads, passengers on intercity buses, as well as on issued tickets [11].

The intelligent transport system includes a system for collecting licenses and a system for collecting and transmitting traffic information to road users. To date, a toll collection system has been introduced on three sections: Almaty-Kapchagai (42 km), Almaty-Khorgos (295 km) and Nur-Sultan-Temirtau (134 km) with a total length of 471 km.

In order to automate transport control, 24 special automated measuring instruments were introduced, with the help of which, since September 2019, 82 violations of weight parameters have been identified and about 8.6 million tenge

have been collected in the form of fees and fines.

As part of the digitization of industry, a project is being implemented to create model digital factories that will demonstrate the impact and impact of digitization, identify obstacles and develop tools for state support. Fifty-one projects were launched, of which 16 were completed.

Today, Astana Hub has created conditions for obtaining tax, labor and visa benefits, there are programs for the development of startups.

In total, today the technopark includes 163 IT companies, about 700 startups, 17 research centers of domestic and foreign IT companies (such as CISCO, NOKIA, IBM, Microsoft and others), a programming school based on modern international teaching methods. The share of local content was 57.7%. In 2019, more than 530 events were held on the Astana Hub website, in which about 17,000 visitors took part. In 2019, memorandums of cooperation were concluded with 25 international organizations as part of the development of innovative cooperation [12].

These measures make it possible to create favorable conditions for the development of a startup culture and attract investments in domestic start-up projects. In particular, in 2019, more than 18 billion tenge were attracted for these purposes. The total volume of investments attracted to the IT market of Kazakhstan over the past 2 years was approximately 32.4 billion tenge. The technopark's programs made it possible to understand how good start-up projects in Kazakhstan are and how quickly they are moving to the level of a developed international launch ecosystem. Having studied the quality of such projects, we can conclude that investments in them paid off within the Astana Hub IT start-up park.

At the next stage, in accordance with the assignment of the head of state, it is planned to actively involve regional innovation infrastructure facilities in the Astana Hub ecosystem - technoparks, incubators, accelerators, innovation centers, computer hubs, start-up academies, marketing offices, universities, research institutes, etc. The measures taken will make it possible to prepare innovative projects of preliminary material in the regions themselves to continue participation in Astana Hub programs at the national level and cooperation with international partners [12].

As part of the work on the automation of utilities, 723 services are included in the register of utilities, of which 580 services, or 80.2%, are provided in electronic form. Work was carried out to optimize utilities, as a result of which the number of utilities was reduced by 17 (from 740 to 723). At the moment, the applicants are 17 activists and 21 public utilities. The optimization carried out reduced the average package of documents by 30%, as well as the duration of the provision of utilities - by an average of 3 times. Automation of public services has already reduced the flow of paper documents by 70.8 million documents and generates an indirect economic effect by more than 8.4 billion tenge.

As part of the digitization of medical services, 97.5% of organizations were

equipped with computer equipment and 100% were connected to the Internet, 17.9 million (95.7%) residents of Kazakhstan have regional electronic health passports. The measures taken made it possible to improve the provision of medical services to the population and facilitate the work of doctors.

Due to preliminary registration through electronic services, the “live” queues at polyclinics were reduced by 30%, which halved the time spent by patients in polyclinics. The time required to get search results is reduced by 1.8 times (from 7 to 4 hours). Reduction of the working time of doctors and patients by 45% due to a reduction in the average time of patient care, optimization of the operation of ambulances: reduction of the processing time for calls arriving at the control room by 26% and, as a result, a reduction in the waiting time for the arrival of ambulances by 1, 3 times. Work will also continue to implement village-level health information systems and increase the provision of electronic health passports by 100%.

As part of the digitization of education, schools were equipped with computers. Students use electronic newspapers and magazines (6703 out of 7014 schools). 90% of schools (6,336 schools) have Internet at a speed of 4 Mbps or more. An electronic queue has been introduced in 78.5% of preschool institutions, and 70.3% of schools accept students online. 74% of government educational services are automated. Overall, the digitization of the education system has reduced the quality gap between rural and urban schools by more than 30 percent.

Within the framework of the state program, much attention is paid to supporting SMEs and creating favorable conditions for small and medium-sized enterprises. For example, the launched information system “ASTANA-1” reduced the time for issuing customs declarations from several days and hours to one minute and processed 1.3 million declarations in automatic mode. Thanks to this, participants in foreign economic activity saved 56.6 billion tenge.

Systems of “electronic invoices” and “product labeling” were introduced, which also improve the business environment for enterprises and identify the “shadow” economy. From January 1, 2019, all VAT payers use the ESF. In addition, today there are 540,000 cash registers in use, 95% of which are connected online. It is planned to provide 1250 services of broadband Internet access to the rural population, including 56 in 2018, 705 in 2019 and 489 in 2020. This will allow 3,718 state and budget organizations to get access to high-speed Internet. At the same time, when forming the list of rural settlements, the list was sent for approval to local executive authorities. The built infrastructure stimulates the development of cellular operators. The total flight length will be over 20 thousand kilometers.

In addition, at the end of the third quarter of 2019, 841 state institutions and budgetary institutions located in 299 villages were connected. Continue to provide broadband access will be in accordance with the connection schedule. At the end of 2018, 10 targets and 20 indicators were planned, including the

country's place in various international rankings. So, in 2018, the country's position improved compared to the level of the Global Cybersecurity Index of the International Telecommunication Union. According to a report by the International Telecommunication Union (ITU), Kazakhstan ranked 40th in the Global Cybersecurity Index 2018/2019, which is 42 points higher than last year's ranking (82nd place). The classification takes into account five main criteria: legal framework, technical and organizational activities, international activities and development capacity building. In 2018, the country improved its position in the WEF GEEK ranking in terms of "availability of venture capital". Kazakhstan ranked 90th in this index, up 12 points from last year's ranking (102nd).

This year, the total number of people trained in digital literacy amounted to 532,000 citizens (according to the plan 462,846 people). In addition, about 78.3 thousand socially vulnerable citizens from the population are trained in digital culture.

One of the main concerns of society and trade unions associated with digitization is to replace people with automated processes and, as a result, the masses of the unemployed. However, digitalization is not a substitute for human labor, but is an auxiliary tool for increasing efficiency and improving qualifications. The digitization process creates new jobs and forms of employment that do not have routine operations, and it is important to recognize the potential of digitization in a timely manner and effectively integrate it into training at all levels [14].

That is why special attention must be paid to retraining, both for employees and for young people. For example, one of the areas of study is the internship programs "Digital Summer" and "Zhas Orken", within the framework of which internships are carried out for graduates of domestic universities.

At the same time, among civil servants there is no understanding of the level of digital competencies, which can lead to an increase in bureaucratic processes and ineffective work.

Digitization is not a reduction in people, it is a change in skills. And the main, key success of any enterprise at any time, at all times and with any technology has been and remains people.

In Kazakhstan, the e-commerce market is also growing rapidly. At the same time, this direction has become popular in the country relatively recently. Over the past three years, the share of e-trading in total retail trade has grown significantly, and the COVID-19 pandemic has only accelerated the process. So, if in 2018-2019 the share of e-commerce was 2.9% and 3.8%, respectively, then in 2020 it almost tripled and reached 9.7%.

The introduction of a social distancing regime, quarantine and other restrictive measures led to a fundamental shift in the structure of the global demand for online purchases of goods and payment for services, as well as to an increase in the use of digital communication tools and remote consumption [15].

Electronic commerce in Kazakhstan contributes to the development and increase in the volume of domestic and foreign trade, non-cash payments, reducing business costs and minimizing shadow turnover. In 2020, the volume of non-cash payments increased 2.4 times, up to 35.3 trillion tenge. The growth trend is also observed in the current year: for two months of 2021, the volume of non-cash payments amounted to 7.8 trillion tenge, having increased more than 2 times compared to the same period last year. At the same time, the share of online payments made via the Internet and a mobile phone amounted to 82% of the total volume.

Significant growth in the volume of e-commerce is observed both in the B2C (business-to-consumers, consumer market) and B2B (business-to-business, corporate market) segments. This is due to the establishment of the infrastructure of trade POS terminals, the entry into the Kazakhstani markets of Apple Pay and Samsung Pay, the stimulation of customers by banks through bonuses and cashbacks, as well as the active use of non-cash payments in all types of public transport. Now there are more than 108 thousand trade enterprises in the country, where you can pay for goods and services by non-cash method.

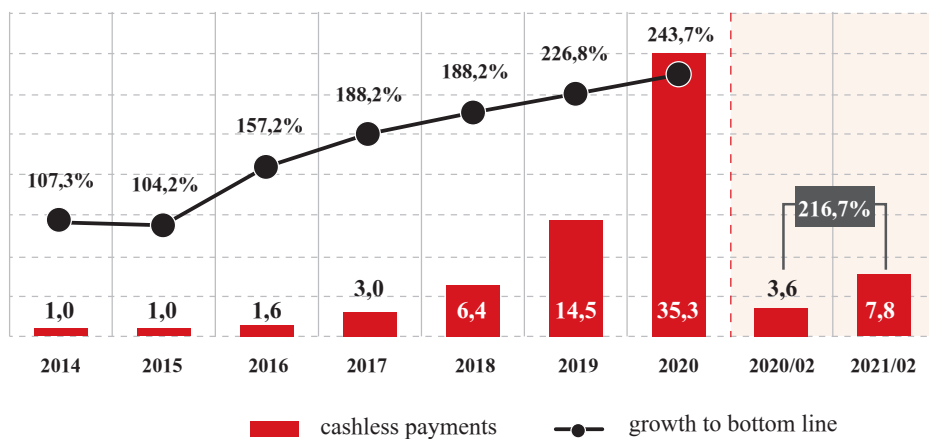

Figure 2. Cashless payments using payment cards issued by Kazakhstani issuers

Source - Ranking.kz calculations based on data from the National Bank of the Republic of Kazakhstan [16]

Conclusion

Thus, the development of the digital economy is one of the priorities of the state policy of Kazakhstan. Based on the analysis carried out, we can say that the non-digital indicators that affect the development of the digital economy in the country are at a fairly good level. Regulatory regulation, digital security is well developed, while human capital requires further development. Kazakhstan has achieved the greatest success in the development of the basic component of the

digital economy - the Internet infrastructure, as well as in increasing the level of involvement in the digital economy of the population, business and the state. However, the level of use of digital technologies by the population in remote regions of the country is still insufficient.

As for digital indicators, we can say that the use of digital technologies, e-commerce, digitalization of the public sector, education, healthcare are developing at a significant pace and show a positive result.

In the future, Kazakhstan needs to strive to increase the level of involvement of the population in the digital economy by increasing the level of Internet penetration in small towns and villages. Moving to full-cycle online processes, ie from traditional “live” to electronic signature, from paper to fully electronic document flow and electronic identity cards, will further increase the level of engagement. We also see significant potential in the digital development of Kazakhstan through the provision of additional electronic services such as telemedicine and online education [17].

Further development of the digital economy in Kazakhstan will bring additional economic benefits to the country. For example, the development of e-commerce can stimulate business activity by providing consumers with additional channels to small and medium-sized businesses. It also has the potential to reduce the size of the shadow economy, since online transactions will be transparent, which will reduce the level of “gray” transactions in cash.

At the same time, digital transformation will require a fundamental revision of the approach of private business and government to interaction, decision-making, stimulating innovation and creating a regulatory environment where each of the participants in the system would play a significant role.

Consumers who enjoy most of the benefits of the digital economy must be open to new opportunities and play an active role in the development of digital services. This will require a dialogue with the state, cross-sectoral cooperation and joint development of large projects.

Список литературы

1. Lindsey Anderson and Irving Wladawsky-Berger. The 4 Things It Takes to Succeed in the Digital Economy. 2016. Harvard Business Review.
2. Xiaojuan Jiang (2020) Digital economy in the post-pandemic era, Journal of Chinese Economic and Business Studies, 18:4, 333-339, DOI: 10.1080/14765284.2020.1855066
3. José Luis Carrasco-Sáez, Marcelo Careaga Butter, María Graciela Badilla-Quintana. The New Pyramid of Needs for the Digital Citizen: A Transition towards Smart Human Cities // Sustainability. 2017. № 9, 2258. doi: 10.3390/su9122258
4. Ардашкин И.Б. Смарт-общество как этап развития новых технологий для общества или как новый этап социального развития (прогресса): к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С.32-45.
5. Ильин А.Н. Антропология субъекта // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 1. Философия. Политология. URL:<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/ilyin/>

6. Указ президента РК «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» от 15 февраля 2018 года
7. Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827 «Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан»» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>
8. Отчет по развитию отрасли ИКТ в РК, 2019 г. // <https://zerde.gov.kz/press/news/otchet%202019.pdf>
9. Официальный интернет-ресурс Государственной программы «Цифровой Казахстан» <https://digital.kz/kz/o-programme/>
10. Нестеров А.В. О соотношении smart общества и общества, построенного на знаниях // База данных Nethash.ru, 2014. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2014/04/27/1319681257/%D0%A1%D0%9C%D0%90%D0%A0%D0%A2.docx>
11. Бюро национальной статистики АСПиР // <https://stat.gov.kz/>
12. Сапаралиева К.С. Современное состояние цифровой экономики в рамках развития предпринимательства в Республике Казахстан // <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-tsifrovoy-ekonomiki-v-ramkah-razvitiya-predprinimatelstva-v-respublike-kazahstan>
13. Afonso, A., Schuknecht, L., Tanzi, V. 2003. Public Sector Efficiency: An International Comparison. Working Paper 242. European Central Bank
14. Beat F. Schmid (2001) What is New About the Digital Economy?, *Electronic Markets*, 11:1, 44-51, DOI: 10.1080/10196780122367
15. Zhenlong Miao (2021) Digital economy value chain: concept, model structure, and mechanism, *Applied Economics*, DOI: 10.1080/00036846.2021.1899121
16. Мониторинг экономики Казахстана [Ranking.kz](http://ranking.kz). E-trading стремительно набирает популярность: доля электронной торговли от общего розничного оборота в РК достигла 10% // <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/e-trading-stremitelno-nabiraet-populyarnost-dolya-elektronnoj-torgovli-ot-obshhego-roznichnogo-oborota-v-rk-dostigla-10>
17. The Boston Consulting Group. BCG Review- Special release: Kazakhstan. 2018 // https://image-src.bcg.com/Images/BCG_Review_KZ_May_tcm9-193677.pdf

References

1. Lindsey Anderson and Irving Wladawsky-Berger. The 4 Things It Takes to Succeed in the Digital Economy. 2016. Harvard Business Review.
2. Xiaojuan Jiang (2020) Digital economy in the post-pandemic era, *Journal of Chinese Economic and Business Studies*, 18:4, 333-339, DOI: 10.1080/14765284.2020.1855066
3. José Luis Carrasco-Sáez, Marcelo Careaga Butter, María Graciela Badilla-Quintana. The New Pyramid of Needs for the Digital Citizen: A Transition towards Smart Human Cities // *Sustainability*. 2017. № 9, 2258. doi: 10.3390/su9122258
4. Ardashkin I.B. Smart-obshchestvo kak e'tap razvitiya novy'x tekhnologij dlya obshchestva ili kak novy'j e'tap social'nogo razvitiya (progressa): k postanovke problemy' // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2017. № 38. S.32-45.
5. Il'in A.N. Antropologiya sub`ekta // *E'lektronny'j zhurnal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. 2010. № 1. Filosofiya. Politologiya. URL:<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin/>
6. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan "On approval of the Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025" dated February 15, 2018
7. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazaxstan ot 12 dekabrya 2017 goda № 827 «Ob utverzhenii Gosudarstvennoj programmy "Cifrovoy Kazaxstan"» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>
8. Otchet po razvitiyu otrasli IKT v RK, 2019 g. // <https://zerde.gov.kz/press/news/otchet%202019.pdf>
9. Официальный интернет-ресурс Государственной программы «Цифровой Казахстан» <https://digital.kz/kz/o-programme/>
10. Nesterov A.V. O sootnoshenii smart obshchestva i obshchestva, postroennogo na

znaniyax // Baza danny'x Nethash.ru, 2014. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2014/04/27/1319681257/%D0%A1%D0%9C%D0%90%D0%A0%D0%A2.docx>

11. National Buro of statistik // <https://stat.gov.kz/>
12. Saparalieva K.S. Sovremennoe sostoyanie cifrovoj e'konomiki v ramkax razvitiya predprinimatel'stva v Respublike Kazaxstan // <https://cyberleninka.ru/article/n/sovre-mennoe-sostoyanie-tsifrovoy-ekonomiki-v-ramkah-razvitiya-predprinimatelstva-v-respublike-kazahstan>
13. Afonso, A., Schuknecht, L., Tanzi, V. 2003. Public Sector Efficiency: An International Comparison. Working Paper 242. European Central Bank
14. Beat F. Schmid (2001) What is New About the Digital Economy?, Electronic Markets, 11:1, 44-51, DOI: 10.1080/10196780122367
15. Zhenlong Miao (2021) Digital economy value chain: concept, model structure, and mechanism, Applied Economics, DOI: 10.1080/00036846.2021.1899121
16. Monitoring of the economy of Kazakhstan Ranking.kz. E-trading is rapidly gaining popularity: the share of e-commerce in the total retail turnover in Kazakhstan has reached 10% // <http://ranking.kz/ru/a/infopovodye-trading-stremitelno-nabiraet-populyarnost-dolya-elektronnoj-torgovli-ot-obshego-rozничного-oborota-v-rk-dostigla-10>
17. The Boston Consulting Group. BCG Review- Special release: Kazakhstan. 2018 // https://image-src.bcg.com/Images/BCG_Review_KZ_May_tcm9-193677.pdf

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: 2020-2021 гг.

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при Президенте
РК, доктор политических наук, профессор

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.08>

Nourzhanov Kirill, Peyrouse Sebastien (eds.). Soft Power in Central Asia. The Politics of Influence and Seduction. – New York, London: Lexington Books 2021. – 292 p.

Под редакцией К.Нуржанова (Центр арабских и исламских исследований Австралийского национального университета) и С.Пейруза (Институт европейских, русских и евразийских исследований ун-та Дж.Вашингтона) увидела свет коллективная монография «Мягкая сила в Центральной Азии: политика влияния и соблазнения». Концептуальная мысль книги заложена в идее, что если в XIX

веке регион был объектом соперничества империалистических держав, опиравшихся, прежде всего, на военную силу, то в постсоветскую эпоху все участники, в том числе новые (Турция, ЕС, Израиль и др.) в полной мере используют т.н. мягкую силу.

Книга состоит из двух частей. В первой части рассматриваются методы применения мягкой силы в ЦА со стороны США, России, Китая, Евросоюза, Турции и Израиля. Вторая часть базируется на сравнении российской и китайской мягкой силы и конкретных примерах – Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Авторы рассматривают все проблемы и эффект от

использования мягкой силы с точки зрения социальных, политических и идеологических последствий. Но в целом исследование укладывается в рамки традиционной западной модели, которая видит в Центральной Азии объект международного и геополитического соперничества.

Libman A., Vinokurov E. One Eurasia or many? Regional Interconnections and Connectivity Projects on the Eurasian Continent. - The George Washington University, Central Asia Program. – Washington: The George Washington University, 2021. – 132 p.

Данное издание – «Одна Евразия или множество?», написанное Александром Либманом (Свободный университет, Берлин) и Евгением Винокуром (Евразийский банк развития), посвящено экономическому разнообразию Евразии, региональному взаимодействию и различным проектам, призванным объединить Евразийский континент. В первой главе ставятся три основных вопроса. Первый относится к евразийско-

му регионализму, который авторы отделяют от собственно регионов Евразии. Является ли понятие «Евразия» геополитической (геоэкономической) дефиницией или искусственным понятием? Второй вопрос состоит в конкуренции различных проектов, предлагаемых для Евразии Китаем, Россией, Индией, Японией, Евросоюзом и неевразийским государством Соединенными Штатами. В этот процесс вовлечен АБР. В некоторых случаях проекты совпадают или близки друг к другу, а в других – противостоят между собой. Третий вопрос касается институциональных форм, в которых данные проекты могли бы быть представлены.

Вторая глава посвящена регионализму на крупном уровне, который мог выдвинуть масштабный проект в рамках «Большой Евразии». Следующие главы уже на предметном уровне рассматривают примеры евразийской интеграции: ЕС, постсоветское пространство (ЕАЭС), Восточная Азия и ЮВА (АСЕАН). Центральной главой исследования является пятая, которая ос-

вещает взаимосвязь и взаимодополняемость основных проектов, исходящих от России (Партнерство в рамках Большой Евразии), Японии (Партнерство за равную инфраструктуру), Евросоюза (Стратегия связанности ЕСС и Азии) и Индии (Концепция центральноазиатской политики). Здесь совершенно не остается места американской концепции Нового шелкового пути. В последней главе авторы касаются взаимодействия различных финансовых институтов ЕС, ЕАЭС, КНР, ШОС и АСЕАН.

Авторы в своих выводах относят большинство проектов к «дискуссионным клубам», которые ограничиваются прожектерством или декларациями о намерениях. Наилучшие перспективы для реализации крупного евразийского проекта, как считают исследователи, открываются перед китайской инициативой «Один пояс, один путь». Но главным препятствием на пути формирования единой Евразии они видят в многоплановом кризисе, вызванный пандемией коронавируса.

Laruelle M., Schmoller J. (eds.) Cultures of Islam: Vernacular Traditions and Revisionist Interpretations across Russia. – Washington: The George Washington University, 2021. – 131 p.

Под редакцией М.Ларюэль (совместно с Й.Шмоллером) в этом году увидела свет нетривиальная коллективная монография «Культуры ислама: народные традиции и ревизионистские интерпретации в России». Данное издание является частью более крупного проекта - «Ислам в России, Россия и исламский мир» в рамках программы университета Дж.Вашингтона. Как следует из заглавия книги, российский ислам рассматривается как отход от традиционного ислама. Основной причиной этого явления, что верно и для Центральной Азии, считается разрыв между религиозной и этнической идентичностью. Поэтому многие (еще языческие, по сути) обычаи воспринимаются целыми поколениями верующих в качестве «мусульманских». Все авторы в данном издании согласны в

том, что культура и ислам существуют среди мусульманских меньшинств и эмигрантов в РФ рука об руку. В работе рассматриваются регионы Сибири, Поволжья и Крыма. Основной вопрос, на который пытаются ответить авторы, состоит в следующем: будет ли столкновение между собственным исламом и его интерпретациями, или они смогут сосуществовать и дальше.

Исследование состоит из трех частей. Первая является фактически обзором российского ислама (в основном на примере Татарстана) в контексте взаимодействия возрожденного ислама с культурой и образованием, что и выявило противоречие между устоявшимися традициями (преимущественно этническими) и новой волной исламизации. Вторая часть посвящена идентичности этнических групп и поиску молодежью новой мусульманской идентичности. Третья часть рассматривает особенности ислама (молитвенные ритуалы, исламские практики) среди мигрантских групп (в основном – выходцев из Средней Азии). Данное исследование является важным

для нас с точки зрения схожести процессов, которые протекают в мусульманских регионах России и в республиках Центральной Азии.

Isaacs Rico, Marat Erica (eds). The Routledge Handbook of Contemporary Central Asia. – London: Routledge, 2021. – 496 p.

Под редакцией И.Рико (Университет Линкольна, Великобритания) и Эрики Марат (Национальный оборонный университет США) увидело свет крупное справочно-информационное издание «Справочник издательства Раутледж по современной Центральной Азии». Такие справочники выходят в данном издательстве на регулярной основе по самым различным вопросам. Издание состоит из семи частей (30 глав), призванных дать аудитории максимальное количество информации и наиболее полное представление о регионе. С композиционной точки зрения последовательно освещаются: 1 часть – история региона (царская и советская эпохи, коллективизация и голод, послевоенная эпоха); 2 – полити-

ка (разновидности авторитарных моделей; клановые системы, строительство национальных государств, противоречия в Ферганской долине); 3 – география (границы, идентичность, водная проблема); 4 – ЦА в системе международных отношений (отношения с КНР, США в ЦА, внутренние ресурсы для проведения внешней политики, военные потенциалы, глобализм и миграция); 5 – политическая экономика региона (экономические реформы, углеводороды в Каспийском регионе, коррупция, модернизация); 6 – культура и общество (национализм и традиции, гендерные вопросы, современное искусство, языковая политика); 7 – религиозное лицо региона (возрождение ислама, секуляризация, либерализм и ислам, тенгрианство).

Roberts Sean R. The War on the Uyghurs: China's Internal Campaign against a Muslim Minority. – Princeton: Princeton University Press, 2020. – VIII+308 pp.

Сохраняет свою актуальность проблема изучения текущей и традиционной по-

литики Пекина в Синьцзяне, которая дает возможность Западу (наряду с вопросами Гонконга и Тайваня) продолжать нападки на внутреннюю и национальную политику КНР. Не является исключением и монография Шина Робертса «Война с уйгурами: внутренняя кампания Китая против мусульманского меньшинства». Данная проблема напрямую затрагивает и Казахстан, где существует своя уйгурская община, не говоря о наличии казахских соплеменников в СУАР, которые якобы также подвергаются преследованиям в форме антирелигиозного воспитания.

Автор связывает начало широкомасштабной антиуйгурской кампании после событий 11 сентября 2001 г. и начала глобальной войны с террором, тем более, что по стране тогда прошла волна терактов. Ш.Робертс показывает, как под вывеской анти-террористической кампании руководство КНР пытается изменить уйгурскую национальную идентичность. Основной инструмент такой политики – т.н. лагеря перевоспитания.

В качестве грехов китайской администрации называются вмешательство в воспитание детей (запрет на участие в религиозных ритуалах), аресты деятелей культуры и интеллигенции, трудовые программы в текстильной и швейной отраслях с использованием дешевого труда (СУАР производит 7% мирового урожая хлопка).

Работа состоит из шести глав. В первой рассматривается китайский колониализм в период с 1759 по 2001 гг. Вторая глава «Как уйгуры стали «террористической угрозой» посвящена собственно адаптации Пекином глобальной войны с террором в своих целях. В главе «Мифы и реальности террористической угрозы и ее ассоциации с уйгурами» освещает деятельность боевиков уйгурского происхождения из Туркестанской исламской партии в Сирии, Афганистане и других регионах. Четвертая глава носит название «Колониализм смыкается с контртерроризмом» и в большей степени показывает преобразование Синьцзяна и его городов под воздействием китайской модернизации. Пя-

тая глава «Народная война с террором» в 2013-2016 гг. показывает реакцию китайцев на протестные акции в Пекине (самосожжение уйгурской семьи 20 октября 2013 г.). Завершает книгу глава «Культурный геноцид 2017-2020 гг.», где доказывается, что геноцид это не только физическое истребление, но и разрушение культуры той или иной нации или этнической группы, в данном случае уйгурской.

По подсчетам исследователя, в той или иной форме репрессии затронули свыше одного миллиона человек (фигурирует даже неподтвержденная цифра в 3 млн. чел.). Начало массовой кампании против уйгуров, которая ранее носила спорадический и реактивный характер как реакция на отдельные теракты, в книге относится к 2017 году. В сфере начального и среднего образования большое значение придается китаизации и изучению китайского языка. В заключении автор называет происходящее гуманитарной трагедией, построенной на комбинации колониализма и контртерроризма».

**Sanghera Balihar, Saty-
baldieva Elmira. Rentier Cap-
italism and Its Discontents.
Power, Morality and Resis-
tance in Central Asia. - Cham,
Switzerland: Palgrave Mac-
millan, 2021. – XXV+ 321 pp.**

К интересной проблематике обратились сотрудники Кентского университета Б.Сангера и Э.Сатыбалдиева, написав совместную работу «Рентный капитализм и недовольные им: власть, мораль и сопротивление в Центральной Азии». Монография освещает многоплановый экономический, политический и экологический кризис в регионе, вытекающий из самой модели рентного капитализма, утвердившейся в Центральной Азии. Фактически, работа нацелена на примере стран ЦА на критику неолиберального порядка, навязанного народам региона. Авторы проникают в самую суть реального финансового и государственного устройства, а также материальных, человеческих и природных ресурсов, которыми в этой ситуации располагают Казахстан и Киргизстан. Они показывают истинный механизм извлечения

ренты, ее моральное и юридическое оправдание и социальную борьбу против рентного капитализма. Исследование показывает значение классовых отношений в рамках возникших государственных систем, подавляющих любое противодействие сложившейся финансовой системе, а также понимание роли глобального капитализма в социальной и экономической динамике в Центральной Азии.

По глубокому убеждению авторов, результатом проводившихся под эгидой Запада и международных финансовых институтов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в бывшем СССР реформ стала повсеместная клептократия, выдаваемая за свободный рынок, разграбление экономического и социального ресурса, а также природных богатств. Э.Сатыбалдиева подчеркивает, что самыми радикальными оппонентами проводившихся в западном стиле неолиберальных реформ стали советские женщины, лишившиеся работы на фабриках, совхозах, школах и системе здравоохранения и превратившиеся в шопниц. Наступившая повсе-

местно бедность резко усилила трудовую эмиграцию.

В связке с МВФ, Всемирным Банком и ВТО новые владельцы природных ресурсов региона в лице глобальных ТНК создали единый фронт для давления на местные правительства и блокировали любые попытки демократическим путем оказывать сопротивление давлению глобальных институтов. В данном контексте для авторов особенно показательна деятельность компании «Шеврон» в Казахстане и канадского золотодобывающего концерна в Киргизии. При этом коррумпирование местных режимов, как подозревают авторы, был скорее не внутренний процесс, а носил целенаправленный характер извне. Суть рентного капитализма ученые видят в минимизации расходов для внешнего капитала (путем тотального сужения социальных расходов, прежде всего за счет образования и здравоохранения) и максимального извлечения прибыли любым путем, включая разрушение экологии. Этим же целям служат налоговые, банковские и иные реформы.

По подсчетам авторов, на формирование классово детерминированной системы социального неравенства в РК и КР ушло примерно 17 лет. Таков моральный и академический посыл данного фундаментального исследования, способствующего точному пониманию той катастрофы, которую пережило население бывшего Советского Союза.

Kassenova Togzhan. Atomic Steppe: How Kazakhstan Gave Up the Bomb. – Stanford: Stanford University Press, 2022. – 392 p.

В начале 2022 г. выйдет печатное издание работы Тогжан Касеновой «Атомная степь: как Казахстан отказался от бомбы». Как следует из названия, речь идет об истории Семипалатинского полигона и отказе РК от своей части советского ядерного арсенала. Т.Касенова (старший научный сотрудник университета Олбани и исследователь Фонда Карнеги) является дочерью основателя и первого директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте

РК У.Т.Касенова. Надо сказать, что в первые годы своего существования КИСИ был вовлечен в решение ядерной проблемы, выполнение СНВ-1, вхождение в ДНЯО и ликвидации инфраструктуры Семипалатинского полигона. То есть, автор не понаслышке знала ядерную проблему в деталях.

При работе над книгой она провела многочисленные интервью со специалистами, дипломатами и жителями территорий, прилегающих к по-

лигону, и привлекла обширное количество материалов и источников. Фактически, как писала в рецензии С.Камерон, эта книга является первым англоязычным и наиболее полным изданием, посвященным ядерной судьбе Казахстана. С этой мыслью согласные все ведущие западные эксперты в ядерной сфере и международной безопасности. Таким образом, будем с нетерпением ждать официального выхода фундаментальной монографии Т. Касеновой.

**Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан создан
Указом Президента Республики Казахстан
16 июня 1993 года**

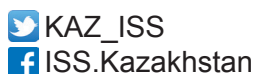
Основной задачей КИСИ является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан. КИСИ является единственным казахстанским «мозговым центром», вошедшим в основной рейтинг «Global Go To Think Tank Index Report» Пенсильванского университета (2018 г.), заняв 142 место среди 8162 мозговых центров мира.

За 28 лет деятельности Институтом было издано более 300 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір», «Казахстан Спектр», «Central Asia's Affairs». Институт располагает собственным сайтом на трёх языках: казахском, русском и английском, а также ведёт аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

КИСИ является уникальной международной экспертной площадкой, где ежегодно проводится ряд научно-практических мероприятий, посвящённых актуальным проблемам мировой политики и экономики. В научных форумах Института принимают участие авторитетные эксперты из стран Центральной Азии и дальнего зарубежья.

Адрес и контактные телефоны КИСИ:

Республика Казахстан, 010000
г. Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz

**Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстан
стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан
Республикасы Президентінің Жарлығымен
1993 жылғы 16 маусымда құрылған**

ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ негізгі міндеті – Қазақстан Республикасының ішкі және сыртқы саясатының стратегиялық аспектілерін аналитикалық қамтамасыз ету.

Пенсильвания университетінің «Global Go To Think Tank Index Report» рейтингісі (2018 ж.) бойынша ҚСЗИ әлемнің 8162 талдау орталықтары арасынан 142 орынды иемденіп, рейтингке кірген жалғыз қазақстандық «ақыл-ой орталығы».

Институт өзінің 28 жылдық қызметі барысында халықаралық қатынастар, жаһандық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 300-ден астам кітап басып шығарды. ҚСЗИ-да үш журнал басылып шығарылады: «Қоғам және Дәуір», «Казахстан Спектр» және «Central Asia's Affairs». Үш тілде жүргізіліп отыратын сайты, Facebook және Twitter әлеуметтік желілерінде өз парақшасы бар.

ҚСЗИ – жыл сайын әлемдік саясат пен экономиканың өзекті мәселелері бойынша бірқатар ғылыми және практикалық іс-шаралар өткізілетін ерекше халықаралық сарапшылар алаңы. Институттың ғылыми форумдарына Орта Азия мен алыс шетелдердің беделді сарапшылары қатысады.

Мекен-жайы және байланыс телефондары:

Қазақстан Республикасы, 010000,
Нұр-Сұлтан, Бейбітшілік көшесі, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz

